

Автономная некоммерческая организация
ЦЕНТР ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ: XXI ВЕК

ТЕТРАДИ *ТУМАНИПЛЯРНОЙ*
ЭКСПЕРТИЗЫ (3)

МЕДИА ЭТОС:
ТЮМЕНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ –
предварительные результаты

Ответственный редактор В.И.Бакштановский

Тюмень - 2000

“Тетради гуманитарной экспертизы” – продолжающееся издание автономной некоммерческой организации “Центр прикладной этики: XXI век”. Цель издания – публикация материалов гуманитарной экспертизы и консультирования ситуаций становления нового этоса (“духа” и “правил игры”) в современной России: этоса политического, делового, регионального, этоса образовательной деятельности, медиа этоса и т.п. Возможные виды и формы публикуемых материалов: результаты экспертных опросов, этико-социологических исследований, практикумов, деловых игр; аналитические тексты и т.д.

Редакционный совет:
Г.С.Батыгин, Ю.В.Казаков, А.Ю.Согомонов, Ю.В.Согомонов

Ответственный редактор
В.И. Бакштановский

ТЕТРАДИ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (3). Медиа этос: тюменская конвенция – предварительные результаты / Отв. ред. В.И.Бакштановский. – Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2000. – 92с.

Новый проект автономной некоммерческой организации “Центр прикладной этики: XXI век” посвящен созданию этической конвенции регионального сообщества журналистов. В третьем выпуске “Тетрадей” представлены материалы, отражающие результаты реализации первой части проекта: тексты экспертного опроса, обзор социологического исследования, фрагменты стенограмм семинаров в тюменских СМИ. Выпуск завершается анализом первых результатов попытки создания этической конвенции.

Проект реализуется при финансовой поддержке Фонда Форда, организационной и информационной поддержке Союза журналистов Тюменской области, департамента информации и региональной политики администрации Тюменской области, ГТРК “Регион-Тюмень”, газеты “Тюменский курьер”.

Редактор выпуска И.А. Иванова.
Оригинал-макет И.В. Бакштановской.
Научно-организационная работа М.В. Богдановой.
В подготовке выпуска принимали участие: В.А. Кабакова, Н.В. Попова, А.П. Тюменцева.

Подписано в печать 17.07.2000. Формат: 60x84/8. Гарнитура Arial Cyr. Усл.печ.л. 6.
Тираж 250 экз. Отпечатано с готового макета в типографии издательства “Вектор-Бук”.

Лицензия ПД № 17-0003 от 06.07.2000

Адрес редакции:
РФ, 625002, Тюмень, ул.Немцова, 39-83, тел./факс (3452) 24-02-26

© Центр прикладной этики: XXI век. 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

Скромное обаяние конвенции (<i>Предисловие редактора</i>)	5
---	---

1. Материалы экспертного опроса

Дистанцированная экспертиза

<i>М. Асламазян (Интервью)</i> «...Всегда должны быть “городские сумасшедшие”, которые будут твердить о журналистской этике»	10
<i>И.И. Засурский (Факультет журналистики МГУ)</i> “...Никакой кодекс не поможет избежать ситуации нравственного выбора”	14
<i>Е.А. Злотникова (Национальная ассоциация телерадиовещателей)</i> “...Разве частое нарушение библейских заповедей означает, что эти заповеди неправильны?”	17
<i>Ю.В. Казаков (Национальный институт прессы)</i> “...Профессия больше, чем ремесло. Это ремесло с гигантской надстройкой, представленной, прежде всего, профессиональной моралью”	21
<i>В.Н. Монахов (Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ)</i> “...Мы – инструмент этико-правового влияния”	28
<i>А.Б. Панкин (журнал “Среда”)</i> “...Общий принцип всех демократических хартий: не хочешь, чтобы тебя регулировало государство, регулируй себя сам”	31
<i>А.К. Симонов (Фонд защиты гласности)</i> “...Любая статья кодекса – это определенное количество людей, которые протянули друг другу руки”	32
<i>М. Слоним (Телепрограмма “Четвертая власть”)</i> “...Нормы Московской хартии – здравый смысл журналистики”	36
<i>М.А. Федотов (Большое жюри Союза журналистов РФ)</i> “...Цель Большого жюри – установление контакта и попытка взаимопонимания, а не осуждение”	38

Внутренняя экспертиза

<i>Л.Н. Вохмина (“Тюменская правда”)</i> “...Журналистскую профессию минимальным стандартом не исчерпать”	42
<i>Р.С. Гольдберг (“Тюменский курьер”)</i> “...Речь идет об общественном договоре: мы не делаем того-то и того-то, а общество нас воспринимает как порядочных людей”	43
<i>Г.М. Голованова (“Наше время”)</i> “...Журналист ежедневно стоит перед моральным выбором. Такая у него работа”	46
<i>Е.В. Горбачева (Пресс-центр представительства ХМАО в Тюмени)</i> “...Каждый журналист считает себя достаточно моральным. Но часто то, что приемлемо для одного, не приемлемо для другого”	49
<i>В.С. Горбачев (“Тюменская правда сегодня”)</i> “...Прежде всего, такую конвенцию между собой должны заключить издатели”	51
<i>В.А. Зайцев (ГТРК “Регион-Тюмень”)</i> “...Журналист не может профессионально состояться, если для него не значима такая ценность, как порядочность”	53
<i>В.А. Кабакова (“Тюменский курьер”)</i> “...Когда перед ними возникнет моральная дилемма, будет что положить на чашу весов”	54
<i>Е.Л. Кох («МК» в Тюмени»)</i>	

“...В конвенции должны быть два уровня требований: то, что журналисты считают неприемлемым, и то, к чему они стремятся как к идеалу”	56
<i>В.С. Кузнецов (“Тюменские известия”)</i>	
«...Моральный закон нужен, чтобы мы помнили: работаем в одном “цехе”».....	58
<i>А.К. Омельчук (ГТРК “Регион-Тюмень”)</i>	
“...Самое важное, чтобы конвенция закладывала основу для размышления о том, что – нравственно, а что – безнравственно”	60
<i>Ю.И. Пахотин («АиФ» в Тюмени)</i>	
“Из всех мотивов создания конвенции важнее защита от массы непрофессионалов в самих СМИ”	62
<i>С.А. Фатеев (Телекомпания “Ладья”)</i>	
“...Угрозу нравственной жизни журналистского сообщества вижу в массовом явлении журналистов-беспредельщиков”	64
2. Обзор материалов социологического исследования	
Корпоративные ценности и нормы сообщества тюменских журналистов (Обзор интервью)	66
3. Обзор материалов экспертных семинаров	
“...Мы разделились на две группы и обсуждаем идеи, на деле очень взаимосвязанные” (Обзор семинара в редакции “Тюменского курьера”)	73
4. Послесловие	
<i>В.И. Бакштановский, Ю.В. Казаков, Ю.В. Согомонов</i> Образы этической конвенции: первые результаты	81

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ КОНВЕНЦИИ (Предисловие редактора)

Рискну начать свое предисловие не с традиционной характеристики актуальности, цели, задач проекта, реализуемого АНКО “ЦПЭ: XXI век” при поддержке Фонда Форда, а также Национального института прессы и Союза журналистов Тюменской области, но с фиксации одной из основных трудностей реализации идеи создания этической конвенции тюменских журналистов. Трудности, своевременное осознание – и преодоление – которой может сделать замысел проекта более взвешенным, рациональным, ответственным.

На мой взгляд, эта трудность коренится в тенденции к *банализации* реальных проблем нравственной жизни “цеха” и, соответственно, в возможности *обесмысливания* предстоящей работы.

Чтобы подтвердить существование этой тенденции, процитирую заметку из столичной газеты по поводу подписания “Хартии телерадиовещателей”. «Лев Толстой, как известно, был не большой любитель выпить. Даже, можно сказать, к определенному возрасту вообще трезвенником стал. Казалось бы, кому, как не ему, приветствовать было создание модных в начале века обществ трезвости? Но даже этот отъявленный трезвенник высмеивал подобные организации. “Это что же, – говорил он, – собираться, чтобы не пить? А если уж собрались, то почему бы не выпить”. Разумно. ...Кто хочет делать, тот делает, кто не хочет – декларирует. Помпезное подписание Хартии помимо всего прочего рождает первый и главный вопрос: чтобы доносить до зрителя достоверную информацию, не лезть в частную жизнь, не показывать долго и крупным планом отрезанные головы, не сквернословить в эфире, – для этого нужно обязательно, собравшись в апостольском количестве, торжественно придумывать телевизионную библию? Чтобы элементарно вести себя достойно и корректно – нужно приглашение? (А вы спрашиваете, – при чем тут Толстой с его обществами трезвости.)».

Кроме того, напомним, что в прошлом году один из тюменских журналистов публично продемонстрировал сходную позицию, заявив, что профессиональный кодекс журналистов вовсе не нужен – им, как и всем другим смертным профессионалам, достаточно десяти заповедей.

На мой взгляд, сверхострая форма нигилизма при всей слабости своих аргументов – достаточно указать на высокомерное отношение к мировому опыту саморегулирования профессии – способна в обоих случаях, вольно или невольно, обесценить, а то и просто *оглупить* смысл работы над самыми “болевыми точками” саморегуляции профессионального сообщества, увести корпоративное сообщество от осознания профессиональной миссии СМИ.

Способом *профилактики* склонности к банализации темы является прежде всего адекватное *мотивирование* работы журналистов над своей конвенцией. Кстати, может быть, и сама Хартия телерадиовещателей повинна в своей нелегкой судьбе – авторы и подписанты не озаботились декларированием ее *смысла*, в том числе – ее роли при наличии и Библии, Закона о СМИ, огромного числа кодексов, хартий и т.п.

Прежде всего, важно не поддаваться соблазну банального сведения мотивов создания конвенции лишь к аргументам внешней целесообразности, например, к аргументированию необходимости профессионально-этических кодексов как контрмеры против угрозы создания Высшего совета по этике и т.п. институций административного регламентирования.

Отсюда “сверхзадача” проекта – не просто помочь “цеху” в его стремлении активизировать процесс саморегулирования, но и попытаться повлиять на *мотивы* такой активизации. Важно проблематизировать для “цеха” феномен доминирования утилитарных мотивов саморегулирования, связанных с опасениями “цеха” в связи с намерениями власти и бизнеса ограничить свободу слова. Предстоит попытка активизировать мотив самокритики “цехом” моральной ситуации, в которую он сегодня вовлечен. Особенно – в связи с размыванием этических стандартов сообщества под влиянием информационных войн и других весьма противоречивых феноменов современной России.

Еще одно направление профилактики тенденции к банализации темы саморегулирования СМИ – преодоление односторонних, превратных, нередко искаженных образов Кодекса или любого подобного документа, образов не просто многообразных и спорных, но и прямо ошибочных¹. Например, *административный* образ заформализованного бюрократического документа для начальственного контроля и санкций в адрес подчиненных. Или, например, образ инструкции по технике безопасности. Или, наоборот, образ ни к чему конкретно не обязывающей декларации. Разумеется, эти образы не случайны, в их основе – отражение реальных сторон практикуемых документов регулятивного плана. Но меньше всего они могут быть отнесены к документам саморегуляции. Отсюда у проекта две функции – собственно конструктивная и, одновременно, просветительская функция, призванная преодолеть настороженность и предубеждения в отношении его целей.

Переходя к традиционному началу предисловия, отмечу, что *актуальность* проекта, посвященного созданию профессионально-этической конвенции сообщества тюменских журналистов, определяется трансформацией российского медиасообщества, сменой смыслоценностных координат его профессиональной деятельности. Вхождение прессы в рыночную экономику, обострение ситуации в отношениях СМИ и власти, последние инновации в жизни государства и общества поставили задачу новой самоидентификации журналистов и стимулировали активизацию процесса саморегулирования “цеха”. Без напряженной рефлексии об особенностях профессионального этоса, присущего современному российскому медиасообществу, трудно разобраться в нравственных конфликтах, порожденных столь длительной переходной ситуацией.

При этом было бы преждевременным радоваться тенденции преодоления скептицизма журналистов к задачам саморегулирования “цеха”. Дело в том, что для той части “цеха”, которая уже склонна активизировать данный процесс, зачастую характерно стремление обойтись без предварительного диагноза моральной ситуации, уклониться от рефлексии ценностных ориентиров самоопределения в условиях постсоветского общества и намерение опереться лишь на интуитивное понимание природы морального кризиса “цеха”; решение избрать ускоренную процедуру самоопределения без обращения к практике саморегулирования СМИ и в мире, и в нашей стране.

В то же время публикация материалов зарубежного опыта саморегулирования СМИ через механизм принятия самообязательств, расширив для российских журналистов ситуацию морального выбора, одновременно поставила перед ними проблему преодоления соблазнов либо категорического отрицания этого опыта, склонности и в этом вопросе идти *особым путем*, либо прямолинейного копирования такого опыта, игнорирующего проблему его адаптации к отечественным реалиям.

Цель проекта – воздействие на стихийный процесс саморегулирования российских СМИ посредством целенаправленного освоения мирового и отечественного опыта кодифицирования журналистской этики через проектирование профессионально-этической конвенции регионального сообщества журналистов Тюмени.

Способ реализации. Цель проекта реализуется с помощью идеи и методов гуманитарной экспертизы, предполагающих проведение в редакциях тюменских СМИ цикла семинаров, в том числе с активными формами освоения материалов зарубежного и отечественного опыта саморегулирования, представленных в изданной Фондом защиты гласности книге “Профессиональная этика журналиста”; экспертный опрос и этико-социологическое исследование как способы проектирования фрагментов этической конвенции; итоговый семинар, посвященный апробации проекта конвенции и выработке PR-акций по его реализации.

Разработанная и многократно апробированная авторами проекта методология гуманитарной экспертизы как способа активизации моральной рефлексии призвана не допустить назидательности и дидактичности, столь чуждых подлинно нравственной работе морального субъекта над собой, и предложить профессиональному сообществу журналистов консультативный потенциал своеобразной *экспертной системы*, дающей этому сообществу возможность узнать (или не узнать) себя в своеобразном “зеркале”, которое трудно отбросить на манер того, как это сделала капризная сказочная красавица-царица.

---

¹ См. об этом подробнее в кн.: В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов. Этика политического успеха. Москва-Тюмень: Изд-е Центра прикладной этики, 1997. Глава 19.

Ожидаемые трудности. Эффективность активной работы по кодификации отечественной медиаэтики непосредственно зависят от степени преодоления и в обыденном профессионально-нравственном сознании, и в сознании некоторых исследователей целого ряда требующих критики стереотипных подходов и суждений, значительно снижающих эффект морального анализа и самоанализа ценностей и правил игры медиасообщества, а также эффект собственно кодифицирования. Поэтому, кроме указанных выше, стоит выделить еще несколько трудностей, которые ожидают как авторов, так и участников проекта.

Речь идет прежде всего о том, чтобы участники проекта приняли идею *конвенциональности* как основы создания этического документа, ориентирующего процесс саморегулирования “цеха”.

Приняли и при этом отнеслись к такой конвенции не столько как к набору готовых решений и ответов, сколько как к ориентиру поиска индивидуального решения, аккумулирующему опыт сообщества.

Кроме того, предстоит достигнуть адекватной – рациональной, а не аффективной – реакции участников проекта на скептические настроения по поводу эффективности действия проектируемого документа.

В частности, важно добиться согласованного мнения “заказчиков” и “исполнителей” проекта о том, что для намеченной работы рефлексивный *процесс* значим не менее, чем конструктивный *результат* – создание конкретного документа под названием “Конвенция”.

При этом индивидуальная и групповая рефлексия журналистов над смыслом и мотивами создания конвенции, т.е. процесс профессионально-нравственного самопознания и самооценки, не менее значимы, чем установка на инструментальное применение Конвенции в конкретных ситуациях выбора.

Наконец, важно не допустить, чтобы проект обернулся радикал-реформаторским документом по стилю его “внедрения”. Проблемы подписания-неподписания документа, связанных с ним моделей “этической комиссии”, отношения к вопросу о санкциях и т.п. не должны решаться с нарушением природы и духа профессионально-нравственного саморегулирования, требуют категорического исключения из оборота административного подхода и проч.

Например, будущей “Этической комиссии” при работе с Конвенцией предстоит преодолеть искушение свести свою работу к санкциям и решиться на придание самостоятельного значения процессу анализа конфликтной ситуации. Иначе говоря – процедура важнее “приговора”.

Основанием для реализации проекта в Тюмени является то обстоятельство, что региональное сообщество журналистов уже в определенной степени мотивировано к созданию собственных Кredo и Кодекса предшествующими проектами, посвященными актуальным проблемам профессиональной этики журналиста. И не просто мотивировано, но и в определенном отношении *продвинуто* в этом направлении, о чем свидетельствуют содержательные “заделы” для реализации данного проекта. Так, известная часть тюменских журналистов участвовала в проектах “Становление духа корпорации: правила честной игры для журналистского сообщества”² и “Медиа этос: ценности и правила игры регионального сообщества журналистов”³.

Планируемые *результаты* проекта: освоение зарубежного и отечественного опыта саморегулирования, выступающего как стимулом моральной рефлексии, так и ориентиром для анализа тех конкретных ситуаций, в которых живет тюменская журналистика сегодня; прецедент создания конвенции регионального сообщества журналистов, опирающегося на мировой опыт и оригинальные отечественные подходы.

---

² См. кн.: Становление духа корпорации: правила честной игры сообщества журналистов. М.: Начала-Пресс, 1995. (Рец.: Социологический журнал. 1997. №1-2; Общественные науки и современность. 1998. № 6).

³ См.: Медиа этос: ценности и правила игры регионального сообщества журналистов. Материалы экспертного опроса // Тетради гуманитарной экспертизы (1). Тюмень, 1999; Медиа этос: ценности и правила игры регионального сообщества журналистов. Попытка понимания. Материалы семинара // Тетради гуманитарной экспертизы (2). Тюмень, 1999.

Проект рассчитан на интерес самого профессионального сообщества журналистов, властных структур, разнообразных институтов гражданского общества, заинтересованных в высоком профессионально-этическом уровне СМИ.

Публикации материалов проекта в виде специальных выпусков “Тетрадей гуманитарной экспертизы” будут доступными обозрению достаточно широкой части профессиональной аудитории, в том числе и за пределами непосредственной географической сферы действия проекта.

***

В данном выпуске “Тетрадей” публикуются три вида материалов предпринятой проектом гуманитарной экспертизы: экспертный опрос, социологическое исследование, семинар с элементами игрового моделирования.

Публикуемые в первой части выпуска тексты экспертного опроса созданы в процессе интервью редактора с каждым из экспертов. Участникам экспертизы был предложен определенный набор тем (полностью или частично), конкретное наполнение которых моделировало многообразие высказанных в СМИ суждений и оценок относительно различных аспектов проблемы саморегулирования профессии, в том числе через создание самообязательств в виде кодексов, хартий, конвенций и т.п.

Материалы экспертного опроса систематизированы в форме двух разделов. Авторы первого из них – “*Дистанцированная экспертиза*” – высказывают свои суждения по поводу реального опыта кодифицирования отечественных и зарубежных СМИ, в том числе “Хартии телерадиовещателей” и “Московской хартии”; относительно деятельности некоторых российских институтов саморегулирования (Судебной палаты по информационным спорам, Большого жюри Союза журналистов России); анализируют опыт различных исследовательских и правозащитных институций (например, Фонда защиты гласности, Интерньюс), выдвигают идеи, ориентированные на возможность их освоения в рамках данного проекта (например, идею “минимального стандарта”).

Структура тематического набора вопросов к авторам раздела “*Внутренняя экспертиза*” в основном соответствовала гипотетическим представлениям авторов проекта о модели будущей конвенции. Соответственно, предполагалось получить экспертные суждения и оценки участников интервью относительно (1) проблемной ситуации в медиаэтносе, степени целесообразности создания кодексов и конвенций, их задачах; (2) мотивационного комплекса, определяющего работу журналистов над конвенцией; (3) самоопределения журналистов к корпоративной миссии; (4) статуса и содержания темы “журналист в ситуации выбора”; (5) места и конкретного содержания “Минимального стандарта профессионально правильного поведения”; (6) идей по поводу назначения и идеологии “этической комиссии”.

В подавляющем числе случаев участникам интервью предлагались на экспертизу проблемные, чаще всего – альтернативные позиции по тому или иному тематическому направлению.

Например, по первому вопросу предлагалось отнестись к цитированному в начале моего предисловия сверхскептическому высказыванию о целесообразности подписания Хартии телерадиовещателей, принадлежащему телекритику Е. Барабаш, а также выдвинутому в прессе полемическому и, на взгляд авторов проекта, внутренне противоречивому подходу, согласно которому (а) российская журналистика до конца века не созреет до унифицированных представлений об этике, и потому в наши дни каждый журналист призван выбирать “собственную систему координат”. И “никто не вправе советовать другому в профессии жить так, как живет лично он”. При этом (б) “нам ничего не надо навязывать извне. Все этические нормы корпорации, как и сама корпорация, должны родиться сами из себя, сами по себе, без чьей-либо посторонней помощи. Никаких щипцов, акушерок и прочего. Только – каждому отдельная палата и полный покой”. А если “роды не завершатся благополучно и в приятный обществу срок”, это “значит так надо. Значит, суп еще не проварился. Не сформировались, не смогли” (А. Политковская).

В качестве конкретных суждений, проблематизирующих *мотивацию* саморегулирования “цеха” через механизм кодификации, участникам опроса предстояло выработать отношение к ряду подходов. Среди них два альтернативных.

Согласно одному из них, доминирующим мотивом саморегуляции “цеха” является “внешний вызов”, *внешне обусловленная целесообразность*, связанная с угрозами свободе слова. «Сегодня реальная целесообразность культивирования кодексов, как в целом острая необходимость саморегулирования прессы, связана не с “воспитательными задачами”, а с увеличением опасности для свободы прессы. ...Сегодня кодекс для меня инструмент целесообразности. ...Кодекс становится способом самосохранения СМИ» (А. Симонов).

Согласно второму подходу, основным мотивом необходимости работы над профессиональным кодексом является не внешняя (угроза свободе слова со стороны власти и бизнеса), а *внутренняя целесообразность*. В соответствии с этим выдвигался тезис о том, что свобода слова имеет своих врагов внутри корпорации. “*Мы-то по наивности думали, что этой свободе угрожает враг внешний – в лице законодателей, призывающих к тем или иным формам цензуры в СМИ, в лице чиновников, ограничивающих доступ журналистов к информации, в лице руководителей телекомпаний, изгоняющих из эфира правдивых и смелых... Ерунда. Пришла беда откуда не ждали. Пока противостояли врагу внешнему, сформировался враг внутренний – целый отряд информационных киллеров, сознательно дискредитирующих и свободу, и слово, игнорирующих все базовые ценности журналистской профессии, уничтожающих последние условия*”. Почему это угрожает свободе слова? “*Рано или поздно, устав купаться в грязи, которая выливается с экрана, задохнувшись от невыносимой вони, общество решит, что свобода слова – вреднейшая из свобод. И тогда оно с радостью встретит и приведет к власти того, кто объявит этой свободе войну и пообещает выжечь каленым железом заразу, угрожающую здоровью нации*” (И.Петровская).

В связи с вопросом о профессиональной *миссии* на экспертизу выносились распространенные модели такой миссии: “приводной ремень”, “четвертая власть”, “информационная”, “масс-медиа”. Разумеется, допускалось, что участники проекта предпочтут не входящую в этот набор модель, включающую все указанные виды миссии в единую конфигурацию.

В тематическом направлении, отражающем содержание *нормативной* части будущей конвенции, экспертиза предполагала самоопределение участников проекта к двум конкретным версиям этой части, выдвинутым в литературе. Одна из них акцентирует значение отношения к журналисту как субъекту морального выбора (версия В. Бакштановского). Другая – отдает приоритет “минимальному стандарту”, включающему нормы, не требующие активной моральной рефлексии (версия Ю. Казакова).

Особое место в экспертном опросе занимала альтернативная трактовка модели *этической комиссии*. На экспертизу участникам проекта предлагалась ситуация выбора между контрольно-регулирующей моделью комиссии, активно использующей административные санкции, и моделью экспертно-консультативной, ориентированной на стимулирование диалога конфликтующих сторон и освоение опыта решения сходных ситуаций, отраженного в мировой практике профессиональных кодексов. За первой из этих моделей стоял опыт ряда действующих отечественных кодексов, за второй – инициативный проект Центра прикладной этики и Фонда защиты гласности, опубликованный в ряде изданий.

Подчеркну, что публикуемые тексты являются расшифровками стенограмм устных интервью, минимально обработанными редактором и самими авторами. Заголовки текстов даны редактором.

***

Замысел и способы реализации этико-социологического исследования и цикла семинаров представлены в соответствующих частях данного выпуска “Тетрадей”.

Первые выводы по работе проекта даны в Послесловии.

***

Автономная некоммерческая организация “Центр прикладной этики: XXI век” благодарит участников проекта и организации, поддержавшие его финансовыми, организационными, информационными ресурсами или просто моральным участием.

Особая благодарность партнерам проекта из Национального института прессы Ю.В. Казакову и О.В. Карабановой.

1. Материалы экспертного опроса

Дистанцированная экспертиза

М. Асламазян

«...ВСЕГДА ДОЛЖНЫ БЫТЬ “ГОРОДСКИЕ СУМАСШЕДШИЕ”, КОТОРЫЕ БУДУТ ТВЕРДИТЬ О ЖУРНАЛИСТСКОЙ ЭТИКЕ»

Я НАЧИНАЛА свою работу в СМИ с Фонда защиты гласности, помогала Алексею Симонову зарегистрировать этот фонд, была его первым директором. И так сложилась судьба, что я участвовала и в организации российского Интерньюса. Это было в 1993 году, когда, поработав уже с американцами достаточно долго, мы решили, что должны стать национальной организацией. Кстати, сейчас национальные организации "Интерньюс" существуют уже в четырнадцати странах мира.

Главная задача Интерньюс – сделать негосударственные региональные телекомпании сильнее, профессиональнее, способными и успешно зарабатывать деньги, и поднимать уровень журналистики. При этом мы вынуждены заниматься буквально всеми аспектами существования электронных СМИ. К сожалению, сама журналистика, ее качество часто оказывались не самым главным предметом нашей работы последние девять лет. Хорошая журналистика может быть лишь там, где есть сильный менеджмент, где имеются необходимые деньги, где обеспечена возможность творить – нет диктата местной власти и т.д. И потому у меня опускаются руки, когда обнаруживается – в очередной раз, – что забота об этих аспектах развития региональных компаний может оказаться бесполезной, если мы одновременно не поможем компаниям развивать профессиональную культуру и этику.

Как легко молодые региональные журналисты поддаются так называемым "правилам игры", которые устанавливаются на местах. С каким поразительным спокойствием говорят они о проданных сюжетах. Когда на наших конкурсах обсуждаются их работы, я спрашиваю: «Почему у вас постоянно власть на экране? Где обычные люди, где простая жизнь? Почему ваши главные герои мэры и губернаторы, да еще вы постоянно поете им славу, делая это неумело в технологическом смысле? Вы должны держать власть "на расстоянии вытянутой руки" – известная формула – и показывать все, что она сделала: вот это обещала, вот это сделала или не сделала».

На все это у журналистов один ответ: "А что делать? Денег у нас нет, техники нет, мы сидим в здании, которое нам муниципалитет бесплатно предоставил. Если мы своего губернатора или мэра не покажем так, как он хочет, то нас завтра лишат лицензии, закроют и т.д. и т.п.". То есть, у многих наших журналистов нет внутреннего убеждения в том, зачем они занимаются журналистикой, что такое настоящие свободные СМИ. С большинством из них можно сделать все. Что хозяева и делают.

В БАЗЕ ДАННЫХ Интерньюс четыреста с лишним региональных телекомпаний, в последнем нашем конкурсе участвовало триста. За девять лет через наши семинары прошли 4200 человек. И если семинары посвящены не менеджменту, а профессиональной журналистике, то мы обсуждаем вопросы миссии местных новостей.

Мы говорим журналистам, что самая главная задача местной телекомпании – рассказать жителям города о том, что происходит именно у них в городе. Местная телекомпания не должна ставить перед собой федеральные задачи, для этого существуют федеральные каналы. В идеале было бы хорошо, если бы региональная компания охватила в своем выпуске и федеральные новости. Но это практически невозможно. Нет картинки. Куда поехал Путин и с кем он поговорил провинциальные зрители увидят на национальных каналах. Задача местного канала – рассказать, как решение президента, Думы, губернатора отразилось на жизни людей, которые живут с этим корреспондентом на одной лестничной площадке. Кстати, мы учредили специальный конкурс "Время местное". Я рада, что Российская академия телевидения в этом году впервые включила в список номинаций ТЭФИ номинацию под названием "Новости: время местное" – для региональных телекомпаний отдельно.

Самое главное, чему должны научиться местные журналисты, – как информацию местную вплетать в общенациональный контекст и, наоборот, как из общенационального контекста находить то, что важно для региона, в котором они живут, для людей, с которыми они живут.

ПОЧЕМУ не работают этические критерии и конкретные кодексы? Есть несколько причин, на мой взгляд. Например, когда большие вещатели по инициативе НАТ решили подписать Хартию, это была инициатива "сверху" – инициатива главных редакторов – и дань моде, но никак не внутренняя потребность. Дело в том, что, на мой взгляд, реальной национальной индустрии еще не создано: десять лет – срок небольшой. Скорее всего, показалось важным в тот момент, до выборов, сказать, что все мы святее Папы Римского, что сейчас мы подпишем хартию и будем жить по ней, как по Библии.

Но пришли выборы, появились деньги на избирательную кампанию, и все забыли про то, что они подписали. Известно, что в России и закон-то не выполняется. А хартия – это даже не закон. Намерения у всех были самые благородные, но потом некий главный редактор вернулся к себе в компанию, раздался звонок от учредителя и... Нет уж, или внутри тебя есть какие-то препоны, нормы, самоцензура, о которой бесконечно говорит А.К.Симонов, или их нет. Если же нет, то любую хартию подпишешь, а завтра тебе окажется выгодно кого-то "мочить в сортире" и ты забудешь про свою подпись.

Дело в том, что для полного успеха Хартии вся наша телеиндустрия в целом должна вести себя благородно. В то же время, это состояние не появится само по себе, к нему надо двигаться. Может быть, мой подход абсолютно идеалистический, но кодекс должен соответствовать тем реальным нормам, которые установились в индустрии, и расти от года к году. Например, в этом году мы, журналисты, на какой-то маленькой "тусовке" договорились между собой, что не позволяем себе делать то-то и то-то. К нам могут присоединиться другие, а могут и не присоединяться, не важно. Мы для себя договорились о правилах игры. Через год мы, возможно, посмотрим на свои обязательства и скажем: "Ребята, как нам не стыдно? Мы их уже переросли, надо делать лучше". И так, в процессе, постепенно наше сообщество дорастет до такого уровня, когда уже будет можно соответствовать хартиям Би-Би-Си и т.п.

И это не утопия. Просто надо понимать, что сам экономический процесс объективно привел к тому, что называется "информационная война". Большое число людей эту войну разжигали по политическим причинам, но, прежде всего, эта война была высеяна на взрыхленную экономическими процессами почву. И вот уже журналисты каналов и газет, принадлежащие разным медийным концернам, объективно не могут играть по общим правилам.

Но разве из этого следует, что все разговоры о саморегуляции журналистского сообщества, сообщества в целом, включающем в себя все эти медийные концерны, нужно отложить до того времени, когда и страна станет побогаче, и журналисты, то есть когда будет приличный материальный уровень, тогда появится и уровень моральный? Нет. Куча с чего начинается? С малого.

И не надо отчаиваться, что нормы профессиональной этики не выполняются. Все равно необходимо постоянно говорить об этике. Всегда должны быть "городские сумасшедшие", которые будут твердить об этом. Поэтому мне совершенно не важно, что некоторые люди говорят: «Ну, дура, что она в жизни понимает: какая-то этика, профессия, технология... Вот я просто "срублю" свой миллион на избирательной кампании и куплю себе очередную дачу, яхту и т.д.».

СЕЙЧАС мы делаем с Би-Би-Си восемь серий учебного кино – о том, как делать телевидение. И одна из серий посвящена профессиональной этике. Это видео-учебник. Нетрудно было сделать серию о работе оператора: ведь это чистая технология. А как сделать серию о профессиональной этике? Решили в виде беседы шести журналистов. Пригласили Владимира Познера – как ведущего, модератора этой дискуссии, Михаила Леонтьева, Дмитрия Киселева – человека, у которого европейские взгляды на этику, и трех региональных журналистов: главный редактор Витя Мучник из Томска, главный редактор Тимур Иванов из Екатеринбурга и журналистка, забыла как ее зовут, из Твери. Состоялся трехчасовой разговор, из которого была смонтирована серия на 50 минут.

Я присутствовала на записи. Из трех часов беседы Леонтьев занял два с половиной часа, потому что он был агрессивен, в нем энергии много и т.д. Журналисты из регионов ступали. Дмитрий Киселев пытался возражать Леонтьеву – и достаточно разумно, но тот же не слышит никого, и потому все возражения Димы тонули. Леонтьев победил количеством слов, напором, энергией.

После этого мы сидели в буфете АТВ, пили кофе, разговаривали. Я говорю Леонтьеву: "Миша, ты мне объясни, идиотке, обывателю, пожалуйста (это было летом, предвыборная кампания начиналась): задача журналиста в том, чтобы рассказать зрителю, чем же, в конце концов, Евгений Максимович Примаков отличается от Григория Алексеевича Явлинского, а оба они в свою очередь отличаются от господина Шойгу? Ты мне расскажи, что они хотят делать, какая разница для меня будет в том, если я буду голосовать за Шойгу и т.д.? Мне же нужно понимать между ними разницу, для того чтобы принимать решение". Он ответил: "Ты урод, ты абсолютный урод, а не типичный российский зритель. Ты обучена своими американцами и потому ты уродливый зритель. Я пришел на телевидение для того, чтобы не пустить во власть Лужкова. Я убежден, что Лужков принесет стране много вреда. Поэтому я свою миссию в журналистике вижу так: как не пустить во власть Лужкова. И выполняю эту миссию с упорством".

А ведь элементарная профессиональная этика требует различать журналиста от проповедника. И, может быть, по большому счету, надо взыскивать с тех "проповедников", которые говорят, про себя: "Я независимый журналист, претендующий на объективное освещение реальности". А Киселев, Доренко, Невзоров – они вообще вне жанра должны находиться – это обаятельные, талантливые пропагандисты и агитаторы, убежденные в том, что делают благо.

АВТОРЫ ПРОЕКТА спрашивают меня: что важнее, точнее, что реалистичнее сегодня "внедрить" – минимальные стандарты профессионально правильного поведения, своеобразную технологию поведения, не требующие от журналиста никакой рефлексии, напряженного выбора и т.д., или именно культуру морального выбора?

На самом деле, чем выше уровень профессиональной технологии, тем выше и уровень профессиональной морали, по крайней мере, в электронных СМИ. Там очень много профессиональных нюансов, "примочек" и т.д., которые, если ты ими владеешь, почти автоматически не позволяют тебе нарушать этику. Например, стандарт на предъявление двух точек зрения.

Сегодня к соблюдению этических норм журналистики первыми на практике приходят наиболее развитые региональные станции, приходят, убедившись в том, что это им экономически выгодно. Мы "читали им мораль" на семинарах в 1992, 1993 и 1994 году, и в принципе они были согласны ею руководствоваться. Но тогда не было для этого экономических условий. Сейчас, достигнув определенного уровня благосостояния, они в повседневной своей практике начинают приходить к профессионально-нравственным стандартам, приходят, пропустив эти стандарты через себя, свой опыт.

Экономически выгодно быть честными, независимыми, профессионально подготовленными. Но когда этот вывод станет массовым? К сожалению, региональные компании задерживает в этом движении местная власть, очень сильно держит, не отпускает. Даже когда они хотят быть экономически независимыми от этой самой местной власти, все равно получают подачки.

АВТОРЫ проекта предлагают мне представить ситуацию, когда Интерньюс создает, задумывает, изобретает свою хартию, свою этическую комиссию, пытаюсь тем помочь региональным компаниям. У нас нет своей хартии, но когда мы принимаем какие-либо решения, связанные с сотрудничеством с отдельными телекомпаниями по конкретным проектам, то с помощью какого-то внутреннего чутья руководствуемся несколькими постулатами, критериями. По-настоящему независимая телекомпания принадлежит своему коллективу, редакции или нескольким частным лицам на местах. Это не этика, это сплошная экономика? И все же мы уже выбираем, для нас это важно. Если мы кого-то посылаем за границу на семинары или предоставляем грант, то руководствуемся тем, у кого лучше новости. А что такое – лучше новости? Это обязательно новости, которые этически выше, чем новости другого канала. И пусть под этикой просто имеется в виду то, что в каждом сюжете, в каждом репортаже обязательно представлены две точки зрения или что героем всех репортажей является простой человек. И это, может быть, не "чистая" этика, это скорее профессиональная технология, профессиональный стандарт, но мы отдаем предпочтение таким компаниям.

Мы не заставляем их подписывать некие хартии, но они точно знают, что есть вещи, которые стыдно делать. Поэтому о некоторых из них они стесняются мне говорить или говорят застенчиво: "Что было делать, я вынужден был 10% акций отдать мэрии, потому что денег нет и т. д. и т. п.". Я в ответ не морализирую, а обсуждаю элементарные стандарты: тебе надо было создать нормальный отдел продаж; зачем ты пытаешься делать больше, чем можешь себе позволить по тем доходам, которые имеешь; у тебя аппетиты больше, чем нужно на твоём рынке, надо по одежке протягивать ножки. Лучше быть маленьким независимым, чем богатым, которому все диктуют что делать и т.д.

То есть мы не создаем хартии, но живем и работаем в рамках профессиональных норм, в своей деятельности руководствуемся ими, на их основе ведем отношения с компаниями. Приучаем компании к этим нормам. И, безусловно, на каждом семинаре по журналистике мы обязательно говорим об этических стандартах, раздаем специальную литературу по этике. Обсуждая работы журналистов, рассматриваем их с этой точки зрения, например, когда это касается насилия на экране: что можно показывать, а что нельзя; как можно показать человека, как нельзя. Мы обязательно говорим и о законодательных аспектах их работы, потому что многие этически недозволенные действия и законодательно запрещены.

Итак, кодексов для компаний мы не разрабатывали. Но когда еще только начинали, в 1994 году, мы помогли сорока семи телевизионным компаниям России объединиться в некую сеть, корпорацию, в которой они должны были существовать по общим законам. И тогда написали этический кодекс этой корпорации. Не отдельного журналиста, а корпорации, кодекс отношений внутри сети. Например, в этом кодексе было записано, что нельзя принижать конкурента. Компании этой сети подписывали договор об экономических взаимоотношениях и, одновременно, этический кодекс, где было написано, например, что компания должна помогать продвижению общесетевого названия. Опять же: эти пункты можно считать "чисто" экономическими, но они были пронизаны духом честной игры.

Сегодня – если иметь в виду реализацию такой корпоративной этики – можно говорить практически о четырех сетях, в которых существуют корпоративные правила игры: Рен-ТВ, СТС, ТНТ и ТВ-6. Их руководители поняли, что сеть должна максимально удовлетворять потребности станции, но при этом станция должна принимать на себя четкие правила игры, которые в этой сети существ-

вуют. К такому пониманию каждая из сетей пришла разными путями. В Рен-ТВ была внутренняя договоренность честно работать друг с другом, они привнесли эту идею из регионов в Москву. И хотя Д.Лесневский долго сопротивлялся этим правилам, то, что они были заложены в работу компаний с первого дня, заставило его прислушиваться к мнению регионов. А в СТС и в ТНТ это пришло как американская модель: руководители этих сетей осознали, что честные правила игры выгоднее. Эти руководители были воспитаны на западных моделях ТВ и потому сознательно строили сеть таким образом.

И ВСЕ-ТАКИ у нас трудно делать независимое телевидение. Делать телевидение во всем мире чрезвычайно дорого, это очень емкое в финансовом отношении производство. Телевидение даже в лучших развитых капиталистических странах начинает давать доход после нескольких лет серьезных капитальных вложений. В нашей стране, для того чтобы делать телевидение, надо пользоваться техникой, которая в России стоит ровно столько, сколько в Нью-Йорке, Токио, Париже. Безусловно, у нас рабочая сила намного дешевле и аренда помещения, и т.д. Но расходные материалы, которыми пользуются телекомпании, те же самые кассеты, свет стоят столько, сколько и на Западе. Если у нас техника стоит столько же, рабочая сила на порядок дешевле, то стоимость минуты рекламы в городе Узловой и, например, в маленьком городке рядом с Лондоном или в штате Техас отличается не на порядок, а на два, три, четыре порядка. В сто раз наша реклама дешевле. То есть, мы зарабатываем намного меньше. Минута рекламы на таком вещателе, каким является ОРТ, если бы оно было перенесено в Америку, стоила бы от сотен тысяч до миллиона долларов. Короче говоря, если в Америке на одного зрителя, предположим, тратится сто долларов, если в Европе колеблется (в зависимости от страны) между 60 и 80 долларами на одного европейца, то в нашей стране, в лучшем случае – в Москве – два, три доллара, а в регионах еще меньше. Поэтому, о какой независимости можно говорить? Где-то надо брать деньги, потому что "Бетакам" стоит порядка 17 тысяч долларов, в зависимости от модели.

Сейчас самая главная задача директора местной телекомпании, если он хочет быть независимым, решить, что ему лучше: или не покупать "Бетакам" и телекомпания останется на низком техническом уровне, или где-то брать деньги. А где их можно брать? У губернатора, у местного завода, у местных мафиози, можно у московского олигарха взять деньги, но деньги взять нужно, потому что на рекламе не заработать столько денег, чтобы можно было делать картинку, достойно соперничающую с картинкой, показанной на ОРТ и НТВ. Ведь провинциальный зритель переключает кнопки. Смотрит он замечательную картинку ОРТ, потом еще лучшую картинку НТВ, а потом переключает на свой дергающийся канал, где звук плохо прописан, лица не понятны и т.д. Зачем он его будет смотреть?

Это пять лет назад все региональные компании покупали по два бытовых видеомagneфона, вставляли кассету, прицепляли к этому передатчик, и мы могли посмотреть кино, которого до сих пор не видели. Был всеобщий восторг и т. д. А потом началась конкуренция. Надо делать новости, новости – очень дорогой продукт, потому что машины нужны, люди, камеры. Чем больше этого, тем у тебя разнообразнее новости. И картинка должна быть хорошей, поэтому нужна хорошая техника, хороший передатчик, масса всего для того, чтобы сигнал дошел до зрителя в нормальном качестве.

Поэтому деньги безумно важны. Без них этика плохо работает.

КАК Я ОТНОШУСЬ к Хартии НАТ? Умерла ли она, потому что схватились два медиамагната?

По-моему, от нее еще никто не отказался? В то же время надо спросить: насколько серьезно отнеслись к ней те, кто подписывал. Был ли у них ответ на вопрос о том, кто решает: нарушена или не нарушена эта хартия? Судьи кто? В сообществе нет некоего органа или группы лиц, которые являются безусловными моральными авторитетами, нет ареопага.

Я знаю проект Общественного Совета, предложенный М.Сеславинским, видела и проект ФЗГ и ЦПЭ. Но ведь все зависло. Затем Алексей Панкин сказал: "Сделаем тайный альтернативный совет, возьмем туда Симонова, тебя (меня), Аркашу Майофиса и еще несколько человек. Слушают нас, не слушают, – давайте пытаться смотреть и говорить, смотреть и говорить, смотреть и говорить". Но даже запал агрессивного Панкина, к сожалению, пропал, ничего из этого не получилось. Потому что, к сожалению, нет общепризнанных авторитетов.

Будет в этом Совете А.Симонов, его мнение будет уважаться мною, вами и еще десятком людей. Для других он – "просто наивный человек". Появится в этом совете Я.Засурский, часть общества будет говорить и я сама скажу, что Ясен Николаевич, возможно, очень много сделал для российской журналистики, но сейчас все, что происходит вокруг нее, ему глубоко безразлично. Он устал, ему не интересно. Появится там Сергей Адамович Ковалев, многие скажут: он не понимает нашей технологии, не знает, как делаются новости и т.д.

Еще раз: сегодня в индустрии нет общепринятых авторитетов. Единственный, возможно, человек, который был не запятнан в нашей индустрии, Олег Добродеев, своим переходом на РТ очень многих разочаровал. Бросил независимое детище, ушел в государственное, говоря, что любит Путина и считает, что Россия должна быть именно державой.

39 серьезных специалистов телевидения назвали себя академиками российского телевидения, ареопагом. Это люди, очень много сделавшие для телевидения, чрезвычайно много, но все их решения воспринимаются как какая-то красная тряпка. Во-первых, срабатывает зависть, во-вторых, часть из академиков нередко больше заботится о себе и своем творчестве, о коллегах со своего канала, а не об индустрии в целом. Разговоры Академии часто скатываются до мелких междоусобных разборок между каналами, программами, людьми.

Авторитетов в стране мало. Один был, последний, и то умер – Дмитрий Сергеевич Лихачев.

И.И. Засурский

“...НИКАКОЙ КОДЕКС НЕ ПОМОЖЕТ ИЗБЕЖАТЬ СИТУАЦИИ НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА”

ПРЕЖДЕ чем рассуждать о журналистской этике, ее роли в саморегуляции профессии, о профессиональном кодексе, нужно четко понимать, что этика, если она хочет быть эффективной, должна выполнять ту же роль, что правила дорожного движения. При этом правила дорожного движения интересны здесь не с той точки зрения, что они активно внедряются государством, тогда как этический кодекс не имеет такого механизма “внедрения”, а с той точки зрения, что правила движения дают человеку возможность заранее понять, где его ждут неприятности и как ему избежать аварии. В этом же и смысл профессионально-этических кодексов.

Я не очень большой сторонник создания журналистских кодексов: и сам в своей жизни никакими кодексами не руководствовался, и не знаю ни одного журналиста, который бы всерьез относился к ним. За исключением тех людей, которые вовлечены в работу над созданием и применением кодексов. Процесс написания кодекса, если в нем участвует много журналистов, бывает чрезвычайно полезен. Не для “всех”, а именно для тех, кто участвует в работе, потому что в процессе осмысления проблем профессиональной этики они стараются понять мир журналистики и свое место в нем, проанализировать ситуации, в которых их ждут какие-то опасности, где им нужна поддержка, взаимная выручка, или, наоборот, когда следует дистанцироваться от коллег, угрожающих престижу профессии.

Другими словами, кодекс обретает свою силу только тогда, когда он включен в непрерывный процесс обсуждения. Такой процесс может стимулироваться либо надеждами разработчиков, либо реальной значимостью кодекса в профессиональной жизни – когда он действительно становится профессиональным законом и за его несоблюдение могут отобрать право на занятие профессиональной деятельностью. В других случаях основная функция кодекса сводится к его роли в профессиональном образовании – это роль предостережения, роль профессиональной “нормы”.

В чем основной конфликт в работе журналиста? Журналист, с одной стороны, обслуживает читателя. С другой стороны, он должен быть лоялен к интересам владельца издания. Если бы можно было предположить наличие какого-то процветающего отечественных средств массовой информации, тогда журналист, очевидно, был бы ближе к удовлетворению нужд своего читателя, зрителя, чем к обслуживанию интересов своего владельца. К сожалению, как пять лет назад, так и сейчас ситуация несколько иная. Журналисты испытывают очень сильное давление и в конце концов начинают ассоциировать себя с интересами хозяев своих изданий и телекомпаний.

КАКОВА миссия журналистики? У хорошего американского исследователя Герберта Альтшулла есть книга “Агенты власти: роль СМИ в жизни общества” (она есть в Иностранке, в Американском центре). Эта книга снимает лишние иллюзии по поводу трактовки роли средств массовой информации как “независимого наблюдателя”, “сторожевого пса на службе общества”, “ответственного за составление повестки дня” и т.д. Автор выводит 7 законов журналистики, которые частично цитируются в моей книге “Масс-медиа Второй республики”. Основной его вывод состоит в том, что журналисты всего лишь рисуют картину реальности – в конце концов именно в этом состоит их задача. Настолько, насколько достоверно и ясно они будут рисовать эту картину, настолько, полагает исследователь, будет лучше выполнена их миссия. Описывать картину реальности. Осуществлять коммуникации, помогать коммуникации. Журналисты находятся как бы в некой средней зоне между различными агентами коммуникаций, которые хотят довести свои сообщения до других людей. Задача журналистов состоит в том, чтобы обеспечивать коммуникацию, сводить всех со всеми, рассказывать одним про других, и наоборот.

При этом, может быть, один из самых серьезных вызовов, который выдвигает журналистская профессия, – это способность максимально глубоко и в то же время отстраненно передать информацию. Увидеть вещи такими, какие они есть. Это очень сложная задача, и никогда ни в одной стране, ни в одной системе средств массовой информации все журналисты с этим не справлялись. Есть единицы, есть какой-то процент хороших журналистов, у которых это получается. Но даже

они освещают реальность в соответствии с теми моделями восприятия, которые разработаны другими людьми, – теми, у кого есть время подумать подольше. Журналист в этом смысле редко управляет интерпретацией – интерпретацию дает кто-то другой. Либо владелец СМИ, либо ученый, либо писатель, которого журналист прочел в детстве. Очень сложно прорваться к реальности сквозь всевозможные завесы интерпретации, и когда журналистам удается это сделать, то их имена запоминаются. Например, как имя Марка Твена. Собственно, к таким людям уже странно подходить с профессиональными оценками: наверное, мы должны их оценивать прежде всего как состоявшихся людей, достигших высокого уровня развития.

ЛЮБАЯ профессия принимает свой кодекс в ответ на внешние угрозы, и журналистский кодекс ничем не отличается от остальных кодексов, которые являются для той или иной профессии, с одной стороны, внутренним регламентом, с другой – набором обязательств перед обществом в целом. Но журналистика отличается от других профессий (например, от медицинской или адвокатской практики) тем, что у журналиста за нарушение этического кодекса не могут отозвать лицензию. У издания – могут. Поэтому если кодексы начнут играть серьезную роль, то, скорее всего, благодаря тому, что частные телекомпании и издательские дома разработают внутренние кодексы и сделают их обязательными для сотрудников.

Хорошо это или плохо – мне трудно сказать, потому что в разное время, разные люди имеют доступ к определению того, что такое хорошо, что такое плохо. Например, после того, как Президентом избрали Путина, произошла консолидация журналистики, консолидация политической элиты, которая мне кажется не очень симпатичной. Я не поддерживаю те основы, на которых происходит эта консолидация, не считаю их перспективными. Хотя вижу, что многим людям становится легче оттого, что реальность становится более понятной, что вместо абсолютной свободы 90-х наступает время какого-то порядка или чего-то, напоминающего порядок. С этой точки зрения, я говорю: “о-кей. Им это нужно. Они за это проголосовали. Они получили, что хотели. Для них нашли врагов и сделали войну. Теперь им легче”.

Но ведь это же значит, что в обществе возможны ситуации, при которых кодексы могут выступать инструментом репрессий. Вспомним исключения из Союза советских писателей. В сегодняшней ситуации такая опасность, безусловно, существует. Особенно в региональном контексте. Там, где очень жесткая авторитарная региональная администрация, у которой есть карманный Союз журналистов, кодекс – это интересный и приятный способ руками самих журналистов устроить травлю человека, который не разделяет позицию региональной власти.

Какова роль такого мотива саморегуляции “цеха”, как внутренняя угроза от, например, деятельности т.н. “информационных киллеров”? С одной стороны, мотив самоочищения важен. Важно, когда журналисты понимают, что коммюнити должно высказываться по поводу своего внутреннего состояния. Но, с другой стороны, всегда есть опасность, особенно в России, что произойдет злоупотребление этим мотивом самоочищения, и государство, какие-то властные структуры смогут использовать журналистское сообщество для того, чтобы сделать кого-то из его членов “козлом отпущения”. Например, того же журналиста Пасько сообщество начнет осуждать за приглашение гостайны так же, как осуждает Доренко.

Еще раз: мотив самоочищения важен. Но я хочу подчеркнуть, что всегда есть опасность злоупотребления этим механизмом. И, заметьте, если сейчас ни у кого из профессионалов (к несчастью, кроме многих студентов факультетов журналистики, для которых Доренко и легенда, и пример для подражания) нет иллюзий относительно Доренко – его портрет даже яйцами тухлыми закидывали вполне ритуально, но сделать с ним никто ничего не может. А вот когда появится настоящий “козел отпущения”, тогда сразу его уволят и вообще человеку жизнь могут сломать ни за что. Всякое ведь бывает.

ПОЧЕМУ я неоднократно использовал образ правил уличного движения?

С правилами уличного движения проблема следующая. Из-за того, что на каждом углу стоит ГАИ, многие как раз и думают, что правила дорожного движения – это такой репрессивный институт. На самом деле правила, дорожного движения – это самый гуманный закон. Так говорил инструктор в школе дорожного движения, и я с ним абсолютно согласен.

Да, правила дорожного движения мотивируются аргументами целесообразности, а не какими-то нравственными соображениями, но так гораздо надежнее. Кстати, если в кодексе журналистов регулирование осуществляется лишь моральными нормами, то есть профессии, в которых кодексы подразумевают и серьезные санкции. Как я уже говорил, в юридической профессии могут отозвать лицензию, точно так же, как и врача могут лишить возможности практиковать. Моральные осуждения не эффективны, если за ними не стоит угроза репрессий, а как только появляются репрессивные механизмы – появляются и возможности для злоупотреблений. Весь опыт 90-х свидетельствует о том, что моральные принципы написаны не для нашей журналистики. Не то, чтобы она не доросла до этого. Нет. Она вообще в другой реальности живет.

В жизни человека мотивирует либо эгоистический интерес, либо внешняя угроза. Конечно, есть еще и альтруистические мотивы, но они могут быть, а могут отсутствовать, особенно когда в

обществе существует некая неопределенность или страшно жить. Если же их нет, то кодекс вынуждает людей идти на лицемерие. Как клятва пионера. Лицемерие может быть маленьким, как сейчас, либо большим – как в советские времена. Профессионально-нравственный кодекс, в этом смысле, очень сильно подстегивает лицемерие, провоцирует его. Когда меня за превышение скорости ловит милиционер, я не должен ему доказывать, что я хороший человек, то есть могу, конечно, но это, скорее всего, не поможет. Молча заплачу штраф и дальше поеду.

Есть ведь разница, правда? Сел за руль пьяный – три года без прав. Никаких “чисто” моральных соображений, они уже заложены в самом законе. То есть, если ты сел за руль пьяным, есть опасность того, что навредишь другим людям. Значит, ты должен ходить без машины три года и думать, правильно поступил или нет. И даже если ты считаешь, что поступил правильно, все равно три года прав у тебя не будет.

Еще раз: люди, которые разрабатывают этические кодексы журналистики, вероятно, не лицемерят. Я могу понять желание как-то повлиять на ситуацию. Но, с моей точки зрения, попытка влиять через общественные структуры, через создание кодексов и т.д. на общество в худшем случае ничего не дает, а в лучшем – приведет к победе лицемерия.

Точнее: если профессиональное сообщество сплотилось вокруг кодекса в процессе его написания, принятия и т.д. – под воздействием внешних угроз или внутренних, – то сама процедура работы над кодексом может дать эффект. Другими словами, возможный позитивный смысл создания кодекса заключается именно в том, что его принятие сплачивает сообщество уже процессом обсуждения проблем. Но если этого нет, то гораздо, мне кажется, полезнее, если каждый будет улучшать ситуацию в своей практической деятельности. Просто делать то, что должен. И за счет этого умножать количество позитива в обществе.

КОДЕКС не должен оказаться резонерским, кодекс должен быть конкретным с точки зрения содержащейся в нем информации о последствиях его нарушения. В чем смысл телепрограмм типа “Дорожный патруль”? Люди видят последствия несоблюдения правил дорожного движения. Смысл кодекса должен заключаться в том, чтобы журналист видел, как нарушение кодекса ведет к конфликтам. Значительная часть журналистов стремится к социальному успеху. Если журналист понимает, что может сделать что-то не так и это навредит его социальному успеху, закроет ему перспективы и т.п., он захочет узнать из кодекса о том, как ему поступать, чтобы не иметь конфликтов. Чтобы карьера была легкой, правильной и быстрой.

Такой подход должен быть заложен в основу кодекса. Подход нейтрально-позитивный, подход содействия человеку в том, чтобы, реализуя себя в профессии, он лучше ориентировался в социальном контексте. Чтобы он не допускал грубых ошибок и, по возможности, понимал, к каким последствиям они могут привести и как их избежать. При этом никакой кодекс не поможет ему избежать ситуации нравственного выбора.

Попытаюсь экспромтом привести пример ситуации нравственного выбора в деятельности журналиста. Например, у меня есть друг, он предлагает мне деньги за то, чтобы я провел некую журналистскую акцию. Должен я брать эти деньги или нет? Ведь это мой хороший приятель и акция – вроде бы – приличная.

В чем здесь проблема, между чем и чем я выбираю? Что здесь хорошего и плохого? Брать деньги – это не просто одноразовая акция, это определенная позиция. Журналист, который стал брать деньги, оказывается в определенной ситуации. Она имеет свои плюсы – деньги. И имеет свои минусы: журналист, с которым раньше любой человек мог иметь отношения на одном уровне, теперь окажется в ситуации, когда с ним будут иметь дело уже на другом уровне. Например, если раньше его надо было убедить, теперь ему нужно заплатить. В перспективе это снижает ценность такого журналиста, потому что он теряет ориентировку, способность сформулировать собственную позицию, деградирует.

Так вот, в кодексе можно подробно и внятно объяснить, почему брать деньги *не стоит*. Не почему *нельзя* с точки зрения нравственных соображений, а почему именно *не стоит* этого делать. Аргумент здесь может быть такой: это никому не принесет пользы на длительный период – ни человеку, который берет деньги, ни его читателю. Правда, людям, которые дают эти деньги, наверное, принесет. Но журналист в этом случае не просто теряет самостоятельность, способность отстаивать свою позицию. В каком-то смысле он теряет статус: как только ты берешь деньги, оказываешься просто нанятым профессионалом. А вот если ты остаешься в ситуации выбора именно журналистом, у тебя совершенно другие отношения с людьми. Ты имеешь гораздо больше прав, веса, влияния. От тебя что-то зависит.

Кстати, время, когда делаются такие карьеры, как у Доренко, прошло. Кроме того, их все-таки делают единицы. Как правило, те, которые хотя бы какое-то время вели себя не совсем продажно: Доренко ведь тоже сначала набрал вес, популярность и только потом смог себя продать. Мне не кажется, что у него безоблачная судьба, думаю, что его жизнь на экране будет короткой. Возможно, она будет хорошим примером для людей, которые оказываются в ситуации выбора: брать им деньги или нет?

Е. А. Злотникова

**“...РАЗВЕ ЧАСТОЕ НАРУШЕНИЕ БИБЛЕЙСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ ОЗНАЧАЕТ,
ЧТО ЭТИ ЗАПОВЕДИ НЕПРАВИЛЬНЫ?”**

ИЗВЕСТНЫЕ конфликты между отечественными СМИ в процессе последних парламентских выборов многими воспринимаются как свидетельство неэффективности Хартии Национальной ассоциации телерадиовещателей (НАТ) и вообще любых этически ориентированных форм саморегуляции СМИ. Так ли это?

Я считаю важным установить причины подписания Хартии всеми центральными каналами и региональными телекомпаниями – их больше ста, в том числе теми, которые жестко конкурируют между собой вследствие различий в концептуальных подходах, политике, позиционировании, как теперь говорят, на рынке. Почему они согласились с основными принципами Хартии? Думаю, потому, что для людей, которые хотят себя уважать, считать себя профессионалами, настало время осознать: насколько же они профессиональны, в какой мере их деятельность соответствует нормам профессиональной журналистики?

Простой пример – вечное противоречие между амбициями журналистов, особенно репортеров, ведущих расследование, и позицией главного редактора. Чем более “горяча” ситуация, в которую проникнет журналист, чем более “горячий” материал он принесет, чем более резким будет этот материал на экране, тем более удовлетворены профессиональные амбиции репортера. Редактор же смотрит на эти вещи шире, обязан – просто вынужден – смотреть шире, ибо в этом его профессионализм. Он может увидеть, как что-то в репортаже не стыкуется с концепцией канала, что-то, может быть, просто опасно для нравственного здоровья общества, что-то, быть может, очень “горячо”, но односторонне. И когда редактор говорит все это журналисту, тот нередко воспринимает его позицию как обычную цензуру, давление или, как иногда бывает у творческих людей, весьма ранимых и очень субъективно воспринимающих наш мир, – как зависть редактора к творческому успеху сотрудника.

Именно поэтому некое уложение, кодекс, документ, в котором прописаны действия, допустимые или недопустимые, например, для редактора, переводят конфликт *начальника и подчиненного* в дискуссию двух *профессионалов*, в которой можно опереться на признанную сообществом норму. Кстати, наличие такой нормы позволяет сделать более профессиональными журналистские летучки. Для меня как исполнительного директора НАТ это представляется определенным достижением, ибо создает предпосылки роста профессионализма.

Одна из задач НАТ – и в целом телевизионного сообщества – создание *профессиональной среды*. В науке, например, профессиональная среда создается годами. В любом научном коллективе есть “патриархи”, чаще всего это доктора наук. Их слово на ученом совете звучит для коллектива как концепция, закон, стратегия деятельности, как некий приговор или осознание какого-то рубежа. Кандидаты наук – это среднее звено, которое руководит основными направлениями работы. Пришедшая в научный коллектив молодежь растет, варится в этой среде, постепенно впитывая принятые нормы профессионализма, стремится к его вершинам и, в конечном счете, многие из молодых научных работников тоже становятся профессионалами.

На телевидении, особенно негосударственном, с формированием профессиональной среды большие проблемы. Негосударственному телевидению, во-первых, еще не очень много лет, во-вторых, в него пришли люди с разным профессиональным потенциалом. Первые годы негосударственного телевидения ушли на осознание себя как политической силы, которую нельзя смять, заставить действовать по указке или просто выкинуть из эфира. Затем необходимо было утвердить материальную независимость: важно было научиться зарабатывать деньги, приобрести нормальное оборудование. Вместе с этим росли и журналисты. Росли в общении между собой, в освоении зарубежного опыта. Но так как не было “патриархов”, то некому было выработать критерии, относительно которых можно было бы рассуждать: насколько приобретенный опыт можно считать за планку профессиональной тележурналистики. Да, сегодня свою роль играют академики телевидения, когда они голосуют за те или иные номинации на ТЭФИ. Эффективны различные конкурсы. Но все это скорее частные результаты, касающиеся успеха в том или ином отдельном виде телевизионной журналистики.

А ведь телевизионная журналистика в значительной степени формирует общественное сознание. И в решении этой задачи профессионализм необходим уже потому, что процесс влияния ТВ на общество несет в себе известные опасности. Поэтому я понимаю телевидение как своеобразную *электророзетку*, к которой нельзя подпускать человека, не сдавшего экзамен по технике безопасности. Радуюсь возможности быть независимым, переживая свою популярность, тележурналист не всегда чувствует ответственность, а может быть, просто не знает, не будучи социологом, психологом, не имея возможности опереться на результаты долгосрочных исследований – их еще просто нет, как слово, сказанное по телевидению, может отозваться в общественном созна-

нии. Не забудем, что, в отличие от газеты, которая воспринимается зрительно и может быть отложена, или радио, которое воспринимается на слух, телевидение воспринимается одновременно на визуальном, слуховом, информационном и ассоциативном уровне. И как отзовутся эти ассоциации? Например, насколько целесообразно публичное разоблачение в эфире случая коррупции – не получится ли так, что в результате этого у большого количества людей возникнет полное отвращение к институтам власти и они просто не придут на выборы? Никто еще не изучил этих вопросов и не рассказал о своих познаниях молодым журналистам, а если и сказал, то кто-то один. Но авторитетен ли он для них, молодых, активных, успешных, любимцев публики? Кто и что для них может быть авторитетом, кто и что может уберечь общество от опасностей, которые несет в себе ТВ именно с точки зрения моральных критериев? Уложения. Именно те уложения, одним из видов которых и является Хартия НАТ. Нет, такого рода уложения не являются инструкцией, за невыполнение которой можно “отключить кнопку”. Их сила в том, что они должны быть признаны в профессиональном сообществе и именно потому в любой дискуссии на них можно ссылаться.

Поэтому я и считаю, что подписание Хартии НАТ было чрезвычайно серьезным моментом и в глобальном, и в частном смысле. В глобальном потому, что центральные телеканалы, которые достаточно долго дистанцировались друг от друга в своей информационной политике, ибо конкурировали в завоевании рынка, согласились с важными для профессиональной журналистики этическими положениями. Для меня это был очень важный, логически понятный и подтверждающий концепцию создания НАТ этап. Когда у Эдуарда Михайловича Сагалаева, президента НАТ, возникла эта идея, многие сомневались, можно ли объединить в одной ассоциации компании, конкурирующие на рынке, не увидят ли за этим лишь стремление получить некую выгоду для региональной сети ТВ-6, которую он тогда возглавлял и где я работала? Можно ли объединить в одной организации государственные и негосударственные компании, которые всегда имеют полярные интересы, работая на одном и том же региональном рынке? Благодаря, я думаю, авторитету Эдуарда Михайловича, сумевшего эту идею обосновать, и очень трезвому и профессиональному взгляду руководителей телекомпаний, которые учреждали НАТ, удалось выработать общую точку зрения: чем крупнее ассоциация, чем больше в ней телекомпаний, конкурирующих и за места на конкурсах, и за деньги на рекламных рынках, чем больше сильных телекомпаний будет объединять НАТ, тем легитимней она сможет представлять ТВ-индустрию в государственных органах власти.

Сегодня для НАТ важно доказать уже не независимость, в нее все поверили, а именно легитимность, устойчивость. Важно завоевать право, будучи легитимными, представляя индустрию, участвовать в законодательной деятельности, в экспертизе нормативных документов, быть причастными к формированию структуры нашей отрасли. Подписание Хартии в этом смысле – естественный шаг. Если каналы однажды согласились вступить в НАТ и уже пять лет работают вместе, то подписание Хартии подтверждает разумность идеи НАТ.

МНОГИЕ сегодня задают вопрос об эффективности нашей Хартии. Напомню, что ее идея возникла еще в 1995 году во время форума “Телевызов”, на котором впервые прозвучали голоса людей (не связанных с телевидением, людей от культуры, из других смежных областей) о том, что телевидение стало слишком самодостаточным, самоуверенным, самооценочным, и потому важно выработать критерии, на которые ТВ обязано ориентироваться, так как оно очень сильно влияет на общество. После этого форума интерес к этому вопросу несколько упал. Затем федеральную службу телевидения и радиовещания возглавил Михаил Вадимович Сеславинский. Он очень долго и терпеливо собирал представителей центральных телеканалов и ассоциаций для разработки Хартии. Текст ее сначала был достаточно большим – его долго редактировали. Потом однажды все согласились, что редактировать можно бесконечно, надо бы остановиться на основных постулатах. Наконец, произошла достаточно торжественная и публичная процедура подписания.

Кстати, сразу после этого Хартия дала полезный эффект. На одной из летучек на канале ТВ-6 генеральный директор Александр Сергеевич Пономарев сказал: “Я прошу отдел кадров в каждом контракте с журналистами вписывать фразу об обязанности журналистов ознакомиться с положениями Хартии и в своей работе им следовать. Прошу и в контрактах с производящими организациями, в договорах, по которым мы работаем, записывать требование: следовать положениям Хартии”. Это значит, что если однажды, например, возникнет конфликт руководства канала с программой “Дорожный патруль”, то у нас будет ориентир для его разрешения.

Понимаю, что большой вопрос для НАТ и ее Хартии – ситуация острой информационной борьбы каналов во время избирательной кампании. Сразу, как только эта борьба обозначилась, нам стали задавать вопросы: а как же Хартия, в которой написано о недопустимости таких методов конкуренции? Значит, она – искусственное образование, сразу же провалившееся при столкновении с жизнью?

На одной из встреч, где обсуждались эти вопросы, мне пришла в голову мысль: разве частое нарушение библейских заповедей означает, что эти заповеди неправильны? Разве можно сказать, что заповеди Христа провалились? Разве то, что они, признанные человечеством как те правила и

постулаты, которым человечество должно следовать, к которым должно стремиться, не выполняются в силу несовершенства общества и человека (не всегда он может их выполнить) означает, что человечество недостойно жить или что эти заповеди были неправильными? Отнюдь нет, ибо такая совокупность постулатов позволяет обществу видеть планку, определить для себя идеальные нормы, а человеку – различать добро и зло.

Поэтому, возвращаясь к вопросу об эффективности Хартии, я считаю, что вообще разработка этических кодексов для телекомпаний, принятие телекомпаниями кодексов – обязательный практический шаг в формировании профессиональной среды, ее росте. Кроме того, это абсолютно практический шаг к улучшению управления информационными службами, упорядочению отношений с производящими структурами. И наконец, в ходе написания, изучения и принятия этих кодексов, опробования их на практике будет сделан шаг к тому, о чем я очень беспокоюсь – к изучению долгосрочных последствий влияния телевидения на общественное сознание. Может быть, это самое главное.

Мы должны осознать ответственность, которую задали нам технологии и общество. Такая ответственность – не просто слова. Я надеюсь, что долгосрочные исследования специалистов по этике, психологов, социологов, культурологов, наверное, приведут к неким обобщениям, которые позволят сказать, что недопустимо для ТВ, в чем надо быть осторожнее, а к чему надо стремиться. Я уверена, что когда-нибудь, думаю, очень скоро, на весах полезности для общества будет определено, что эффективнее: очередное разоблачение или показ такого сюжета, который позволит человеку жить в мире с самим собой, понимать, что добро есть, что из страны не надо уезжать, что надо учиться, а если хорошо учиться, то можно найти работу, что не во всем виноваты политики, что надо уметь их выбирать, что в этой жизни очень многое зависит от тебя и т.д.

Основная задача телевидения – ТВ все же, наверное, не великое искусство (им мы наслаждаемся в консерватории) и не великая мораль (проповедь можно услышать в церкви) – создавать окно в мир и убежище от мира, информация, развлечение, успокоение. Создание ощущения того, что человек живет среди огромного количества людей, которые тоже вовлечены в это информационное пространство, как-то его оценивают; что он может соизмерить свои оценки с мнением огромного количества других людей; что он причастен к обществу, даже если смотрит этот телевизор в одиночку. Важно, чтобы работа ТВ оценивалась не просто на уровне операторских достижений или режиссерских находок, что само по себе, безусловно, необходимо в каждой профессии, в каждом виде творчества, но на уровне вклада телевидения в общественное сознание, того, как оно способствует позитивному вектору развития общества.

ПРЕЖДЕ чем приступить к теме этического комитета для НАТ, приведу пример, который мне очень дорог. Когда мы были на фестивале “Моя провинция” в городе Борисоглебске, всех журналистов повезли на экскурсию на завод. В Борисоглебске гордятся этим заводом: он создал тысячу рабочих мест в тридцатитысячном городе, регулярно платит зарплату. Завод выпускает телефонные станции для села. Естественно, что в пору кризиса у села нет денег покупать эти станции. И вот директор завода придумал замечательную вещь: на пустующих складских помещениях он, взяв кредит, убедив банк, что проект окупится, поставил линию по переработке зерна. При этом замкнул бартерную цепочку: село везет сюда гречку, ячмень, рожь, которые перерабатываются на крупу, крупа продается, на эти деньги покупают комплектующие изделия, телефонные станции для села. Блестящая идея. А на практике? Нам рассказывали о том, что только завод запустили, а в области – Воронежской – урожай еще не созрел, поэтому решили закупать ячмень на Ставрополье, где урожай уже убрали. И машины пошли за зерном. Успеют они дойти или не успеют, чтобы начать возвращать кредит?

Представляете, я целый день была счастливой, потому что увидела директора, который не ездит в Москву, не бьется в конвульсиях у А.Вольского в ассоциации предпринимателей, не колотится в Правительстве: дайте денег и тогда мы восстановим упавшую промышленность, ВПК восстановим. Он придумал схему, убедил банк, что эта схема сработает, и эту схему реализовал. Значит, не пропадет Россия?!

По старому времени из этого можно было бы сделать пропагандистский детектив. И я смотрела на журналистов, вдохновятся они этой идеей? Но... так и не увидела особенного интереса к этой истории. Потому что сегодня выросли профессиональные репортеры, которые могут очень интересно и ярко подать материал только о взрывах, коррупции, экологической катастрофе и т.п. А для того, чтобы удержать зрителя вокруг этой заводской истории, нужен более высокий профессионализм. Нужно, во-первых, разобраться в этом, а во-вторых, иметь высокую энергетику, чтобы рассказом об этом удержать зрителей у экранов.

Есть сегодня такие журналисты? А если нет, значит, надо их вырастить, чтобы телевидение стало зеркалом, панорамно отражающим жизнь страны. В этом смысле критерии журналистского профессионализма, на мой взгляд, шире, чем просто операторское, режиссерское мастерство. Они заключаются прежде всего в том, чтобы осуществлять пропагандистскую, просветительскую задачу, задачу создания в обществе положительных эмоций, позитивного самосознания.

Перед отъездом из Борисоглебска мы встретили грустного мэра: в день закрытия фестиваля стоял пикет учителей, им не платят зарплату... Мэру было неудобно перед нами за это, а я не могла ему не сказать, что журналистика перед ним в долгу. И я надеюсь, что пройдет не очень много времени и в телевизионной журналистике будут гораздо шире отражены ростки нового опыта, будет говориться, что их нужно "поливать", "удобрять", чтобы они давали людям надежду.

Возвращаясь к теме этического комитета НАТ (или другой журналистской организации). Я думаю, что сегодня для такого потенциального института главное не то, чтобы он судил об этичности – неэтичности какой-либо программы Доренко, но культивирование пропагандистских, просветительских подходов, проповедующих этические критерии, правила, необходимость для журналиста постоянно учиться и сверять свою деятельность с кодексами. Тогда журналист будет жить в ощущении, что он обязан сам себя спрашивать: соответствует ли он профессии, соответствует ли он тем правилам, которые выработаны в его телекомпании, телеотрасли.

При этом я верю, что человек сам себя растит успешнее, нежели когда он получает оценку извне. Внешняя оценка, особенно негативная или несущая в себе долю критики, у творческого человека, мне кажется, всегда вызывает отторжение. Вспомним Карнеги.

Итак, этический комитет – это не судейский орган, даже если он хочет судить от имени морали, а не закона, это, скорее, орган аналитический, помогающий журналисту найти правильный путь, освоить достойный опыт других.

Ожидаю вопрос: а кто же будет бороться с нарушителями конвенции? Никто. Сами отомрут. Надо бороться не с нарушителями, а с явлением.

На мой взгляд – в НАТ я человек выборный, исполнительный директор, и потому не могу говорить от имени всей ассоциации, – этический комитет должен сосредоточиться на аналитике, пропаганде норм Хартии и культивировании позитивного опыта журналистики. Следование этим нормам и проявится в тех или иных профессиональных достижениях. Поэтому я акцентирую пробуждение позитивных настроений, иду от культивирования добрых примеров, а не осуждение нарушителей, что ничего, кроме раздражения и желания сказать членам комитета "сам дурак", не вызовет.

Наша ассоциация – это не Союз журналистов, в рамках которого целесообразно, может быть, более остро разбирать вопросы этичности – неэтичности в действиях журналистов. Важно понять особенность природы НАТ. Это, в сущности, лоббистская организация работодателей (в НАТ входят телекомпании, условие их членства – наличие лицензии). Задача НАТ – создать максимально благоприятные условия для развития каждой телерадиокомпании и в целом отрасли. Максимально благоприятные условия, максимально удобную, ясную и для всех понятную законодательную базу. Максимально продвигаться на рекламном рынке. Создать все условия для профессиональной подготовки журналистов: школы, тренинги, стажировки. Предпринять все усилия к тому, чтобы обновлялась технологическая база. И много других задач, связанных с непосредственной производственной деятельностью.

Решение вопросов журналистской этики также должно помогать росту телекомпаний. Что касается так и не созданного еще этического комитета НАТ, мы эту идею поддержали очень активно, потому что если такой комитет не создадут люди, которые, во-первых, пользуются авторитетом, во-вторых, никем не ангажированные, то его создадут совсем другие люди, и тогда нам всем мало не покажется. Когда мы подписывали Хартию, у меня возникло чувство, что мы доказали способность к саморегулированию. И мы должны создать этический комитет для того, чтобы его работой продолжать доказывать эту способность, чтобы и у новой Думы не возникло желание изобрести свой регулирующий орган для ТВ. "Поругать" – желающих много.

При этом в продвижении идеи этических комитетов как институтов саморегуляции "цеха" нужно быть осторожными. Так, например, после одного из заседаний Большого жюри Союза журналистов какой-то ретивый корреспондент поймал в углу и спросил утвердительно: "Значит, Вы считаете, что Большое жюри не нужно?". Дело в том, что многие корреспонденты ушли с этого заседания разочарованными: им нечего было писать, потому что Большое жюри не сказало категорически, что Доренко – негодяй, а Ястржембский – хороший. Зачем же, по их мнению, нужно Большое жюри, если оно не вынесло приговора нарушителям Хартии?!

А я ответила, что если Союз журналистов выбрал из своей среды людей, пользующихся авторитетом, доказавших своей профессиональной деятельностью право высказывать точку зрения, которая является неким этическим критерием, то это самоценно. Потому что есть огромное количество молодых журналистов, которые еще не знают с чем сопоставить свои поступки. И когда Большое жюри по некоторым спорным вопросам высказывает этические суждения, то это и есть тот ориентир, с которым любой журналист может сравнить свою позицию, это толчок для роста или, по крайней мере, к осмыслению того, что же есть журналистская этика. Но как только Большое жюри начнет выносить приговоры, оно дезавуирует свое назначение.

“...ПРОФЕССИЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ РЕМЕСЛО. ЭТО РЕМЕСЛО С ГИГАНТСКОЙ НАДСТРОЙКОЙ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОРАЛЬЮ”

МОЯ ВЕРСИЯ ответа на вопрос авторов проекта о том, какой из мотивов создания конвенции наиболее силен или/и наиболее актуален для российской медийной среды, не оригинальна: *давление конфликтующей с журналистами внешней среды*. Российский опыт здесь мало чем отличается от опыта устойчивых, “продвинутых” профессиональных сообществ и в Европе, и в Новом Свете, выходивших на создание института профессионального саморегулирования по нужде, а отнюдь не по порыву души своих высоконравственных членов.

Исторически ситуация складывалась везде достаточно сходно: массово тиражируемое слово, казавшееся самим журналистам *свободным*, воспринималось частью граждан как *покушение на их права, честь, достоинство, суверенность*. Граждане обращались к государству: защити. Государство же, наученное опытом проживания в среде гражданских свобод и осознающее место в них свободы слова и свободы массовой информации, “чесало в затылке”. И, обходя ловушку “простых” решений, подавало знак “цеху”: ищи развязку, не давай мне повода “зарегулировать” профессию, относимую не просто к *публичным*, но и к *свободным*. “Цех”, перебрав варианты, проносил в итоге правильный пароль: “самоконтроль и саморегулирование”. Государство облегченно вздыхало – и начинало отправлять всех, кто обращался к нему за защитой “от этих писак”, к самому профессиональному сообществу: у него теперь – саморегулирование, система самонаведения порядка на территории.

Так было практически повсеместно “у них”. Так будет и у нас: разумеется, если государство устоит перед соблазном проигнорировать тенденцию к саморегулированию, постепенно набирающую силу в профессиональных сообществах журналистов, не выберет путь “наведения порядка” в сфере массовой информации методом “делать, как сказано”.

Менее выраженной, менее отчетливой при выстраивании саморегулирования в России, но все же реальной, заметной, оказывается мотивация *поиска “цехом” универсального “профессионально правильного”* как достаточно устойчивой основы для предотвращения наиболее острых публично-правовых конфликтов.

Специально выделяю один из них, практически непрерывно воспроизводимый в ходе жизнедеятельности далеко не только российских СМИ и журналистов, но особенно “горячий” именно для нынешней России. Речь – о конфликте права гражданина на защищенность, закрытость от досужего взгляда его частной жизни – и права граждан на общественно значимую информацию. К последней нередко относится информация о лицах, частная жизнь которых – воспользуюсь формулой одного известного европейского документа – “может отразиться на их общественной жизни”.

Чтобы уверенно ссылаться на этот и другие документы, – не просто защищающие права и свободы журналиста, но и позволяющие ему успешно выполнять свой *профессиональный долг*, сплошь и рядом оказывающийся долгом *общественным*, – их нужно, во-первых, знать. А во-вторых, соблюдать или, как минимум, стремиться соблюдать: в идеале, как показывает мировая практика, – не в одиночку, на свой собственный страх и риск, а в рамках определенного сообщества, играющего на своем профессиональном поле в логике публично заявленного, сложившегося из крупиц “продвинутой” практики *“профессионально правильного”*: идет ли речь об определенных нормах, применяемых методах, правилах поведения его членов.

Замечу попутно, что именно сообщество, опирающееся на логику “профессионально правильного”, оказывается наиболее подготовленным к тому, чтобы солидарно, корпоративно защищать как “право на профессию” любого из своих членов (что самоценно), так и совокупный, с центром тяжести далеко за профессиональными пределами, “общественный интерес”. И что именно такое сообщество способно с наибольшей полнотой воспользоваться потенциалом саморегулирования как тонкого и эффективного института поддержания “баланса” между профессиональным, общественным и частным, личным, интересами.

Еще одной мотивацией в пользу саморегулирования – и чем дальше, тем более сильной в России – оказывается *защита чистоты собственных рядов*: от “другой” журналистики, не готовой и не желающей соблюдать профессиональные правила игры. Определим ее условно как журналистику “дикого поля”.

Чтобы не запутаться с *чистой рядов*: я решительно не готов чохом относить к “другой” ту журналистику, не рафинированную, зачастую вовсе “таблюдную” по основным признакам, которая стремится потеснее прижаться – как к “своим” – к читателю, слушателю или зрителю (далеко не самому продвинутому), но при этом проявляет профессиональную *честность*, не заставляет усомниться в своей *совестливости*. “Таблюдность” зачастую – не более, чем признак работы в конкретной нише, ориентации на уровень “реципиента”, который именно такую, “невысокую”, журналистику готов поддерживать материально. По этой причине с каждым из изданий, относимых по формальным признакам к “бульварным” (я сознательно обхожу термин “желтая пресса”), нужно

разбираться “штучно”: отделяя СМИ и журналистов, остающихся в основных своих профессиональных проявлениях представителями прессы рукопожатной (как минимум, заботящейся о приличиях, о доброй репутации своего издания, “цеха” в целом), от тех, для кого слова о той же *цеховой репутации* – тарабарщина.

Понятно, что практически любым “бульварным” СМИ вступить в конфликт с гражданами приходится чаще, чем СМИ качественным, ибо в ту же *частную жизнь* журналисты их вторгаются под давлением интересов и инстинктов своего читателя много чаще и жестче. Понятно также, что немалую роль в конфликтах граждан (и общества в целом) с явными ошибками СМИ и на этом направлении играют специфические российские факторы: такой, к примеру, как наполнение значительной части создававшихся “с нуля” изданий кадрами, пришедшими, что называется, с улицы. Сплошь и рядом – не просто из других профессий (что вполне допустимо; такая тенденция была достаточно заметной еще в советской журналистике, – на благо и ей, и нам, гражданам, кстати сказать), но с невнятными признаками самого что ни на есть среднего образования. В такой среде – откуда взяться устойчивым представлениям о *профессиональной норме* (пусть на самом примитивном уровне), не говоря уже о высокоценных в той же западной журналистике *добрых журналистских традициях*?

И коли уж о Западе – пусть усредненном, схематичном – в какой из стран с жесткой конкуренцией в массмедийной среде сможет выжить, а тем более – процветать издание, журнализм которого откровенно “вываливается” из профессиональной нормы? Я лично такой страны не знаю. У нас же издание, не вываливающееся даже, а выламывающееся из всех норм, включая нормы приличия, может быть даже более востребованным и более доходным, чем опирающееся на профессионалов: именно потому, что проигнорирует *игру по правилам*, сделает выбор в пользу *нечестной* конкуренции. Не суть важно, будет ли это сделано по настроению самих журналистов, не озабоченных профессиональными критериями, или по воле хозяина, рассматривающего СМИ как инструмент для получения прибыли (не суть важно какой, экономической или политической) в логике “цель оправдывает средства”: принципиально важно то, что игра пойдет в итоге на понижение качества совокупного пространства массовой информации – и на поражение достоинства российского журнализма.

Не продолжая перечисления мотивов все более пристального “пригляда” к институту и практике саморегулирования (в основном, на зарубежном примере) отечественных СМИ, замечу, что предпочел бы вообще уйти от попытки разложить проявленные или скрытые мотивации по полочкам, обсуждать их в логике “или/или”. Ближе к жизни “и/и”: ситуация, при которой мотивации осознанные, поддающиеся логическому анализу, перемешаны с интуитивными, находящимися скорее в профессиональном и гражданском подсознании.

В таком именно виде существует, скажем, не очень пока внятно артикулируемая мотивация выхода на саморегулирование как на инструмент преодоления чрезмерной, запредельной раздробленности, – не “автономизации” даже, а “атомизации” журналистского “цеха” в постсоветский период. Условный “цех”, который уже никогда не соберется (и слава богу) под единую “государственную” крышу, почувствовал, как мне представляется, угрозу, таящуюся в демонстративном отказе части его членов от соблюдения именно “цеховых”, почти что “ремесленных” (в средневековом смысле) требований по части предъявления определенного профессионального умения и соблюдения определенных же правил поведения. Нет предмета для всеобщей тревоги; риск, коли он есть, – проблема самого “отказника”? Когда бы так. Утрата доверия к носителям массовой информации редко когда задерживается на тех вполне конкретных СМИ и журналистах, что, руководствуясь формулой “пипл схавает”, инспирируют этот процесс: отказ в доверии СМИ, с ними – и самой массовой информации имеет свойство распространяться, подобно лесному пожару. И коли так, у журналистики, как у “цеха”, и в самом деле есть тот предел “автономизации”, за которым недоверие общества к одной части “цеха”, почти всегда оправданное, означает предупреждение, отложенный приговор всем остальным.

Особо отмечу среди других мотивацию *профессионального долга* как долга *общественного*. Не являющаяся отечественным изобретением, эта мотивация способна, как мне представляется, достаточно сильно заявить о себе в силу специфики самой российской журналистики, во многих ментальных чертах – преемнице как советской, так и дореволюционной русской *публицистики*. (Именно здесь – корни наиболее “морально нагруженных” представлений журналиста о своей миссии: от “последнего защитника слабых” – до “впередсмотрящего общества”.) И коли так: как бы быстро ни подрастала и у нас журналистика *факта*, российская пресса в значительной своей части остается – и останется – журналистикой личного мнения, апеллирующего не только к здравому смыслу, но и к нравственному чувству, к совести собеседника. Последнее может нравиться или огорчать, но оно определенно дает надежду на то, что достаточно большая часть нашей прессы, прежде всего провинциальной, проявит повышенную заинтересованность в саморегулировании, начнет приводить себя в порядок не просто под давлением общества, но и не дожидаясь внятных проявлений такого давления.

Явление *востребованности саморегулирования* “цехом” не стоит, разумеется, переоценивать. Но также не стоит и сбрасывать со счетов. Не будь его (я в этом убежден) – аморфный, размытый, невозможно архаичный Союз журналистов России ни за что и никогда бы не вышел на попытку выработать и утвердить собственный журналистский кодекс. Вопрос о том, почему, по каким причинам *Кодекс профессиональной этики российского журналиста* не запустился, не заработал, – особый, требующий специального и достаточно серьезного осмысления.

Сам же факт того, что попытка его внедрения не вызвала у членов СЖР отторжения, что Кодекс был принят (вопреки, заметим, всем предупреждениям о дефектах самого кодекса и изъянах механизма его разработки и привнесения в жизнь профессионального сообщества), – убеждает: мотивация защиты профессиональных интересов таким путем, *через кодекс*, в свое время сработала. Сообществом, пусть умозрительно, но была признана логика продуктивного, позитивного самоограничения, согласно которой журналист должен играть по правилам, известным как ему самому, так и обществу, для которого признание этих правил означает, в том числе, неписаное обязательство уважать как сами правила, так и журналиста, их соблюдающего.

КАКАЯ ИЗ МИССИЙ профессии доминирует в самоопределении сообщества? У меня нет конкретного ответа на этот вопрос: в том числе и потому, что, наблюдая российское профессиональное сообщество, всегда видишь только часть пространства, – даже и тогда, когда специально изучаешь прессу в тех регионах, где бываешь. Тут ничего не поделаешь: страна огромная. Понятие “центральные СМИ” хотя и мелькает порой, более не отражает реальности: ни в смысле “единокурсия”, ни в части “особого качества”.

Относительно некой “ведущей” миссии: я полагаю, что если таковая и существует, то спрятана достаточно глубоко. Я бы говорил, скорее, о своего рода “латентности”, недопроявленности миссий у большинства СМИ. Среди причин – и новизна самого положения, при котором прежний, достаточно примитивный, набор представлений о плохом и хорошем, о правильном и неверном в профессии уже не работает. При котором, далее, на местах прежних стандартных, по большей части, “развязок” обнаружилось вдруг сложнейшие профессионально-нравственные коллизии, отличающиеся высокой неопределенностью. Тут и неурегулированность фундаментальных отношений СМИ с властью, с собственниками – в том числе и с собственниками скрытыми, среди которых часто оказывается та же самая власть, и очевидная напряженность во взаимоотношении значительной части прессы с обществом. Специально заметим, что ведь и общество в России не выстроено в логике институтов и усилий, в том числе контрольных по отношению к власти, общества *гражданского*, – что несомненно сказывается на характере взаимоотношений со СМИ и конкретных групп читателей, и той же власти.

В этой новой для себя ситуации большинство из СМИ, отказавшись от старой, традиционной поведенческой модели, перестав быть примитивными “пропагандистами и агитаторами”, еще просто не определилось по части выбора новой, современной *миссии*. Встречающиеся исключения (демонстрируемое популярным “Московским комсомольцем”, предъявляющим на полосах фактически несколько версий миссии, в том числе и конфликтующих между собой) скорее подтверждают то, что можно пока считать правилом.

Как достаточно внимательный читатель уточню также, что, во-первых, в сегодняшней России *миссия* как данность наиболее четко определяется у откровенно одиозных “черносотенных” изданий. (При том, что сама “миссия” в данном случае скорее относится к области политики, чем к профессиональной этике журналистов.) И что с “миссией”, во-вторых, не стоит путать утилитарную “функцию”, откровенно просматривающуюся, например, у СМИ, выполняющих роль властных и иных “подголосков”. Издания, открыто обслуживающие интересы учредителя, безусловно выполняют определенную задачу, играют свою роль, возможно даже – вполне успешно. Но вот говорить об этой задаче или роли как о *миссии* их журналистам вряд ли придет в голову: не называть же в качестве таковой роль давно забытого, но, похоже, претендующего на бессмертие “приводного ремня”.

И еще одно соображение. В современной России рассуждать о миссии СМИ особенно трудно потому, что повседневно удерживающая плацдарм общественного доверия, формирующая дух общения журналиста с читателем *миссия* предполагает *нормальный*, штатный режим существования конкретного средства массовой информации и его журналистов. Можно ли назвать таковым режим, при котором СМИ вовлечены (пусть косвенно, но ведь – ежедневно) в войну в Чечне и в череду избирательных кампаний? Не останавливаясь на войне (а стоило бы – уже потому, что собственными глазами видел, как разделялось, сепарировалось профессиональное сообщество на разворачивавшемся “деле Бабицкого”), напомним о формально абсолютно невоенном. О том, как на наших глазах, в процессе парламентских выборов 1999 года, съезжались и иставали, проваливались одна за другой попытки проявления в повседневной практике СМИ “миссионных” ролей, свойственных именно цивилизованному профессиональному сообществу. Эти роли – такие, как просвещение граждан, к примеру, как честное информирование их журналистами о том, что сами кандидаты хотели бы скрыть, – фактически “табуировались” властью в лице Центризбиркома.

“Всплывали” же в итоге абсолютно другие, зачастую – до боли знакомые: вроде того же “приводного ремня”, коллективного пропагандиста и агитатора.

КАК Я ОТНОШУСЬ к идее, согласно которой в будущей Конвенции тюменских журналистов должен быть выделен специальный раздел с условным названием “Журналист как субъект морального выбора”?

Мне кажется важным, чтобы попытка постановки акцента на “духе морального выбора” была предпринята с четким учетом специфики языка, мироощущения самой тюменской журналистской среды. Чрезвычайно важно, чтобы слова не прошли мимо профессионального уха, чтобы они, раздражая его (без раздражения – какое же движение вперед?), не проявились в форме аллергии на “моральное”.

Наверное, правильным было бы выслушать для начала само сообщество: есть ли в нем, присутствует ли в принципе, осознается ли – и в каких словах – потребность в свободном моральном выборе? Очевидно, что Конвенция может появиться только в том случае, если сама профессиональная среда видит (или готова увидеть) проблему морального выбора как свою повседневную задачу. Если эта самая среда принимает (или готова принять) язык рефлексии ситуаций морального выбора: как *не чужой, не заемный*, но прагматически значимый, полезный, *пригодный в принятии повседневных решений*.

Конвенция в этом смысле – заведомый прорыв, выход сообщества (в данном случае – регионального) не просто из состояния своего рода “моральной немоты”, но также из полосы неумения или/и нежелания договариваться об основах профессионального поведения: прежде всего – в тех самых ситуациях высокого профессионального и общественного риска, которыми так богата современная российская журналистская практика. И в процессе работы над Конвенцией, как представляется, первым делом должен быть получен ответ на вопрос: находит ли в сообществе понимание (или отвергается) сам *дух ситуации морального выбора* – как основа для самоорганизации, для консолидации устойчивого и именно продвинутого, цивилизованного корпоративного начала не вчера родившейся, но при этом и недостаточно зрелой, не устоявшейся профессии.

Возвращаясь к терминам “цех” и “ремесло”: Конвенция тюменских журналистов, как я понимаю, должна продвинуть профессионалов от понимания журналистики как *ремесла* (а в это слово я вкладываю высокий смысл *мастерства*) к пониманию ее же как профессии, особо важной для жизни социума, в том числе, и насквозь “коммуникативного” XXI века. Согласимся, что ремесло (техника, технологии) журналистики обновляется и будет обновляться много быстрее гигантской и принципиально важной для свободной профессии “надстройки”, именуемой профессиональной моралью. Быстрее настолько, что “моральное” перестанет успевать за технико-технологическим?

В связи со сказанным, обращаю внимание вот на какое обстоятельство. Судя по истории журналистики, отразившейся в конкретных кодексах (а представлены в них обычно были оба “этажа”, и “ремесленный”, и профессионально-моральный), “цех” сначала договаривался по поводу миссии и кредо, а потом уже переходил к нормам, определяющим технологии реализации миссии СМИ, – в том числе и к нормам собственно “ремесленным”. Позднее для значительного числа сообществ идея “миссии СМИ” перешла в традицию, перестала нуждаться в специальной фиксации в текстах конкретных кодексов. Основными в них стали те пункты норм и технологий, которые самим фактом своего обязательного исполнения (в логике “делаю без специальной рефлексии”) давали “цеховикам” и “цеху” в целом ощущение органичной встроенности в гражданское общество, успешного выполнения в нем не просто особой, никем более не выполняемой, но и высокоценимой социумом функции массовой коммуникации.

Поясняя сказанное: в развитом обществе журналисту-“информационщику”, к примеру, уже давно нигде не нужно объяснять себе и окружающим, в чем и какой именно он видит свою миссию. Информационная журналистика устоялась и отстоялась, цех накопил соответствующие традиции, набрал опыт по части применения множества норм, в том числе и специальных, испытал себя в самых разных режимах работы с этими нормами. Большинство американских профессиональных кодексов, правда (а уж где взять журналистику более “информационную”, чем в США), и по сей день содержат разделы, посвященные *миссии* и *кредо*. Но это – скорее дань общественной традиции, Первой поправке к Конституции, демонстрация флага профессиональной культуры, чем отражение профессиональных забот или проблем тамошней журналистики.

Не то у нас сегодня. Повышенная актуальность обращения российского журнализма к “верхнему этажу” кодексов определяется реалиями, обстоятельствами жизни: как профессиональной, так и общественной. Разорванное, атомизированное профессиональное сообщество либо начнет и в самом деле собирать себя по определенным признакам, в рамках определенных систем координат (и тут никак не обойтись без координат морально-нравственных, без проявления и предъявления таких корпоративных скреп, как *миссия* и *кредо* того или иного сообщества), либо будет обречено на унылое и тяжелое сопротивление попыткам “выстроить” (“построить”!) себя снаружи, извне. Не суть важно, кто именно примется за “наведение порядка” в журналистике: власть, утратившая от необходимости уважать чуждую, претящую ей свободу слова, или само общество: не

являющееся гражданским, не договорившееся о своем прошлом и будущем, по-разному видящее настоящее – и также раздраженное проявлениями свободы массовой информации.

Говоря об оправданности повышенного внимания к “верхнему этажу” кодексов, я, впрочем, поостерегся бы недооценить этаж “нижний”. Овладение “ремеслом”, осознанное и уверенное повседневное использование профессионально правильных методов работы, норм и правил поведения, во-первых, дают возможность самому журналисту наиболее точно и полно решать профессиональные задачи. А во-вторых, предотвращают или минимизируют общественные риски, связанные с журналистской практикой: идет ли речь о защите прав частных лиц, становящихся объектом профессионального внимания журналиста (тем более – случайно попадающих в “зону засветки”), – или о практической возможности несправедливо задетого СМИ восстановить тем же порядком статус-кво.

Резонный вопрос: а поймут ли друг друга двое (а тем более, пятеро) из убеждающих применять “профессионально правильные методы” в журналистике – без предварительной попытки договориться о том, что же считать профессионально правильным? Ведь к “профессионально правильному” можно идти, например, интуитивно, – опираясь на собственную общую культуру, на семейное воспитание, на личный профессиональный опыт. Можно идти, отталкиваясь от опыта конфликтов соседей по “цеху”, в логике “от противного”. Можно – через изучение чужих профессиональных стандартов и выработку собственного, оптимального именно для данного дня и данного пространства.

Последний путь представляется мне лично наиболее разумным сегодня: при условии, что продвигаться следует к определению и освоению не просто *профессионального*, но именно *минимального профессионального стандарта*. Такой стандарт призван заполнить (не целиком, разумеется, но хотя бы на ту глубину, которая сегодня одновременно и наиболее нуждается в освоении и поддается ему) пробел устойчивых представлений о профессионально правильном: через определение базового набора норм и методов, применение которых считается обязательным в цивилизованной журналистике, через предъявление этого набора “городу и миру” – и, что не менее важно, через признание этого набора журналистами обязательным для личной и корпоративной профессиональной практики.

Три ремарки-пояснения к сказанному. Первая: большинство из попадающих под формат “минимального стандарта” норм и методов *заведомо не требуют* от журналиста *специальной рефлексии*. (По меткому определению одного из журналистов, процесс их использования должен быть сходен с чисткой зубов: режим – “на автопилоте”.) Вторая: речь идет о нормах и методах, применение которых *никак не связано с конкретными миссиями и конкретными кредо*, которые могут по-разному формулироваться различными профессиональными сообществами. Третья: именно *универсальность* норм и методов, составляющих в совокупности минимальный профессиональный стандарт, позволяет смотреть на сам этот “стандарт” как на *инструмент своего рода “синхронизации” различных крыльев и потоков профессионального квазисообщества*, – и как на *существенный механизм “встраивания” журналистики в общество на легитимной основе*.

Специальное замечание. Мне представляется, что нормальная, цивилизованная журналистика не боится слова “стандарт”, не привносит в понимание стандартов “низкий” привкус *шаблона*, опасного для творчества и творческой профессии. Стандарт для нее – канон поведения в конкретной ситуации, хорошо освоенная позиция, освобождающая пространство для настоящего творчества. Стандартных позиций, на которых “разводятся” цивилизованная журналистика и журналистика “дикого поля” (если говорить о самом первом уровне профессионализма, о его *ремесленном* основании), – всего-то и наберется, что полтора-два десятка. Их-то и обнимает “минимальный профессиональный стандарт”, обнаруживающий себя своего рода *кодом кодов*, своеобразной базовой “матрицей” большинства национальных и международных кодексов. (“Пилотную” версию полученного таким именно путем “минимального стандарта” заинтересованный читатель найдет в приложении к этому интервью.)

Переходя от практически “безрефлексивного” Стандарта к Кодексу, Конвенции, изначально ориентированным на ситуацию морального выбора, сформулирую гипотезу так: в сфере массовой информации профессионал, даже самый сильный, на одном ремесле не продержится. Современная журналистика – не просто свободная, творческая профессия, но и сфера защиты (или поражения) общественных интересов. И коли так, с конфликтами, которые неизбежно порождает журналист, вовлекающий в орбиту общественного внимания жизни, судьбы, поступки, детали биографии тысяч и тысяч персон, никакой стандарт не справится, что называется, по определению.

Ремесло, задействуемое профессионалом, – обязательная база, предполагающая обязательное же наличие сильной “надстройки”, готовой “включаться” и адекватно реагировать на каждую ситуацию морального выбора. Каким образом помочь такой “надстройке” точнее сформироваться в каждом из журналистов? Когда бы доподлинно знать. Предполагаю, что общий объем моего незнания существенно сократится по ходу реализации проекта Центра прикладной этики, в процессе обсуждения проблемы создания этической конвенции.

ОТВЕЧАЯ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ АВТОРОВ ПРОЕКТА прокомментировать две *модели этической комиссии* в качестве прообраза *института саморегулирования* сообщества журналистов, начну с констатации. Во всем, что касается осмысления и введения института саморегулирования, мы очень сильно запоздали: и в сравнении со многими другими национальными сообществами, и, что называется, по факту. Рассчитывать на известное “русские долго запрягают, да быстро ездят”? Хотелось бы, да оснований маловато: инициированная одновременно практически в нескольких точках дискуссия о саморегулировании основной массой практикующих журналистов в регионах воспринимается пока скорее настороженно, чем с видимым интересом. Судя по характеру наиболее частой реакции (любопытно, но – не про нас; у нас все определяет власть), квази- или прото-сообщество журналистов в России до саморегулирования еще не доросло, не доносило даже самых простых из приведенных выше мотиваций выхода на этот режим.

А раз так, нужно особенно тщательно избегать ошибок форсированного “учреждения” саморегулирования, попытки его “декретирования”, в том числе из благих побуждений. Навязывание сообществу различного рода “*этических кодексов*”, учреждение институций-инстанций в лице “*комиссий по этике*” в качестве “ускорителей” выхода на саморегулирование способно принести вред, – особенно принимая характер дурного администрирования.

Современная российская журналистика возникает не на пустом месте. Она продолжает (но не в меньшей степени и преодолевает) старую советскую журналистику, – что совершенно определенно сказывается и на возникающих затруднениях: в рождении настоящего профессионального сообщества, в становлении процесса саморегулирования.

На мой взгляд, в реальной российской ситуации единственный способ допустимого существования *этической комиссии* – третий из предложенных на экспертизу, *консультативный*. Эта модель имеет шанс оказаться действительно полезной, ибо позволяет “цеху” самообучаться в процессе выстраивания системы саморегулирования. Самообучаться, заметим, путем интенсивного освоения опыта, своего и чужого. И, прежде всего, – путем освоения опыта тех “пилотных” групп, которые наращивают потенциал саморегулирования. (Пример одной из таких групп – программа “Чистые перья” в расследовательской журналистике.)

Еще одно специальное замечание – о терминах. Мне представляются не самыми удачными словосочетания “этическая комиссия” и “этический комитет”. “Комиссия” в ментальном сознании российских граждан связывается либо с чрезвычайщиной, либо с бюрократической волокитой. “Комитет” изрядно дискредитирован целым рядом предшественников (КГБ, ЦК КПСС и т.д.), поработавших над тем, чтобы само слово “этика” в стране произносилось с усмешкой. Возможно, применительно к профессионально-этическому институту, стоило бы остановиться пока на “консультативном совете”.

Как видим, даже несложная, на первый взгляд, задача найти приемлемую формулу, оболочку для искомого института оказывается на деле достаточно непростой. Что уж говорить о попытке выстроить сам институт таким образом, чтобы он не отталкивал журналистов, не воспринимался “хворостинной” – и при этом защищал, а не подрывал основы свободы слова, массовой информации в России.

И в этой связи – самое последнее замечание. Не отказываясь от высказанной выше оценки ситуации (“*квази- или протосообщество журналистов в России до саморегулирования еще не доросло, не доносило даже самых простых из приведенных выше мотиваций выхода на этот режим*”), я саму эту ситуацию – и в этом фокус – не считаю характерной для Тюмени. Более того: перечитав два выпуска “Тетрадей гуманитарной экспертизы”, восстановив ощущение “духа сообщества”, зафиксированного проектом «Медиа этос. Ценности и “правила игры” регионального сообщества журналистов», и проанализировав один из семинаров нового “медийного” проекта В.И.Бакштановского – в “Тюменском курьере”, – я готов утверждать: именно в Тюмени сегодня есть смысл и основание браться за задачу определить (не преодолеть!) *причины, границы, характер* регионального “сопротивления материалу” саморегулированию. Есть основания и шанс сделать шаг (не дожидаясь известного – “Надо, Федя!”) навстречу не Европе даже – будущему российской журналистики как журналистики *уважаемой*, сохранившей и укрепившей *общественное доверие*. Рабочая гипотеза шага – проверка на совместимость неочевидного прагматизма “минимального стандарта” с кажущимся романтизмом Конвенции: в формате реального регионального сообщества тюменских журналистов. Рабочий прогноз – все у нас получится.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проект

МИНИМАЛЬНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ (российская версия)

Преамбула

Журналист, относящий себя к цивилизованному профессиональному сообществу, осознанно и по доброй воле придерживается при выполнении профессиональных обязанностей (независимо от своего места в структуре конкретного СМИ, ориентации своего издания или соб-

ственных политических и иных взглядов, симпатий и антипатий) перечисленных ниже норм, методов деятельности, правил поведения, признающих профессионально правильными большинством международных и национальных организаций журналистов и составляющих в совокупности основу для ответственной и успешной повседневной профессиональной практики.

Составляя своего рода **минимальный профессиональный стандарт**, эти нормы, методы и правила позволяют – в силу логики **минимальной достаточности** при **минимальной же внутрiproфессиональной конфликтности** – заложить основу **института практической саморегуляции** российской журналистики в национальном масштабе.

Признание и соблюдение норм минимального стандарта профессиональными журналистами должно практически способствовать повышению доверия граждан к отечественной журналистике и содействовать защите и укреплению свободы слова и свободы массовой информации.

Минимальный стандарт не является препятствием для профессионально-этического нормотворчества конкретных профессиональных ассоциаций и организаций, позволяющего каждой из этих ассоциаций и организаций более точно согласовывать профессиональные права и свободы своих членов с другими правами, свободами и интересами, – снижая тем самым возникновение возможных и вероятных конфликтов, вызываемых деятельностью СМИ и журналистов, или помогая их корректному разрешению.

Журналист, работающий в режиме соблюдения минимального профессионального стандарта:

- * ведет сбор информации только честными средствами и методами;
- * проводит четкое, понятное, в том числе, наименее подготовленным читателям *разграничение между новостями* (новостной информацией), с одной стороны, и *мнениями и комментариями*, с другой ⁴;
- * распространяет информационные сообщения, *достоверность* которых подтверждена необходимыми или доступными журналисту и СМИ *средствами проверки*, соответствующим образом *верифицирована* ⁵;
- * выделяет и *отделяет специальными профессиональными приемами* (маркирует) от достоверной информации *слухи*, а также ту информацию, *подтверждение которой не удалось получить* по независимым от журналиста или редакции причинам ⁶. Сам факт такой попытки также маркируется;
- * отделяет *архивную* информацию от *новостной*, а *подлинный фотоматериал* от материала, полученного с применением приемов монтажа;
- * не путает повседневную работу с работой *специалиста рекламного отдела* или *отдела по связям с общественностью*, четко отделяет *новостную* информацию от *рекламной* и/или по преимуществу *имиджевой*;
- * везде, где это представляется возможным, указывает *источники информации* ⁷;
- * соблюдает и защищает *конфиденциальность источника информации*, предоставленной на условиях сохранения редакционной тайны;
- * незамедлительно, без специальных требований пострадавших, *исправляет ошибки*, допущенные по его вине или вине редакции;
- * не допускает *оскорблений* по отношению к лицам, чьи слова или поступки публично критикуются;
- * предоставляет, в том числе в инициативном порядке, *право на ответ* лицу, подвергающемуся в СМИ серьезной публичной критике;
- * соблюдает *нормы авторского права* и уважает *права своих коллег* на отличную от своей точку зрения;
- * считает свою профессиональную деятельность несовместимой с *пропагандой преступности, терроризма, насилия, жестокости*;
- * избегает любого поощрения *нетерпимости или дискриминации*, основанных на расе, поле, языке, вероисповедании, политической и иной ориентации ⁸, национальном, региональном или социальном происхождении.

⁴ Примечание. Резолюция 1003 (1993) по журналистской этике (Парламентская Ассамблея Совета Европы, Сорок четвертая очередная сессия) дает при этом такую трактовку: НОВОСТИ – это информация о фактах и событиях. МНЕНИЯ – это мысли, идеи, представления или ценностные суждения.

⁵ “Информация, предоставляемая журналистом, должна быть достоверной в том, что касается новостей, и честной в том, что касается мнений”. Резолюция 1003 (1993), из которой взята данная формулировка, содержит также специальное уточнение, продолжающее и закрепляющее логику предъявляемого подхода: “без... вмешательства со стороны как властей, так и частного сектора”.

⁶ Последнее – с четким указанием на то, какие шаги предпринимались журналистом и редакцией с целью проверить информацию, представляющую общественный интерес.

⁷ Чрезвычайно важный пункт, расширяющий минимальный стандарт: “при этом сама информация должна быть по возможности сбалансированной, позволяющей гражданину составлять возможно более адекватное представление об окружающем его мире”.

“...МЫ - ИНСТРУМЕНТ ЭТИКО-ПРАВОВОГО ВЛИЯНИЯ”

ТЕМА моих размышлений – соотношение регулирования и саморегулирования деятельности СМИ. Это большая, перспективная и весьма значимая для развития в нашей стране институтов цивилизованной свободы массовой информации, а следовательно, и судьбы в ней демократии и рынка, тема. Ее более высоким аналогом в правоведении является проблема соотношения права и морали как особых социально-регулятивных систем. Разрешением этой проблемы для данных условий места и времени занимались, занимаются и будут заниматься лучшие юридические, этические и философские умы человечества.

Многое из наработанного ими способно к адаптационному применению и в рамках нашей, более узкой, проблематики деятельности СМИ. Например, учет принципа исторического старшинства моральных регуляторов. Он в том, что, по общему правилу, по-настоящему эффективное право свободы массовой информации может сформироваться лишь в лоне укоренившейся в обществе морали.

Хочу определить в качестве способа обсуждения темы сравнение задач Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ и – задач журналистского “цеха” по саморегулированию своей деятельности. Одно из средств понимания такого соотношения – прояснение общего и различного между ролью Большого жюри Союза журналистов и Судебной палаты⁹.

Отмечу, что с сопредседателем Большого жюри М.А.Федотовым у нас по этому поводу есть и *поле согласия*, и *поле несогласия*. Поле согласия, слава богу, в главном и основном: Большое жюри и Судебная палата не конкуренты, тем более – не противники, а союзники, работающие на одном и том же информационном пространстве, но применяющие при этом разные методы для достижения одной и той же цели – создания, говоря высоким словом, цивилизованной журналистики на российской земле.

Что отличает? Отличает, прежде всего, статус. Судебная палата – специализированный государственный орган при главе государства, Большое жюри – орган Союза журналистов России. В таком отличии есть, соответственно, свои плюсы и минусы. На мой взгляд, нам с Большим жюри надо больше работать на усиление и умножение “плюсов” каждой из этих институций, а “минусы”, по мере возможности, нейтрализовывать, стараясь публично их не выпячивать.

К сожалению, Михаил Федотов, мой давний друг и коллега, не всегда этому правилу следует. Подчас даже в его выступлениях проскальзывает мысль, что, в отличие от Судебной палаты, мол, по определению органа независимого от власти, Большое жюри – действительно независимый орган. Досадно, но эта мысль, – кстати, больно задевшая моих коллег по Судебной палате, – прозвучала и в его, в целом очень интересном и содержательном интервью, опубликованном газетой “Вечерняя Москва” 10. 02. 2000 г. под названием “Чистка мундира также важна, как его честь”.

В этом интервью он окрестил нас, членов Судебной палаты, чиновными сотрудниками Администрации Президента России и в этой связи риторически спросил: “Как же они могут осуществлять функции независимого арбитра в отношении других таких же чиновников?”.

Что можно ответить на это? Во-первых, эта мысль не верна *de jure*. Дело в том, что Судебная палата по своему статусу не входит в Администрацию Президента России. Свои функции она осуществляет самостоятельно и вмешательство в ее деятельность не допускается (п.3 “Положения о Судебной палате...”). Во-вторых, мысль о нашей априорной зависимости от власти не верна *de facto*. За доказательством далеко ходить не надо. Прямо в этом же интервью, двумя абзацами ниже, сам интервьюируемый отмечает наличие большого желания у неких представителей власти “разогнать Палату” за не устраивающие этих “властных” людей решения СПИС. За что же конкретно? Причина, по его мнению, в том, что в декабре 1999 г. по обращению журнала “Досье на цензу-

---

⁸ В европейской “транскрипции” документа формула дана в более полном виде: “и иной, в том числе сексуальной ориентации”.

⁹ Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации (сокращенно СПИС) учреждена Указом первого Президента России Б. Ельцина от 31.12.93 г. №2335 “в целях обеспечения закрепленных ст. 29 Конституции России информационных прав граждан, соблюдения их законных интересов в этой области, эффективного выполнения Президентом Российской Федерации конституционной обязанности выступать гарантом прав и свобод человека и гражданина”.

“Она (СПИС) с равным рвением борется как против ущемления прессы, так и против злоупотребления свободой массовой информации, будучи убеждена в том, что наилучшим средством лечения социальных недугов в сфере массовой информации является становление духа корпорации, ее саморегуляции в вопросах профессиональной этики” (Федотов М.А. Позитивное право массовой информации. М., 1999.).

За шесть с лишним лет своей деятельности никаких особых знаков внимания от государства СПИС не получала. Зато журналистским и юридическим сообществами замечена и отмечена. Центр “Право и СМИ”, действующий на факультете журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова, в 1999 г. присудил СПИС международный приз “За выдающийся вклад в развитие российского права СМИ”. Весной 2000 г. юридическое сообщество в лице авторитетного московского Клуба юристов удостоило СПИС высшей юридической премии “Фемида” – “за вклад в развитие институтов правового государства и строительство гражданского общества”.

ру” Палата осудила правительство за сокрытие информации от журналистов и их читателей. Но если это так, то получается, что Судебная палата не просто по букве своего Положения, а фактически осуществляет функции независимого арбитра даже в отношении высших российских правительственных чиновников.

“Плюс” статуса Судебной палаты заключается в том, что мы можем с большей результативностью, чем Большое жюри, добиваться от тех или иных структур СМИ исполнения наших решений. У Большого жюри такого эффекта в ряде случаев не может быть именно из-за общественного статуса этой институции.

В то же время наш “плюс” может превратиться и в “минус”. Тот или иной адресат нашего решения может сказать, что мы – не журналисты и потому наши рекомендации не профессиональны. А вот в Большом жюри заседают “золотые перья” цеха, и их решения авторитетны для журналистского сообщества. Да и вообще, чистка мундира представителя журналистской профессии от скверны профессиональных ошибок и проступков должна быть делом самих журналистов.

Поэтому мне представляется, что два таких института воздействия на ситуацию в журналистике, как Судебная палата и Большое жюри, должны и вполне могут не просто уживаться, но и дополнять друг друга. При всех наших легких пикировках, о которых я сказал и могу продолжить, мы не только не противники, а коллеги и соучастники одного большого дела.

Что еще отличает наши институции? Персональный состав? Вряд ли, потому что и у них есть известные юристы, и у нас есть известные журналисты. Кстати, есть и “перекрестные” фигуры. Так, Юрий Васильевич Феофанов – член Судебной палаты и, одновременно, член Большого жюри.

Наверное, в ряду отличий можно отметить несколько большую степень проработанности документов, выходящих из-под нашего пера. Пусть коллеги не обижаются, но пока это так. Впрочем, это дело наживное. Ведь у нас за плечами уже шестилетний опыт работы, а они работают “без году неделя”. Уверен – наверстают.

Что объединяет наши институции? Наверное, реакция адресатов наших решений. Во многом близкая реакция тех адресатов, у которых в наличии и честь, и достоинство, и деловая репутация. Те, у кого эти качества есть, заботятся об их развитии и приумножении. Поэтому, если они видят, что в наших решениях обосновано, уважительно и доказательно показана их неправота, адресаты отвечают: согласны, виноваты, исправляемся.

Но те люди и те структуры СМИ, которые этими качествами, как говорится, не обременены, во многом игнорируют как решения Большого жюри, так и решения Судебной палаты.

Отличаемся ли мы от Большого жюри санкциями? Некоторые полагают, что у Большого жюри санкций нет вовсе. Я бы с этой точкой зрения поспорил. Разве недавнее решение Большого жюри по жалобе мэра Москвы Ю.Лужкова на телеведущего С.Доренко о том, что этот орган журналистской чести не считает более С.Доренко журналистом, не санкция? Санкция, да еще какая. Другой вопрос, что санкции бывают разные: они могут иметь общественный или юридический характер. Кстати, многие санкции Судебной палаты тоже не носят традиционно юридического характера.

Любое наше решение, в том числе содержащее санкции, – и это принципиально важно – может быть оспорено в судах общей или арбитражной юрисдикции. И это не просто “спящая” норма, прошла уже дюжина процессов самого разного уровня, и не только в Москве. Один из последних был в славном городе Тольятти, где “тамошняя” журналистка, “героиня” одного из наших решений, которым мы объявили ей замечание “за нарушение требований ст.49 Закона РФ “О средствах массовой информации и норм журналистской этики”, посчитала, что оно задевает ее профессиональную честь и достоинство. В этой связи она обратилась в обычный суд с иском к Судебной палате.

По итогам судебного разбирательства тольяттинский суд согласился с нашей позицией о том, что объявленное журналистке замечание не есть разновидность дисциплинарной юридической ответственности, как она это поняла. Это замечание – наша публично-правовая и этико-правовая оценка выполнения ею профессиональных обязанностей журналиста как лица, выполняющего общественный долг.

В заключение сравнительного анализа можно сказать, что Большое жюри – это инструмент исключительно саморегуляции журналистского сообщества, а Судебная палата – в основном инструмент регуляции, хотя и с наличием элементов саморегуляции. Скажем, мы не настолько уж и отдалены от “цеха”. Многие члены нашей Палаты – журналисты.

ЗНАЧИМЫ ли для работы Судебной палаты такие инструменты саморегуляции “цеха”, как хартии, кодексы, конвенции? Безусловно. Можно, конечно, спорить о степени их влияния в сравнении с работой Большого жюри, где эти инструменты – основные. В нашем же арсенале более широкий набор мер воздействия. Мы – инструмент этико-правового влияния.

Словосочетание “этико-правовое” означает в данном случае, что мы ориентируемся, прежде всего, на правовые нормы. Разумеется, это нормы, которые регламентируют сферу массовых

информационных отношений. При этом мы особо стараемся ввести в общественный оборот соответствующие международно-правовые нормы. В Положении о Судебной палате прямо записано, что она опирается при разрешении конкретных дел не только на нормы российского законодательства, но и на общепринятые международно-правовые установления, регулирующие сферу массовой информации. Например, мы довольно часто применяем соответствующие решения Европейского суда по правам человека.

Кроме того, мы опираемся и на нормы профессиональной этики, в том числе и на конкретные своды этих норм в виде кодексов. Скажем, если речь идет о деятельности электронной прессы, то в нашем решении по этому спору вы сможете обнаружить ссылку на соответствующие положения “Хартии телерадиовещателей”, подписанной нашими ведущими вещателями в 1999 году.

Все наши решения публикуются в специальном периодическом издании – Бюллетень Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ. Его издателем выступает Администрация Президента России. Открываю его восьмой номер, содержащий решения Судебной палаты за май – октябрь 1999 г., и в качестве конкретного примера этико-правового влияния на ситуацию в российском информационном пространстве привожу наше решение № 11 от 21 октября 1999 г. “Об обращении губернатора Кемеровской области А.М.Тулеева по поводу сведений, распространенных Агентством политических новостей”.

Оно прецедентно. Тем, что впервые в России, да и не только в ней, в нем было признано, что за содержание информации, размещенной в Интернете, отвечает конкретный поставщик содержания этой информации. Причем, этому принципиально не препятствует то обстоятельство, что поставщик не зарегистрирован в установленном порядке в качестве средства массовой информации. Однако важно, чтобы поставщик имел установленные Законом РФ “О средствах массовой информации” признаки одного из средств массовой информации, в данном случае – информационного агентства, использующего *иную форму* периодического распространения массовой информации, в смысле части 2 ст. 2 Закона РФ “О средствах массовой информации” – *сеть Интернет*.

Фабула дела внешне проста. Работающая в Интернете информационная структура – Агентство политических новостей – размещало скандальные новости, имеющие отношение к политике и к политикам. В данном случае появилась информация о том, что господин Тулеев, намеревающийся участвовать в выборах Президента православной России, решил изменить свою профессию. Естественно, такая информация задела Тулеева. И не только его – Шура в Грозном объявила о необходимости его физического уничтожения.

На деле информация АПН оказалась ложной, недостоверной. Линия защиты, которую избрали ее представители: мы не СМИ, мы – Интернет, поэтому ответственности по закону о СМИ не несем. Поскольку в России еще мало пользователей Интернета, широкая общественность получила доступ к этой информации через обычные печатные СМИ, которые ссылались на АПН в качестве источника информации. По Закону о СМИ, если ты делаешь ссылку на источник, ответственность за достоверность информации перекладывается на него. Но они не хотели отвечать, утверждая, что их Агентство в Интернете – не СМИ.

Признав, что деятельность интернетовского Агентства политических новостей подпадает под правовой режим средства массовой информации, в качестве следующего шага мы признали, что к этой деятельности вполне применимы положения норм законодательства России о средствах массовой информации, а также нормы журналистской этики.

Исходя из этих логико-правовых позиций, а также учета фактических обстоятельств дела, Судебная палата решила, что публикация в Интернете 25 июня 1999 г. Агентством политических новостей недостоверных сведений о том, что А.М. Тулеев якобы принял православное крещение, представляет собой злоупотребление правами журналиста и нарушение норм журналистской этики. Шеф-редактор АПН получил наше замечание.

Это решение не было оспорено в суде и вступило в силу. Интернетовскому АПН, во-первых, пришлось зарегистрироваться в Минпечати РФ в качестве СМИ. Во-вторых, по гражданско-правовому иску А.М.Тулеева решением суда общей юрисдикции, который, среди прочих доказательств, опирался и на наше решение от 21.10.99 г., АПН пришлось выплатить истцу несколько сотен тысяч рублей в качестве возмещения нанесенного ему морального ущерба. Sapienti sat. Понимающему достаточно.

Время, в котором недобросовестные субъекты информационной деятельности в Интернете уклонялись от ответственности, прикрываясь флером якобы невозможности осуществления правовых, да и этических регуляций в этой виртуальной среде, уходит.

Интернет не должен быть большой “прачечной”, отмывающей компромат для печатных, телевизионных и радиальных СМИ. Наше решение “по Тулееву” – реальная преграда на пути превращения российской части Интернета в “прачечную компромата”. Думаю, что гордиться этим все не грешно.

А.Б. Панкин

**“...ОБЩИЙ ПРИНЦИП ВСЕХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ХАРТИЙ:
НЕ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ТЕБЯ РЕГУЛИРОВАЛО ГОСУДАРСТВО, РЕГУЛИРУЙ СЕБЯ САМ”**

АВТОРЫ ПРОЕКТА попросили меня высказать свое отношение к одному из суждений по поводу судьбы Хартии телерадиовещателей. Речь идет о том, что после торжественного подписания Хартии никто из телевизионщиков не смог точно объяснить, в чем ее значимость.

Каким может быть мой комментарий? Прежде всего отмечу, что это наблюдение имеет реальные основания. Далее, есть два разных способа принятия этических деклараций, принципов, кодексов. Например, сравнительно недавно большую акцию провел Союз журналистов в Ижевске. Там было принято какое-то письмо, или свод этических принципов поведения. Вся процедура – голосование. Полагаю, что это несерьезно. Под любыми этическими нормами надо ставить имя – личности или организации.

Телевизионщики же над своей Хартией НАТ работали много, у них было несколько вариантов. Да, с каждым разом положения Хартии становились более обтекаемыми, но для меня долгий процесс работы над этим документом, по крайней мере, признак серьезного отношения: иначе просто проголосовали бы "за" и все. А раз Хартия была подписана, да еще серьезными личностями, значит, было намерение ее соблюдать. Тем более, что к такой серьезности подталкивал момент страха – всех напугал думский законопроект о Высшем совете по нравственности. То, что одним из мотивов подписания Хартии был страх, это нормально.

Общий принцип всех демократических хартий – саморегулирование. Не хочешь, чтобы тебя регулировало государство, регулируй себя сам. Мы не знаем, возникла бы эта Хартия, если бы не было угрозы. Что сейчас говорить в сослагательном наклонении? Поэтому я считаю, что подписание Хартии НАТ – здоровая и нормальная реакция вещательного сообщества на угрозу вмешательства со стороны.

Да, подписывали Хартию руководители компаний, а не отдельные журналисты. Допускаю, что ни на одном канале, ни в одной из вещательных организаций Хартия предварительно не обсуждалась. Но это и не обязательно. Подписывало – руководство канала, лицо, уполномоченное принимать решения. А если брать следующий шаг, то это лицо должно включать положения Хартии в контракт как составную часть. Не “внедрять”, а просто сказать: это часть контракта, подписывая его, ты одновременно подписываешься под Хартией. Еще раз: это Хартия *руководителей*, принимаемая менеджментом. Журналисты могут принимать свои хартии.

АВТОРЫ проекта просят меня также прокомментировать суждение телекритика, скептически относящегося к созданию Хартии НАТ: что, мол, для того чтобы хорошо себя вести в телеэфире, надо, оказывается, подписать специальную хартию? Зачем нужно создавать хартии, которые регулируют то, что каждый человек делает без всяких хартий?

Я не разделяю такого скепсиса. Понятие “хорошо вести себя”, вообще категории “хорошо” и “плохо” – весьма растяжимы. Для меня любые попытки вещателей, любого профессионального сообщества, регулировать свою деятельность на основе совместно согласованных и публично объявленных пониманий и трактовок просто не подлежат сомнению.

Для правильного развития сообщества в нем должно культивироваться чувство стыда. Если уважаемые в этой профессии люди говорят, что ты ведешь себя не правильно, то, чтобы не чувствовать себя изгоем, ты должен скорректировать свое поведение в соответствии с согласованными нормами.

В самой Хартии предполагается некий Общественный совет, такая авторитетная институция, которая призвана выносить моральные оценки. Поэтому заложенная в Хартию идея профессионально-этического саморегулирования не кажется мне предметом для иронии.

Другое дело, что сейчас эта Хартия действительно выродилась в бумажку. По одной простой причине – ни среди “заказчиков музыки”, ни среди подавляющего числа “музыкантов” не проявился интереса к соблюдению этических норм. Потому и не был сформирован *механизм применения*.

Сегодня ясно, что раз он не был создан, то потенциал этического регулирования (который мог бы сыграть роль самоограничения телекомпаний, например, во время парламентских выборов), заложенный в Хартию, действительно как бы провалился. Что будет дальше, бог его знает. Сейчас этого никто не скажет.

В ТО ЖЕ ВРЕМЯ я отреагировал на идею ФЗГ и ЦПЭ, разработавших модель Гражданского консультативного совета по этике для НАТ. После беседы с авторами этой модели, осенью прошлого года, я предложил меморандум “О самозванном инициативном Общественном вещательном совете”. Вот его текст.

Хартия телерадиовещателей предусматривает создание Общественного вещательного совета. На сегодняшний день, насколько известно, никаких практических действий по его формированию предпринято не было. Более того, в самой телевизионной среде царит едино-

душный скептицизм относительно перспектив соблюдения положений Хартии в предвыборный период.

В то же время, чуть ли не ежедневно в информационных и информационно-аналитических передачах случаются нарушения не просто профессионально-этических норм, но и норм элементарной бытовой порядочности. В какой-то форме эта ситуация должна получить оценку со стороны самого вещательного сообщества.

Отсюда идея инициативного Общественного вещательного совета.

Мандат. Оценка соблюдения Хартии телерадиовещателей, этического кодекса, который подписали, т.е. добровольно признали над собой “юрисдикцию”, несколько десятков центральных и региональных телекомпаний, а также ведущих профессиональных объединений вещателей.

Состав Совета. Лица, обладающие бесспорным профессиональным и моральным авторитетом в вещательном сообществе, либо признанные специалисты по вопросам, которые трактует Хартия. В данном случае “давление авторитета” представляется единственным способом, позволяющим преодолеть “самозванность”, самоназначенность Совета, а также избежать чрезмерной зарегламентированности его деятельности.

Иными словами, честное имя, незапятнанная репутация и высокий профессионализм – суть самодостаточное обоснование создания Совета и весомости его оценок.

Было бы хорошо, если бы инициативный Совет был признан в какой-то форме Министерством печати (что достаточно вероятно) и ведущими ассоциациями – НАТ, РАРТ (что менее вероятно).

Персоналии. ...

Адресность. В нынешних условиях, по всей видимости, “вердикты” Совета должны быть адресованы прежде всего самому вещательному сообществу, а не широкой общественности в целом. Последняя есть, во-первых, вещь в себе, во-вторых, для нее труднее подобрать бесспорных авторитетов, чем для более узкой профессиональной группы.

Формы работы. (1) Своего рода “этический аудит”, т.е. просмотр программ избранного канала и его “сертификация” на соответствие Хартии по “заявке” канала. (2) Оценка тех или иных программ или передач по выбору самого Совета. (3) Оценка по запросу со стороны.

Результаты обнародуются через СМИ, представляются в Минпечати, ведущим ассоциациям, подписантам Хартии.

МОЖНО ЛИ сказать, что участие подписантов Хартии в информационных войнах говорит о том, что такого типа документы саморегулирования в принципе не эффективны?

Во-первых, стоит учесть замечание А.Лысенко. В интервью для “Среды” он сказал, что Хартию подписывали, по его мнению, честные и порядочные люди. Но они генеральные директора каналов, а на самом деле на каналах все решают владельцы, которые ничего не подписывали. Это похоже на ситуацию, как если бы собрались лондонские дворецкие и написали правила поведения для джентльменов, посещающих клуб. Это гениально сказано. Хотя я не очень представляю себе, как порядочного человека можно заставить поступить против совести – всегда есть возможность отставки.

Во-вторых, сейчас все уже настолько, строго говоря, “замазаны”, что вряд ли удастся что-то позитивное сделать. Казалось бы, никто не отозвал свою подпись под Хартией? Не отозвали, потому что это неприлично. Но мне кажется, на сегодняшний день этот документ уже не живой. У меня такое ощущение, что сообщество полностью деморализовано.

А.К. Симонов

“...ЛЮБАЯ СТАТЬЯ КОДЕКСА - ЭТО ОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ПРОТЯНУЛИ ДРУГ ДРУГУ РУКИ”

НАЧНУ с “анамнеза”. Когда Фонд защиты гласности и Центр прикладной этики начали свой первый совместный проект по вопросам журналистской этики – больше пяти лет назад, – была надежда, что этот проект, в конечном счете, приведет нас к пониманию практикуемых отечественными СМИ корпоративных правил игры и даже духа корпорации. Тогда у нас было ощущение реального существования пусть раздерганной, несовершенной, не очень хорошо себя осознающей, но все-таки – корпорации. Ведь на самом деле любая статья кодекса – это определенное количество людей, которые протянули друг другу руки и договорились, что эти принципы и нормы им всем подходят.

Мы надеялись, что дух корпоративности в перспективе будет характеризовать любые журналистские структуры – союзы, ассоциации, редакции и т.д. Но затем пошла очень активная поляризация интересов. Когда мы решили предпринять второй проект, обнаружилось, что очень трудно

найти людей, которые реально готовы были говорить о духе корпорации применительно к масштабам всего сообщества. Хотя в то время еще вполне реально было представить себе, что ячейкой такого кодекса может быть отдельная редакция или отдельная компания. Самые последние события наглядно доказали, что, например, подписание Хартии НАТ оказалось просто сиюминутной акцией для поддержания собственной безопасности вещателей.

Сегодня журналистское сообщество фактически атомизировалось: оно уже не только развалилось на молекулы отдельных средств массовой информации, но и внутри отдельных СМИ некий единый подход к профессии, который, так или иначе, фиксируется кодексом, реально не возможен. Правда, в разных редакциях по-прежнему существует достаточное количество приличных людей, способных найти общую для них нравственную составляющую профессии и договориться до каких-то простых истин. Однако это возможно лишь посредством выдергивания атомов, еще оставшихся здоровыми, из их среды и соединения в совершенно ином, не свойственном нашему менталитету и традициям нашей жизни, сообществе.

Мы привыкли объединяться либо в условиях прессинга, либо в условиях инициативы извне. Единственный шанс на объединение журналистов сегодня – если говорить о естественном, а не в той или иной мере насильственном создании условий самосуществования, самовывживания сообщества, саморегуляции (на самом деле сегодня вопрос саморегуляции – это и есть вопрос самовывживания) – в том, о чем спел Окуджава: “Возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке”. Причем в буквальном смысле этого слова. Каждый решает вопрос только собственного бытия, собственного профессионального достоинства, собственного представления о профессии и в большинстве своем не имеет ни времени, ни сил, ни желания – в Москве это точно, в провинции в меньшей степени – искать себе подобных для того, чтобы в этом убедиться. Большинство знает, что себе подобные существуют. В принципе, внутри сообщества существует некий негласный кодекс рукопожатности-нерукопожатности, но он совершенно не структурирован, а в основном базируется на интуитивном ощущении свой-чужой,

Итак, по сравнению с временами первого проекта, мы можем наблюдать историю регресса проблемы журналистской этики. Катастрофа? Для любой страны это было бы очень плохо, но поскольку мы с вами живем в стране парадоксов, то никто не может поручиться, что сегодня вдруг эта проблема не станет вновь значимой для России, потому что, как известно, нам надо сначала отступить до Москвы, чтобы собраться с силами.

Сейчас у меня такое ощущение, что в вопросах журналистской этики мы уже “отступили за Москву”, продемонстрировали неспособность сформировать эффективный кодекс на общекорпоративном уровне – это относится и к кодексу Союза журналистов, и к Хартии НАТ, и, к сожалению, к Московской хартии журналистов. Это относится и к потенциалу региональных союзов журналистов. Мой недавний визит в Нижний Новгород, в город, как мне казалось, внутренне предрасположенный к новациям, где я худо-бедно 5 лет тому назад предпринял попытку ввести некий орган саморегулирования СМИ, привел меня в достаточно драматическое настроение. За все время работы семинара не было практически ни одного вопроса, по которому мы могли бы добиться более или менее внятного консенсуса присутствующих, даже на уровне самых элементарных вещей.

Для меня, например, высочайшим достижением профессиональной этики была бы договоренность журналистов о том, что все средства массовой информации будут вместе отстаивать их общее право на доступ к информации. Если кому-то вопреки закону отказали в праве на аккредитацию, все сообщество объявляет отказавшей организации мораторий. Вещь простая, внятная, не сложная. Но даже об этом участники семинара не могли договориться. У каждого средства массовой информации, у каждого сидящего на семинаре журналиста уже возникли определенные связи с аккредитующими органами, которые могут быть нарушены в случае, если он проявит элемент солидарности со своим коллегой. Во имя общих достижений он не готов пожертвовать своими маленькими достижениями. Он не верит в добрую волю своих коллег по потенциальному договору, вот в чем дело.

В свое время премьер Черномырдин собирался ввести дополнительный налог на бумагу, который мог буквально погубить финансовую сторону выживания всех газет. Собрался Клуб главных редакторов и все договорились, что если завтра, во время визита к Черномырдину, решение об отмене этого налога не будет принято, то все газеты не выходят. С горящими глазами решили быть единомышленными. Но тут же встала Полежаева, тогда главный редактор “Российской газеты”, и заявила, что она полностью разделяет пафос нашего решения, но ее газета принадлежит государству и она не может действовать, как все. Потом поднялся редактор “Красной Звезды” и сказал, что морально всех полностью поддерживает, но сам уклоняется от общего решения, ибо армейское начальство такого не одобрит. Третьим встал Сергей Кожеуров, в то время редактор “Новой газеты”: “Мы полностью вас поддерживаем, но мы – газета не политическая и поэтому будем осваивать ход вашего бойкота”.

Каждый из остальных редакторов – тридцать семь из сорока – вместо того чтобы скрепить решение 37-ю подписями, сослался на тех трех, которые отказались. Беда не в том, что мы не мо-

жем набрать нужное количество голосов, а в том, что мы постоянно будем думать не о тех, кто подписал, а о тех, кто не подписал. А поскольку таковые всегда будут, они служат оправданием нашего безразличия к собственной, но коллективной судьбе.

Да, каждый, в конечном счете, имеет право на свою версию профессиональной этики. И я даже думаю, что есть большое количество людей, которые об этом вполне серьезно думают. Не так, чтобы каждый божий день и большая часть – на интуитивном уровне, но иногда и формулируя. Многие считают, что для чистой совести журналиста достаточно высокого уровня профессионализма, хорошей профессиональной репутации, что от всех моральных проблем их оберегает личное профессиональное мастерство. Не захочет такой человек работать в этой газете – и не будет: не сомневается, что его возьмут в другую газету. И на самом деле в большинстве случаев – так и есть. Тем более, что журналистика перестала быть только хлебом. Журналистика еще и “стремлянка”: в конце концов, можно уйти в пресс-секретари или пересидеть в каком-нибудь банке. Возможность выбора есть.

Но в этом есть и угроза распада сообщества – все ослабляющаяся и ослабляющаяся мотивация к солидарности.

Может быть, речь идет о том, чтобы изменить стратегию саморегулирования. Сегодня проблема реальной выживаемости СМИ связана с вопросами правовыми. Не этика связана с правовыми вопросами, а именно вопрос выживаемости. Например, один из моих коллег, в Вятке, прислал заявку на проведение регионального Совета по рекламе. Предварительно он собирается провести несколько семинаров с участием антимонопольного министерства, чтобы сформулировать правовые правила игры, на основе которых можно было бы выработать определенные принципы работы Совета по рекламе, в том числе и этические правила рекламы – правовые и этические аспекты здесь, как и во всех других областях журналистики, “ходят” рядом.

Может быть, в идее такого Совета есть рациональное зерно: не в создании некоего органа, уполномоченного на все, а в создании маленьких регулирующих центров, смысл которых внятен, достаточно однозначен, а деятельность будет наглядно практична. Может быть, здесь тот “коreshok”, из которого можно выращивать институт саморегулирования СМИ.

АВТОРЫ ПРОЕКТА предложили мне отнестись к нескольким моделям миссии журналистской корпорации с точки зрения предпочтительности какой-либо из них как ориентира и базы для активизации саморегулирования “цеха”. Деятельность СМИ в качестве “приводного ремня”, “четвертой власти”, информационного источника и т.д. Сегодня я бы акцентировал только одну версию. Если вы согласны, что журналистика – не самоценное понятие, если вы согласны с тем, что журналистика – это служение интересам общества, мы можем о чем-то договориться. Если же вы считаете, что журналистика – некая отдельная миссия вне гражданского общества, вне ярко выраженного общественного интереса, то я лично на объединение вокруг такой версии не буду тратить ни сил, ни времени. Сам выбор миссии служения обществу снимает вопрос как о “четвертой власти”, так и о “приводном ремне” и оставляет выявление общественного интереса, формирование этого интереса, “пробивание”, лоббирование его... Здесь много составляющих.

Но кто примет такую миссию? Две недели тому назад я участвовал в “круглом столе” на радио “Свобода”. Участвовали Алик Бачан, Дима Муратов, Виктор Лошак, с которыми у меня давние очень дружественные отношения, Савик Шустер, Петр Вайль... Мы говорили о свободе слова. И мои слова о миссии общественного служения СМИ они просто не слышат. Например, Дима говорит, что до тех пор, пока у них есть малейшая возможность, они будут выполнять свою миссию, которую на себя взяли: говорить правду в глаза власти предрержащим. И поскольку тираж у них растет, это свидетельство того, что их миссия сформулирована правильно.

Но является ли это служением общественному, именно общественному, интересу? Да, в каждом выпуске “Новой газеты” почти все в той или иной степени интересно. Тем не менее, газета часто посвящена своим собственным разборкам с теми или иными институтами власти, персоналиями власти и т.д. и т.п. В какой-то момент они забывают про то, что это скорее групповой интерес или интерес конкретного СМИ. И у меня есть ощущение, что там иногда больше гонора, чем общественного интереса. Потому что про общественный интерес уже забыли. Даже “Новая газета”, еще раз повторяю, одна из самых интересных газет, в основном посвящена проблемам власти, а не проблемам общества.

Газета говорит: мы и дальше будем существовать в этой системе координат, мы выбрали этот объект потому, что к этому был реальный общественный интерес. Но когда в течение длительного времени *не срабатывают институты гражданского общества*, которые должны усилить резонанс от публикаций газеты и действительно сделать из них некий общественный вывод, то газету невольно подталкивают к состязанию с “героями” публикаций. Доказать – не доказать. Поймать – вытащить и т.д. и т.п.

Если не подрастет подлесок, то одиноко стоящие деревья леса не сделают. В конечном счете, их элементарно спилят. Спилят “Новую газету”. И сообщество не будет в силах этому помешать, потому что опираться “Новой газете”, кроме как на своих друзей, будет не на кого. Может

быть, 10 тысяч читателей возмутятся и напишут письма о том, что их лишили “Новой газеты”. Казалось бы, если 10 тысяч человек написали такие письма, то в государстве должна возникнуть паника: целых 10 тысяч людей против того, чтобы закрыть газету! Но нет механизма реакции на эти письма, никто не пытается его создать, в том числе и “Новая газета”. А создать его без участия средств массовой информации невозможно.

Грубо говоря, мы сейчас пожинаем плоды того, что с самого начала выбрали для себя миссию “четвертой власти”, вместо более скромной, но куда более важной миссии создания институтов гражданского общества, которые поддерживали бы наши идеи.

АВТОРЫ ПРОЕКТА предлагают поучаствовать в дискуссии о том, что важнее для содержания кодекса: тема журналиста как субъекта тотального морального выбора или тема *минимального* стандарта профессионального поведения? Я предпочитаю второй подход. Почему?

Для того чтобы создать перечень *высоких* требований, ничего не надо делать, кроме как дополнительно издать тиражом в 10 тысяч собранный Ю.Казачковым пакет кодексов журналистских сообществ всего мира, книгу, уже изданную нашим ФЗГ. Здесь каждый найдет перечень высоких требований к журналисту. Но трудности начинаются тогда, когда сообществу предстоит *договориться* о единодушном признании неких нравственных требований. Например, в рамках деятельности этических комиссий. Единственный способ сегодня задействовать некую этическую комиссию – это возможность договориться о вещах очевидно *простых*. Только тогда решение комиссии может быть в достаточной степени мотивированным и однозначным. Для работы комиссии на уровне высоких моральных норм нужны высокие авторитеты, а в сегодняшней журналистике их нет.

При этом важно учесть, что этический кодекс может существовать только для тех, кто признал его над собой. То есть на самом деле желание некоего сообщества отделить овец от козлиц, чистых – от нечистых практически не выполнимо по причине того, что кодекс подпишут только “чистые”. “Нечистые” могут его не подписать и, следовательно, он будет не властен над ними. Что делать? Тем более, если в одной и той же редакции окажутся и те, кто подписал кодекс, и те, кто его не подписал.

Один из выходов – создание особого рода сообществ, ассоциаций, в которые войдут только те, кто подписывает кодекс. Например, Гильдия судебных репортеров, в которую входят лишь те, кто признал ее кодекс, своеобразный этический стандарт. Их, по-моему, сегодня в гильдии всего человек 35. Но это марка. Например, такой журналист приходит к судье: вот, пожалуйста, мои “корочки” – я член Гильдии судебных репортеров. И судья уже знает, что это человек, с которым можно, по крайней мере безопасно, разговаривать: он не перевернет твои слова и потому с ним можно иметь дело. Тем более, что гильдия учреждена с помощью Верховного суда и Арбитражного суда, а в ее уставе сказано, что вся гильдия своим авторитетом отвечает за каждого своего члена. Вот такого рода сообщества и надо создавать.

Сейчас начали публиковаться расследования, которые сопровождаются такой “шапкой”: «Сделано в соответствии с программой “Чистые перья”». Это означает, что сама тема расследования прошла экспертизу, что расследование содержит ссылки на несколько источников информации, что факты перепроверены. Кроме того, перед публикацией ее “фигуранту” было предложено прокомментировать факты, содержащиеся в расследовании. Уже опубликовано три или четыре расследования под этой “шапкой”. Вероятно, в этом направлении можно создавать и другие сообщества, гильдии.

Возвращаясь к теме этической комиссии, отмечу, что при наличии т.н. “минимального стандарта”, оговоренного на полторах страницах, сообществу, пока оно не велико, даже нет необходимости создавать специальную этическую комиссию. Так, в “Чистых перьях” существует Попечительский совет (в этот совет вхожу и я), который утверждает тему расследования. Кроме того, есть Совет экспертов, который действительно в состоянии профессионально оценить корректность поставленной задачи и реальную возможность выполнить ее именно “чистым пером”. В итоге работают сразу две экспертизы, и потому можно быть уверенным, что предлагаемая публикация – не “слив”, не попытка одного ведомства разделаться с другим ведомством с помощью той или иной информации, выданной журналисту.

Традиционно принято создавать масштабные объединения, ассоциации – хотя бы городской союз журналистов, лучше – областной. А здесь речь идет о другом. “Молекула” не обязательно должна быть в виде отдельной редакции.

Хотя, вообще говоря, это идеальный вариант, и в принципе я могу себе представить даже такую парадоксальную вещь, когда основная группа журналистов, работающих в редакции, приходит к главному редактору и говорит: «С коллегой N работать больше не будем. Не потому что он нарушил наши правила, ибо он их и не подписывал. Но он “не рукопожатен”. И мы не хотим видеть его в редакционных коридорах». В принципе такой процесс самоочищения я бы, например, приветствовал. Но, зная нашу жизнь, я допускаю, что это может обернуться преследованием за инакомыслие.

Каждый раз, изобретая новации, держишь сам себя двумя руками: только ты что-то сформулировал, как это обернулось негативной стороной. Я много раз говорил: для того, чтобы иметь авторитеты, давайте попробуем их для начала “назначить”.

В свое время мы с Михаилом Федотовым решали вопрос: давать ли “пиратствующим” телекомпаниям лицензии, где черным по белому написано о том, что получившая их компания использует только лицензированный продукт. И мы решили давать им хоть что-то, чтобы они боялись, что у них что-нибудь отнимут. И дали.

Не прошло и года, как эти, получившие лицензию, люди стали собираться вместе и решать: как им избавиться от не лицензированного продукта, потому что это стало не просто абстрактной идеей, а вопросом жизни и смерти компаний.

К чему у это вспомнил? Давайте представим себе, что никто у нас не свят. И мы не будем никого назначать святыми. Просто поверим людям – на три месяца, на полгода, что они честные. И знаете, вполне может получиться позитивный результат.

А если говорить о полномасштабной этической комиссии, то одну из возможных ее моделей – для НАТ – совместно разработали ФЗГ и ЦПЭ и, как я знаю, тюменское сообщество журналистов собирается ее “примерить” на себя.

М. Слоним

“...НОРМЫ МОСКОВСКОЙ ХАРТИИ - ЭТО ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ЖУРНАЛИСТИКИ”

АНАЛИЗИРУЯ свой опыт контактов с различными кодексами, хартиями, конвенциями с точки зрения их необходимости и эффективности, начну с того, что я сталкивалась с разными кодексами. Например, когда я работала на Би-Би-Си, там действовал, кодекс “Продюсера Би-Би-Си”. В нем были выстроены совершенно четкие требования к человеку, который занимает ответственное положение – продюсер, редактор. Это была своеобразная “Библия” профессионализма Би-Би-Си, система недопустимых поступков. И не пожеланий, а требований.

Правда, освоение кодекса идет скорее неформально. К тому времени, как ты проработал там лет пять – десять, эти требования уже у тебя в крови и тебе не нужно специально смотреть в кодекс, ты просто реагируешь на ситуацию так, как он предписывает. И даже если ты его не читал – ни одной страницы, – эти требования ты открываешь для себя в самом процессе работы в корпорации.

Другая моя встреча с кодексами, теперь уже через процесс создания конкретного текста – составление нашей хартии, Московской хартии журналистов. Мы, конечно, пользовались международным опытом, смотрели Хартию международной конфедерации журналистов и другие тексты. Взяли какие-то устоявшиеся табу, записанные в международных кодексах, типа “журналист не может брать в руки оружие”, “журналист не может занимать ту или иную сторону в конфликте” и прочее. В целом же нормы Московской хартии – это, что называется, здравый смысл журналистики. Собрались люди, поначалу нас было человек 26-27. Кого-то не устроили жесткие пункты – неучастие, например, в политических партиях, движениях. Я помню, Лев Тимофеев отсекся по этой причине.

Итак, я обсуждаю чисто личный опыт работы с этическими кодексами. Обсуждать другие кодексы не берусь: бессмысленно читать их с абстрактной целью, если ты внутренне не готов принять их в своей жизни. Любопытства ради?

В то же время я знаю, что руководитель радиостанции “Эхо Москвы” Алексей Венедиктов, один из подписантов нашей Хартии, при приеме журналистов на работу дает новичкам ознакомиться с ней и предлагает ее подписать. И люди подписывают – только на этом условии Венедиктов берет их на работу. Не формальная ли это процедура, работает ли она? Если ты не согласен с Хартией и потому ее нарушаешь, то зачем подписывал? Поэтому: нарушаешь – вылетаешь с работы.

Не исчезла ли Московская хартия из жизни профессионального сообщества? Нет. Мы собираемся. Но в какой-то момент действительно было очень тяжело, хотя никто из нас формально не нарушал статей нашей хартии. Но когда начались информационные войны, многие из нас вдруг почувствовали, что не полностью отвечают за себя, что над ними есть нечто – конфликты между разными хозяевами. Мне-то как раз повезло, потому что у меня не было никаких таких проблем и конфликтов. Но в Хартии одно время было напряжение в отношениях, хотя мы продолжали встречаться. Напряжение почти на личном уровне: вдруг оказалось, что мы пусть и не по разные стороны баррикады, но все же принадлежим к разным империям, скажем, Березовского и Гусинского... Это естественно – мы все наемные работники.

Помогла ли в этом случае Хартия? Чем? Тем, что в любом случае ты все равно остаешься профессионалом, все равно стараешься следовать профессиональным принципам. Мне кажется, мы не изменили принципам Хартии. Для тех, кто оказались в этом тяжелом положении, выбора

просто не было. Ну какой здесь выбор: работать в одной империи или в другой? И та, и другая накладывают какой-то отпечаток на то, как ты работаешь, насколько свободно тебе работать. Я наблюдала своих друзей, и, по-моему, профессиональных срывов не было.

Конечно, на душе человека, который подписал некую хартию и вдруг обнаружил, что способ его существования в той или иной медиаимперии противоречит нормам хартии, может возникнуть смута: ведь он живой человек, он не может позволить себе потерять работу. И нередко он идет на компромиссы, уступки. Как-то себя убеждает, что на самом деле не очень далеко отходит от принципов профессионализма, что у него другого выхода, кроме компромисса, просто нет.

У нас в Московской хартии недавно был не очень приятный случай (пока мы его среди своих членов не обсуждали) – в связи с делом Бабицкого. Один из членов Хартии, подписав открытое письмо в защиту Бабицкого, которое мы все подписали (плюс другие журналисты), чуть ли не одновременно написал статью о деле Бабицкого для своего издания. Мерзейшую статью. Что у него происходило в душе, когда он написал эту статью, не знаю.. Я созвонилась с друзьями и мы решили, не устраивая никаких собраний, просто как бы вычеркнуть из наших списков этого человека. И все.

МОГУТ ЛИ подкрепить действие разного рода хартий такие не формальные структуры, как этические комитеты, жюри и т.д.? Во-первых, они скорее формальные, мне кажется. Во-вторых, – абсолютно бесполезные. Ведь мы все читали эту чудную хартию НАТ. Ну и что? Те самые руководители, подписывая ее, признавались в том, что она невыполнима. Московская хартия отличается тем, что она менее амбициозна – требования ее, по-моему, вполне разумные и нормальные, каждый отвечает лишь за себя. Когда ответственность персональная, проще разбираться. С Хартией НАТ иная ситуация. Ну как Сагалаев может отвечать за все телевидение?

А с другой стороны, может быть, она и должна существовать, даже если ее сразу же стали нарушать? Как заповеди, да? Ты же не все заповеди выполняешь, но ты знаешь, когда грешишь, что делаешь не так, как надо. Может быть, и Хартия НАТ тоже должна существовать, чтобы иметь какую-то планку поведения и знать, насколько ты удалился от идеала.

Авторы проекта предлагают представить такую ситуация, когда меня пригласили поработать в некоем этическом комитете, например, при той же Хартии НАТ. И спрашивают: приемлема ли для меня работа такого типа? То есть быть судьей своих коллег (ибо я воспринимаю такие комитеты как суд)? Нет, не приемлема!

Мне кажется, каждый из членов Хартии должен отвечать сам за себя. В этом смысл таких объединений, как, например, Московская хартия. Пусть даже А.Венедиктов решил, что эту хартию должны подписывать его сотрудники. Возможно, она наилучшим образом годится именно для журналистов, которые работают в информации. Ради бога, это его решение. И, наверное, это создает какую-то четкость в работе. Но, мне кажется, никакие суды в виде “больших жюри” – мы видели, что было сделано с Доренко, – и неэффективны, и недопустимы. Зачем одним профессионалам оценивать других профессионалов, если на самом деле твои поступки – дело твоей совести.

Да, в западном опыте журналистики есть разного рода жюри, комитеты. Например, в Англии, когда папарацци совершенно распустились, был создан комитет, который рассматривает жалобы на прессу. Значит ли это, что члены такого комитета позволяют себе быть судьями? Не знаю. Вероятно, такое возможно при каких-то вопиющих случаях.

Авторы проекта привели мне, в качестве материала для размышлений, такой сформулированный специалистами по этике парадокс: люди высокодостойные настолько скромны, что не позволяют себе судить других, а позволяют себе судить других те, кто сам не без греха. Действительно, рассуждая об этических комитетах, надо всегда спрашивать: а судьи кто? Я помню прекрасно некое громкое открытое письмо Союза журналистов Москвы, в котором его авторы – после очередного скандала в связи с компроматом – клялись, божились и призывали к тому, чтобы никогда не печатать компроматов, не показывать такого рода сюжетов по телевидению. Первым подписавшим был, по-моему, Павел Гусев. И что? “Московский комсомолец” и другие издания перестали этим заниматься?

ОТКУДА берутся новые кодексы, хартии и другие институты саморегуляции “цеха”, кто и как их создает? В процессе извлечения рациональных зерен из международных кодексов или из анализа опыта того сообщества, которое решило создать свой этический документ?

Я думаю, срабатывает и то, и другое. Не надо изобретать велосипед, нужно ознакомиться с мировым опытом, с опытом стран, где демократия и свобода прессы существуют давно. С другой стороны, конечно, определенная специфика есть и в нашей ситуации. У нас все-таки существуют государственные СМИ, и в таких условиях трудно прибегать к общепринятым на Западе принципам. Иначе журналист начинает разрываться между своими профессиональными принципами и тем, что диктуют ему государственные средства информации.

Что касается СМИ, у которых есть частный владелец, то такой человек, я думаю, все-таки руководствуется здравым смыслом. Частный владелец в любой стране (может быть, к России это пока еще не полностью относится) в первую очередь заинтересован в том, чтобы его газета про-

давалась, телевидение смотрелось. Поэтому частный владелец должен быть заинтересован в том, чтобы на него работали именно журналисты-профессионалы. Частный владелец не играет в политические игры в такой степени, в какой, к сожалению, это делается в российских государственных СМИ. Так что легче, я думаю, все-таки работать на частного владельца, там больше здравого смысла.

ПОЧЕМУ мы не пропагандируем опыт Московской хартии, почему не убеждаем других в ее значимости? Возможно, с самого начала и надо было погромче говорить о ней. А сейчас? Например, члены Хартии, почти без исключения, подписали письмо в защиту Бабицкого. И что, выходить на демонстрации? Устраивать лекции?

Анализируем ли мы всем коллективом наш опыт: что удастся, что не удастся? Мы встречаемся. Но не делаем отчетных докладов. Скорее, “сверяем часы”. Как-то так получилось, что собрались люди, которые друг друга понимали и понимают. Поэтому нам не нужно заниматься самоанализом, обсуждать, что получилось, а это не получилось. Мы подписались под принципами, которые разделяли. Принципы выжили. Если посмотреть список наших людей, то, за небольшим исключением, мне не стыдно ни за кого из них.

М. А. Федотов

“...ЦЕЛЬ БОЛЬШОГО ЖЮРИ - УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТАКТА И ПОПЫТКА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ, А НЕ ОСУЖДЕНИЕ”

ОСОБЕННОСТИ деятельности Большого жюри Союза журналистов России можно понять хотя бы через опыт создания Хартии НАТ. Эта Хартия создавалась по инициативе ФСТР как средство утихомирить отношения телеканалов, в каком-то смысле прибрать их к рукам, навести порядок. С точки зрения наведения порядка идея правильная, я готов приветствовать создание этой Хартии. Лучше мы сами наведем порядок в своем доме, чем кто-то со стороны.

Но важно учесть один момент: почему Хартию после долгих обсуждений все же удалось подписать? По одной простой причине – они вывели за рамки обсуждения вопрос о том, кто будет следить за реализацией Хартии. Просто написали, что за ее исполнением будет наблюдать Общественный совет по вещанию, сформированный участниками Хартии, на основании регламента, который Совет выработает впоследствии.

Где этот Совет? Его нет. И появится он, подозреваю, не скоро, по той простой причине, что создание механизма для соблюдения Хартии будет проходить с гораздо большим сопротивлением, чем создание текста самой Хартии. Но без этого механизма Хартия – лишь благие пожелания.

Очевидно, что каждый вещатель будет стараться сохранить свою независимость от других вещателей, от Общественного совета, тем более что каждый будет абсолютно уверен в том, что Совет станет *чьим-то* механизмом, окажется *в чьих-то* руках.

БОЛЬШОЕ ЖЮРИ в своем Положении записало, что в своей практике руководствуется, в первую очередь, международной Декларацией принципов поведения журналистов. Но при решении конкретных конфликтных ситуаций Большое жюри учитывает Кодекс профессиональной этики российского журналиста и другие кодексы и этические своды, которые сложились в работе регионов, отдельных местностей, а также в журналистских коллективах и организациях. То есть, если речь идет, например, о телекомпании НТВ, где есть свои Правила поведения журналистов, то, принимая решения Большого жюри по какой-то ситуации, связанной с этой телекомпанией, мы будем учитывать в том числе и их внутренний кодекс.

Поэтому, когда авторы проекта рассказывают мне об идее Тюменской этической конвенции, я считаю ее нормальной. Но сомневаюсь в целесообразности создания своего регионального этического комитета – вижу здесь лишь бессмысленное удвоение структуры.

Дело в том, что Большое жюри Союза журналистов России – это внутрикорпоративный орган профессиональной саморегуляции, рассчитанный на работу по всей стране. При этом конфликт, который имеет место, например, в Тюменской области, вовсе не обязательно должен рассматриваться в Москве. Если в Тюменской области нет возможности провести заседание Большого жюри, то оно может быть проведено в Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле и т.д., то есть там, где есть члены жюри, где может собраться его коллегия. Большое жюри не работает общим пленумом. Для разбора каждого конфликта как бы заново формируется коллегия *ad hoc*, которая правомочна при наличии не менее пяти членов Большого жюри. Поэтому одновременно, в один и тот же день и час может работать несколько коллегий: в Москве, Тюмени и в Саратове. Поэтому для разбора некоего тюменского конфликта не требуется, чтобы в Тюменской области жили пять членов Большого жюри. Вполне достаточно, чтобы в город съехались не менее пяти членов БЖ. Конечно, Союз журналистов России не может взять на себя финансирование подобных командировок. Значит нужно будет искать какой-то грант или предлагать тяжущимся сторонам в равных долях оплатить

все расходы. Короче, проблем возникает множество. И так придется поступать всякий раз, пока не будет создана Тюменская региональная коллегия Большого жюри.

Хотя в Положении о БЖ нет ни слова о региональных коллегиях, но мы уже дошли до понимания их необходимости. Они должны насчитывать не менее пяти членов жюри, иметь председателя и ответственного секретаря (им может быть кто-то из штатных работников регионального СЖ). Положение нисколько не препятствует созданию региональных коллегий. Кстати, в Тюменской области уже есть несколько членов Большого жюри. Так что пора формировать коллегия.

Методы работы нашего жюри можно рассмотреть на примере той ситуации, после которой распространилось мнение о неэффективности Хартии НАТ. Речь идет о программах С.Доренко, связанных с деятельностью Ю.Лужкова. Мы направили С.Доренко письмо с приложением всех необходимых материалов: состав Большого жюри, Положение о Большом жюри, Соглашение о признании юрисдикции Большого жюри.

В письме на имя Доренко говорилось, что в Большое жюри поступило письмо мэра Москвы Лужкова. Поставленный в письме московского градоначальника вопрос свидетельствует о наличии конфликтной ситуации, относящейся к компетенции Большого жюри Союза журналистов России. Мы проинформировали господина Лужкова, а также генерального директора ОАО К.Эрнста о своей готовности со всем подобающим вниманием рассмотреть данное обращение – в соответствии с принятой в Большом жюри процедурой – на заседании, которое состоится 19 ноября 1999 года. “Подчеркиваем желательность Вашего личного участия в разбирательстве данной конфликтной ситуации и имеем честь от имени Большого жюри пригласить Вас прибыть на заседание. Если Вы сочтете необходимым, чтобы от Вашего имени выступили также иные лица, то Большое жюри будет готово их выслушать. Для информации о правилах, которыми руководствуется Большое жюри в своей деятельности, направляем Вам соответствующий комплект материалов. Просим обратить особое внимание на Соглашение о поддержке Большого жюри, подписание которого является необходимым процедурным условием для признания сторон конфликта находящимися под защитой Большого жюри. С уважением, сопредседатели – Ненашев и Федотов”.

А теперь – текст нашего решения.

РЕШЕНИЕ БОЛЬШОГО ЖЮРИ Союза журналистов России

Москва, 19 ноября 1999 года

№ 6

Большое жюри Союза журналистов России на заседании коллегии в составе сопредседателей Большого жюри М.А.ФЕДОТОВА (председательствующий) и М.Ф.НЕНАШЕВА, а также членов Большого жюри Д.С.АВРААМОВА, Я.Н.ЗАСУРСКОГО, Л.А.ЗОЛОТАРЕВСКОГО, Ю.В.КАЗАКОВА, О.А.КУЧКИНОЙ, Г.В.ЛАЗУТИНОЙ, Д.Ф.МАМЛЕЕВА, Л.В.НИКИТИНСКОГО, А.З.РУБИНОВА, В.Н.РУДНЕВА, Ю.В.ФЕОФАНОВА

рассмотрело обращение мэра города Москвы Ю.М.ЛУЖКОВА по поводу содержания выпусков аналитических программ журналиста С.Л.ДОПЕНКО на канале ОАО “Общественное Российское телевидение” от 26 сентября, 3, 10 и 17 октября, 7 и 14 ноября 1999 года, порочащих, по мнению заявителя, его честь и достоинство и нарушающих общепризнанные правила журналистской профессии,

приняло к сведению согласие мэра города Москвы Ю.М.ЛУЖКОВА признать юрисдикцию Большого жюри в отношении как данной конфликтной ситуации, так и иных конфликтных ситуаций, предусмотренных мандатом Большого жюри,

с сожалением приняло к сведению отказ руководства ОАО “Общественное Российское телевидение” направить на заседание Большого жюри своих представителей,

выразило сожаление тем фактом, что журналист С.Л.ДОПЕНКО не ответил на приглашение Большого жюри принять участие в заседании, тем самым выразив неуважение к коллегам,

заслушало пояснения представителей мэра города Москвы Ю.М.ЛУЖКОВА, вице-премьера Правительства Москвы С.В.ЯСТРЖЕМБСКОГО и пресс-секретаря мэра города Москвы С.П.ЦОЯ, *заслушало мнение* Исполнительного директора Национальной ассоциации телерадиовещателей (НАТ) Е.А.ЗЛОТНИКОВОЙ,

изучило представленные участниками заседания документы и видеоматериалы, в том числе относящиеся к существу конфликта фрагменты выпусков телевизионных передач С.Л.ДОПЕНКО на канале ОАО “Общественное Российское телевидение” от 26 сентября, 3, 10 и 17 октября, 7 и 14 ноября 1999 года,

признало рассмотрение данной конфликтной ситуации соответствующим мандату Большого жюри *и приняло следующее решение:*

1. Констатировать, что ОАО “Общественное Российское телевидение” несет ответственность за содержание аналитических программ С.Л.ДОПЕНКО.

2. Констатировать, что в выпусках аналитической программы С.Л.ДОПЕНКО от 26 сентября, 3, 10 и 17 октября, 7 и 14 ноября 1999 года содержатся нарушения, в том числе грубые, норм про-

фессиональной этики и правил поведения журналистов, проявившиеся в первую очередь в следующем:

а) смешение информации и комментария, а также отождествление мнений и версий с установленными фактами (пункт 3 Кодекса профессиональной этики российского журналиста, раздел 1 Хартии телерадиовещателей);

б) выпуск в эфир компрометирующей информации без принятия должных мер к ее проверке с обращением к объекту критики (раздел 1 Хартии телерадиовещателей);

в) несоблюдение требования качественно равного изложения позиций обвинения и защиты (раздел 2 Хартии телерадиовещателей);

г) проведение информационной кампании по целенаправленной дискредитации граждан и организаций (раздел 4 Хартии телерадиовещателей);

д) нарушение основных положений Декларации принципов поведения журналистов, обязывающих оперировать только фактами, которые установлены журналистом лично, использовать только достойные методы получения информации и делать все возможное для исправления любой опубликованной информации в случае, если установлено, что она наносит урон искажением истины. Как закреплено в пункте 9 Декларации, “журналистом заслуживает называться лишь тот, кто в своей деятельности руководствуется вышеперечисленными принципами”.

3. Подчеркнуть – с учетом общественной потребности в обеспечении плюрализма и свободы выражения мнений, – что совершенно недопустимо какое-либо ограничение права журналистов собирать и распространять достоверную информацию о кандидатах на выборные должности.

4. Привлечь внимание Совета директоров и руководства ОАО “Общественное Российское телевидение” к необходимости уважать правила журналистского поведения и профессиональной этики.

5. Просить журналистское сообщество довести данное решение до сведения общественности.

Сопредседатели Большого жюри

Михаил НЕНАШЕВ

Михаил ФЕДОТОВ

Как нетрудно увидеть, наше решение в связи с обращением Ю.Лужкова по поводу содержания выпусков аналитических программ С.Доренко опиралось не только на нравственное чувство и профессиональное понимание того, что может и чего не может делать журналист. Мы опирались на международную Декларацию принципов поведения журналистов и на Хартию НАТ. Именно исходя из пункта 9 международной Декларации, мы заключили, что С.Доренко не может именоваться журналистом. Что значит “не может именоваться”? Что это за квалификация? Что это означает на практике?

На практике это означает, что когда, например, журналисту Юрию Феофанову говорят, что все журналисты – “доренки”, журналист Юрий Феофанов может сказать: “Простите, есть решение Большого жюри, что господин Доренко к нашей корпорации отношения не имеет”.

Мы его отлучили не от Союза журналистов, а от профессиональной корпорации, от “цеха”. Мы не осуждаем Доренко за его деятельность, мы говорим, что его деятельность – это не журналистика.

Как реагировал Доренко? В ближайших своих передачах – облил Большое жюри (а заодно и Союз журналистов России) помоями. Заявил, что игнорирует наше решение. Первая наша реакция была такой: уж мы ему ответим! И даже написали проект открытого письма. Но, в конце концов, не стали его обнародовать, ибо большинство членов жюри сочло нецелесообразным ввязываться в полемику с господином Доренко как не принадлежащим к нашему сообществу. Мы его не знаем и знать не желаем – принцип такой. А проект письма был построен на такой идеологии: “Коллега, мы тебя приглашали поговорить о правилах профессии как профессионалы с профессионалом. Ты не пришел. Ты почему-то счел, что мы какие-то не такие. Мы готовы тебя еще раз пригласить именно для того, чтобы поговорить о профессии. Потому что цель – это установление контакта и взаимопонимания, понять другого, а не осудить другого”.

Мне кажется, что результатом деятельности Большого жюри является не столько его решение, сколько контакт для установления диалога (если диалог устанавливается). В то же время результатом является освещение конфликта в СМИ, то есть, придание конфликту необходимой публичности.

Целесообразна ли публичность? Надо ли “выносить сор из избы”, делая достоянием получателей информации то, что происходит внутри “цеха”, профессии? Да, ибо это профессия открытая, а не закрытая. Кстати, в начале века в церковной прессе прошла большая дискуссия о том, можно ли предавать гласности внутрицерковные конфликты – ведь речь идет о священнослужителях! Единого мнения не достигли. А там и 1917-й подоспел, уравнив и тех, и других в праве на лагерную баланду.

Чтобы подобное не приключилось с коллегами-журналистами, важно взрастить Большое жюри как некий высший внутрицеховой авторитет, решения которого будут беспрекословно испол-

няться не только участниками рассматриваемых конфликтов, но и признаваться государством, уважаться гражданским обществом. Формальным выражением такого отношения является Соглашение о признании юрисдикции Большого жюри. Конечно, для жалобщика подписание Соглашения никакого труда не составляет. Уже самим обращением в Большое жюри он признает его юрисдикцию. Впрочем, случается, что люди, жалобы которых не получили удовлетворения, вдогонку принятому решению отказываются ему следовать.

Например, телекомпания “Совершенно секретно” обращалась в Большое жюри с жалобой на руководство ВГТРК, которое сняло с эфира его программу. Наше решение по жалобе было обоюдострым: в чем-то признали правоту ВГТРК, в чем-то – компании “Совершенно секретно”. Что может сделать жалобщик в такой ситуации? Раз он признал нашу юрисдикцию, значит, должен смириться с решением. Он не может уже сказать: плевал я на ваше Большое жюри, как это сказал Доренко, не подписавший Соглашения.

Жалобщик в данном случае был не очень доволен решением и достаточно резко выразил неудовольствие: мол, мы к вам обратились за помощью, а вы, вместо того чтобы нас поддержать, приняли вот такое решение. Но дело в том, что Большое жюри вообще никого не “поддерживает”, обе стороны конфликта находятся под его защитой. Обеим сторонам дается возможность выступить с пояснениями, представить свои аргументы, свидетелей.

При этом, если одна из сторон конфликта не подписывает Соглашение и тем самым игнорирует нас, Большое жюри имеет право рассмотреть вопрос при ее неготовности к диалогу. Например, в конфликте телекомпании “Совершенно секретно” и ВГТРК перед нами встал вопрос: следует ли рассматривать конфликт в отсутствие согласия ВГТРК признать нашу юрисдикцию? Некоторые члены жюри говорили: “Мы же третейский суд, а если сторона не признает его, то суд не рассматривает конфликт”. С одной стороны, это верно. С другой – если во всех ситуациях хотя бы одна из сторон конфликта не будет признавать нашу юрисдикцию, то Большое жюри как институция теряет смысл. Поэтому мы пришли к выводу, что можем и должны рассматривать конфликтные ситуации и в том случае, когда одна из сторон конфликта нас не признает. Просто мы апеллируем не к самой стороне, которая нас не признает, а либо к организации, с которой она ассоциирована и которая нас признает (например, в случае с ВГТРК мы пригласили Национальную ассоциацию телерадиовещателей выступить в качестве представителя своей членской организации в ходе рассмотрения конфликта), либо апеллируем к общественности, позиция которой способна создать отрицательную нравственную атмосферу для нарушителя норм профессиональной этики.

И все же самое главное заключается в том, что Большое жюри создано совсем не для того, чтобы рассматривать споры Доренко и Лужкова, ВГТРК и “Совершенно секретно” и т.д. В первую очередь оно создано для того, чтобы рассмотреть жалобы пенсионера Н. на редакцию газеты “Н-ские новости”, в которой про этого пенсионера написано, что он при оформлении пенсии приписал себе два года трудового стажа. Дело мелкое, не имеющее большого общественного звучания, но касающееся конкретного человека и затрагивающее его права, его честь, достоинство. Конечно, пенсионер Н. может обратиться в суд. Но если он обращается в суд, то должен быть готов пригласить адвоката и оплатить его услуги, потратить много времени и сил на прохождение дела в суде – с многократными переносами заседаний, проволочками и волокитой. Много нервов, много денег и неизвестный результат.

Мы предлагаем другой вариант. Если газета “Н-ские новости” подписала Соглашение о признании юрисдикции Большого жюри, то пенсионер Н. может обратиться к нам и рассказать о ситуации. Затем он и представитель редакции приходят на заседание жюри, и мы стараемся установить между ними контакт и взаимопонимание, а в конце принимаем решение. Например, мы можем решить, что редакция обязана опубликовать опровержение и извиниться. Кстати, суд не может обязать извиниться, а Большое жюри – может.

МНОГИЕ ПОЛАГАЮТ, что Большое жюри говорит языком права, а не профессиональной этики. Но если вы посмотрите наши решения, то нигде не найдете слов “закон”, “законно”, “незаконно”. Например, в решении по спору между телекомпанией “Авторское телевидение” и Федеральной службой России по телевидению и радиовещанию мы записали: признать *справедливыми* притязания “Авторского телевидения” на получение канала вещания, признать *разумными, но недостаточными* усилия ФСТР по наведению порядка в организации лицензирования вещания. Нет, мы не говорим языком закона. Другое дело, что, во-первых, мы учитываем нормы законодательства, и, во-вторых, лексический ряд у нас похож на юридический. Точнее: он формализованный, строгий, но он не юридический. Это формализованное выражение морального решения. Например, в своих решениях мы не используем выражение типа “считать, что Н. поступил не хорошо”. Но мы можем сказать, что это было *не во благо*. Мы не используем термины “законно”, “незаконно”, не говорим, что “нарушена статья такая-то такого-то кодекса”, а в наших решениях говорится: “разумно”, “неразумно”, “справедливо”, “несправедливо” и т.п.

Внутренняя экспертиза

Л.Н. Вохмина

“...ЖУРНАЛИСТСКУЮ ПРОФЕССИЮ МИНИМАЛЬНЫМ СТАНДАРТОМ НЕ ИСЧЕРПАТЬ”

НЕСКОЛЬКО лет тому назад, когда я еще возглавляла районную газету “Красное знамя”, одна из сотрудниц подготовила материал о разнесчастной одинокой многодетной матери и о бездушной власти. Женщина бьется как рыба об лед, а глава сельской администрации, несмотря на неоднократные просьбы о помощи, ни разу не удосужился побывать в той семье, не говоря уж о том, чтобы выделить сотню-другую на жительство. Материал получился хлестким, убедительным. И я поставила его в номер, не приняв во внимание, что журналист не встретился с главой администрации, не выслушал его точку зрения. Впрочем, что он мог сказать...

Увы, все обстояло не совсем так, вернее, совсем не так. Помощь неоднократно выделялась, но тут же пропала. И глава администрации заслуживал порицания лишь за то, что не добился лишения родительских прав этой мамашеньки. С данным материалом газета, что называется, “вляпалась”.

Но есть и другой момент – иной раз мы критикуем без оглядки, не думая о возможных последствиях для человека, критический материал о котором я как редактор ставлю в полосу. Этот вопрос постоянно сидит в голове.

Сама я этого человека до выхода материала не видела, он был для меня совершенно абстрактным. А встретившись и поговорив с ним, поняла: материал надо было построить иначе. Иван Иванович Иванов показался мне человеком довольно симпатичным, пусть что-то и сделал не так. Все равно я бы могла в чем-то его понять, а в чем-то и оправдать.

Подготавливая критический материал, журналист должен ставить себя на место человека, о котором он пишет. К сожалению, чаще всего так не получается.

МОТИВ очищения нашего сообщества от агрессивных непрофессионалов кажется мне самым актуальным для создания тюменской конвенции. Не так давно я столкнулась с такой ситуацией. Правлю текст, а корреспондент возражает: “Зачем нужна какая-то стилистика, главное – чтобы в материале были бойкие факты”. Я этому человеку объясняю: “Есть строительные нормы и правила, без которых ничего нельзя построить. Точно так же в журналистике, должна быть основа. Если в материале отсутствует логика, если совершенно неграмотно построена фраза, этот материал не будут читать”. Мне снова возражают: “Это все ерунда, вчерашний день, давно устаревший подход. Грамотно-неграмотно, кому это надо? Если факты интересные, материал имеет право на жизнь”. Никак не могу согласиться с таким подходом к нашей профессии.

Что касается такого мотива работы над конвенцией, как угроза свободе слова со стороны власти, то этот мотив вечен. Более всего я это ощутила, когда стала редактором. Время от времени мне звонили “сверху” и говорили: вы написали не то, что надо. Был, например, такой случай: послала своего корреспондента брать интервью у кандидата в депутаты Верховного Совета, а дама, которая заведовала у нас в районе идеологией, заявила: “Вы знаете, ваш корреспондент неправильно разговаривает с кандидатом, ваш корреспондент неправильно расставит акценты.” – “Вы присутствовали при беседе?” – набравшись “наглости”, спросила я у идеологической начальницы. “Нет”, - ответила она. “Тогда с чего бы такой вывод?”.

Вот до такой степени доходило. Контроль был жесточайший.

С приходом М.С. Горбачева наступило благолепие, благоденствие: можно к М.С. как угодно относиться, но то, что он сделал для журналистов, ему зачтется.

Увы, сейчас, по-моему, подули старые ветры. Такое у меня ощущение. Возьмем ситуацию с “Медиа-Мост”. Может быть, там действительно пользовались “прослушкой”, но то, каким образом власти с этим “разбирались”, меня возмутило до глубины души. Многие, скорее всего, недопонимают всей опасности такого отношения к СМИ. Знакомый в ответ на мое возмущение разгорячился: “А тебе бы понравилось, если бы тебя прослушивали? Все правильно, надо было устроить еще более крутые разборки”. Но так может рассуждать человек, никогда не работавший в журналистике. Тот, кто пережил старые партийные времена, знает, чем это пахнет, чем это чревато для прессы.

Значим ли для тюменских журналистов такой мотив создания конвенции, как противостояние информационным войнам? Наверняка многие сразу вспоминают “войну” Золотухина и Снисаренко. Но Снисаренко, по-моему, можно сдерживать, можно в чем-то переубедить. Золотухин же, я думаю, безнадежен совершенно: он считает себя истиной в последней инстанции. А возьмем его беспардонные статьи по национальному вопросу. Это не просто отсутствие профессиональной этики. Это отсутствие внутренней культуры. Евреи, таджики, русские... Все мы из одного “теста”. Нет подлой, плохой нации, есть подлые, плохие представители нации. Если Золотухин сам не понимает, что некоторые его высказывания непозволительны, это должны подсказать ему издатель, учредитель.

НА ПЕРВОМ МЕСТЕ по своему значению в конвенции должны стоять информационная миссия и миссия массмедиа.

Курс партийной журналистики учил нас, что газета – это политический агитатор и организатор. Наверное, в давнюю пору эти задачи действительно были актуальны. Но сейчас они изменились – газета, на мой взгляд, должна правдиво информировать, а информируя, создавать общественное мнение. Народ должен знать, как, например, у нас в Тюмени распорядились огромными средствами немецкой кредитно-бартерной линии или сколько денег потерял областной бюджет от простоя спиртзавода в Падуне. Пусть народ прочтет и сделает вывод: правильно поступает власть (и поступает ли?) или нет?

ЧТО ВАЖНЕЕ в будущей конвенции: проблематизация темы морального выбора или изложение норм нашего ремесла? Первое – самое важное. Нельзя ограничиться изложением минимальных стандартов. Жизнь трудно стандартизировать. Журналистскую профессию стандартами не исчерпать.

Я ДУМАЮ, назрела необходимость в создании этической комиссии, куда бы вошли представители общественности и, безусловно, профессионалы. Комиссия станет важным инструментом саморегуляции сообщества. Для меня, например, очень значимо общественное мнение.

Однако при формировании комиссии придется столкнуться с проблемой – сложно найти непререкаемые авторитеты среди нашего брата-журналиста.

Р.С. Гольдберг

“...РЕЧЬ ИДЕТ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ: МЫ НЕ ДЕЛАЕМ ТОГО-ТО И ТОГО-ТО, А ОБЩЕСТВО НАС ВОСПРИНИМАЕТ КАК ПОРЯДОЧНЫХ ЛЮДЕЙ”

КАК ЧАСТО и по каким поводам журналист обычно осознает, что столкнулся с моральной проблемой? На мой взгляд, журналист размышляет над вопросами профессиональной этики столь же часто, сколько автомобилист думает о качестве дороги. А думает водитель о дороге тогда, когда натывается на яму, ухаб, на какой-то непорядок. То есть, сама по себе жизнь может идти совершенно обычно, но вдруг ты наталкиваешься на нештатную ситуацию и вот тогда-то начинаешь думать: почему так получилось? И осознаешь, что либо ты нарушил какие-то писанные, а чаще – неписанные нормы, либо кто-то другой.

Пример из практики: в Тюмени в Интернете появился сайт “Тюменская область. Vsluch”. Мне назвали его координаты, я вошел в Интернет и увидел серию информации, буквально на днях опубликованных “Тюменским курьером”. Некоторые из них были совершенно эксклюзивны – эти новости никто кроме нас не печатал, другие – просто “содраны” у нас. Под нашими информацией подписались абсолютно неизвестные мне люди – какой-то Василий Окопкин, Анна Смирнова... По этому поводу я написал маленькую заметку под названием “Проверка Vsluch-a”, где прямо сказал, что это плагиат, то есть одно из грубейших нарушений журналистской этики и журналистских законов.

Ясно, что это пример того, когда журналист сам оценивает: этично или неэтично поведение другого журналиста. А в каком случае журналист ставит вопрос о том, этично или неэтично его собственное решение? Например, когда он пишет материал, который может задеть и другого человека.

Еще случай из практики. Однажды, лет пять или восемь назад, человека, занимавшего в то время пост тобольского мэра, обстрелял инспектор патрульной службы ГАИ. Мэр ехал на машине, не остановился по требованию автоинспектора, в него начали стрелять. У истории есть пикантный оттенок: мэр ехал в машине с дамой, и эта дама не была его женой.

Сначала мы написали о том, что обстреляли мэра – это была яркая сенсация. А потом выяснилось, что в ситуации завязано много людей, и у меня возникли сомнения в нашей правоте. Вольно или невольно мы влезли в частную жизнь. Это не такой уж редкий случай, когда пишешь “взахлеб” и своей энергетикой, увлеченностью сам начинаешь перемещать границу, расширять рамки “можно-нельзя”.

Думаю, что здесь граница должна быть двойная – внешняя и внутренняя. Но лучше я воспользуюсь образом трех кругов.

Большой круг – то, что очерчено законом, который говорит: запрещено то-то и то-то, например, пропаганда насилия.

Внутри этого круга есть другая граница, которую очерчивает для себя само издание, или общество журналистов данного коллектива: мы вот это делаем, а этого – не делаем никогда.

Наконец, внутри этого круга есть еще один, который журналист очерчивает лично для себя: темы, на которые я писать не буду. Кстати, журналистские уставы предусматривают возможность такого самозапрета: никто не вправе заставить журналиста писать против его убеждений.

Кодекс тюменских журналистов, о создании которого я беседую с авторами проекта, и есть своеобразная маркировка границ.

НА ПЕРВОЕ МЕСТО среди мотивов активизации саморегулирования “цеха” с помощью кодексов я бы поставил нежелание быть в стаде. И общество вообще, и любое сообщество, в том числе и журналистское, без законов, без того, что объединяет, – дикое стадо.

Но что же нас объединяет? Сама по себе профессия или то, что мы все работаем в одной газете? Очень размытое основание, ибо выходит, что любой, кто пришел к нам, даже с улицы, – журналист, любой, кто ушел отсюда, – перестал быть журналистом.

Я думаю, что объединяет нас свод правил. Вошел в наше сообщество, принял наши правила, – стал членом профессионального сообщества. Не принял этих правил – изгой, чужак, разрушитель. Кодекс – способ саморегулирования сообщества, не дающий ему стать стадом.

Второй мотив: мы пишем свои правила игры для того, чтобы защититься от внешнего вмешательства в жизнь “цеха” – со стороны государства и общества. Своим кодексом мы говорим государству и обществу: у нас есть правила, и мы просим с нами считаться в соответствии с этими правилами. Фактически речь идет об общественном договоре – мы не делаем того-то и того-то и тогда общество нас воспринимает как порядочных и достойных людей, как людей “в законе” (я понимаю рискованность такого выражения – Р.Г.).

КАКАЯ ИЗ МИССИЙ журналистского сообщества предпочтительнее для наших условий? Прежде всего, я бы уточнил смысл выражения “четвертая власть”. Если кто-то имеет в виду, что это власть именно журналистов, то это неверно. Правильнее: власть информации. Вот такой смысл реален, ибо информация может переменить мир. Вспомним столетней давности случай. Владелец “Нью-Йорк таймс” Уильям Рендольф Херст послал на Кубу журналиста и сказал: “Вы обеспечьте статью, а я обеспечу войну”. И действительно, испано-американская война 1898 года началась со статьи в “Нью-Йорк таймс”.

Да, миссия “приводного ремня” была характерна для партийно-советской прессы. Но важно иметь в виду, что в большинстве случаев журналист верит в то, что он пишет. Однажды я спорил со своими студентами о том, верим ли мы тому, что пишут газеты, или нет? Они разделились: кто-то сказал “да”, кто-то – “нет”. На мой же взгляд, журналист может ошибаться, но в тот момент, когда он пишет “взахлеб”, он верит в каждое свое слово. Никто же не говорит себе: “Дай-ка я сейчас сокру покруче!” Есть такая психологическая особенность творчества. По крайней мере мне она такой представляется. Другое дело, что потом, прочитав свой текст, журналист может сказать: “Эка меня занесло, мне это показалось фактом, а на самом деле не так”.

Теперь более конкретно о власти информации, об информационной миссии СМИ, о том, что не так-то просто исполнить заповедь “быть честным”. Наша газета ведет репортажи с процесса, посвященного серии убийств. Среди тех, кто обвиняется по этому делу, человек, с отцом которого я около десяти лет работал в телерадиокомитете. С его матерью моя жена училась в одной школе: Тюмень – город маленький.

И вот, представьте себе: приходит ко мне отец обвиняемого и просит не писать о его сыне. Что я должен ответить ему? Только одно: “Все, что я могу сделать, – быть предельно точным в каждом слове, которое я пишу. И поймите простую вещь: если я сам об этом не расскажу, это делает другая газета, работников которой не сдерживают такие отношения, какие есть между нами. Они напишут предельно хлесткий текст. Поэтому лучше уж эту работу выполню я”.

Мог ли я поступить иначе? Врачу проще, он говорит: “Родственника я не оперирую”. Судья или адвокат: “Я не защищаю родственника”. А у журналиста не только нет такого права, у него и возможности такой нет – надо исполнять профессиональный долг.

Как видите, авторы проекта предлагают рассуждать о журналистской миссии, а я предпочитаю говорить, что журналист – функция. Есть власть информации, и функция журналиста – нести информацию, тем более, если речь идет об общественно значимом явлении. Это суть кодекса, который у меня внутри.

Отец подсудимого сказал тогда: “Единственное, чего я хочу, чтобы его не убили, а довели до суда”. “Если ты напишешь письмо, я постараюсь передать его прямо в руки министру внутренних дел (как раз в те дни в Тюмень приехал Сергей Степашин)”. И на глазах у всех присутствующих отдал письмо министру.

Для меня это очень тяжелый выбор. Я же понимаю его, моего давнего приятеля, чувства. Его мальчик рос, стал спортсменом, баскетболистом. И вдруг – наемным убийцей, притом жестоким убийцей. Как я должен был поступить?

Наверное, я не впрямую отвечаю на вопрос о миссии, но как ответил...

Начался процесс, я стал писать об этом. И тот же мальчик, сын моего приятеля, на первом же заседании потребовал, чтобы прессу, то есть меня, удалили из зала суда. Судья в этой просьбе отказал – процесс открытый.

Для меня это трудный процесс. Так получилось, что близко знаком с людьми с обеих сторон. С родственниками как убийц, так и жертв. Какая это боль – гласность – для обеих сторон. Как

скрупулезно будут вчитываться в текст и те, и другие. Не исключено, что я навсегда разойдусь или с теми, или с другими. А может быть и с теми, и с другими. Но выбора у меня нет. Проще всего было бы закрыть глаза и заткнуть уши, вообще этого не видеть и не слышать? Но наша профессия требует иного.

Как я буду писать: нейтрально, как диктофон? Нет. Попытаюсь понять обе стороны. Постараюсь оказаться посередине. А писать “холоднокровно”, это вряд ли... Не смогу.

ПРАКТИЧЕСКИ я весь свой ответ на вопрос о миссии связал с проблемой морального выбора. И специальное рассуждение о месте проблемы морального выбора в этической конвенции попытаюсь провести в рамках анализа конкретных ситуаций из практики.

Сначала – ситуация элементарная. Как-то одну из сотрудниц газеты по пути завез на пресс-конференцию депутата Государственной думы В.Н.Бондаря. Говорю ей: “Пожалуйста, вернись побыстрее, скажи Бондарю, пусть он тебя на машине отвезет в редакцию”. Девочка сказала, что ей неудобно просить машину. Словом, она не послушалась меня и вернулась много времени спустя: явно добиралась на автобусе. Я ценю ее человеческую деликатность, ее стремление к независимости от того же депутата, хотя он к нам хорошо относится. А функция?

Еще раз: журналистика – функция. Пришел, взял информацию, вернулся, быстренько сдал в печать. Налицо противоречие: функция или нравственность? человек или специалист? С одной стороны, я ценю журналиста, который действует пробойно, с другой – начинаю думать: он же и внутри нашего коллектива будет действовать по той же модели. Не разрушит ли эта функция те прекрасные человеческие черты, которые я ценю в этом журналисте?

Другая ситуация, из советских времен. Аэропорт города Новый Уренгой, примерно 29-30 декабря: газовики, буровики, строители штурмуют аэропорт, чтобы улететь домой на Новый год, на Украину, в Белоруссию, на Кавказ или куда-то еще. А я возглавляю телевизионную группу из четырех человек, которые отсняли важное событие и им надо попасть в этот же самолет, чтобы вовремя привезти материал в редакцию.

Люди записывались на место в самолете заранее – за несколько месяцев, и я как простой смертный должен бы встать в очередь и подождать, пока они все улетят. Но событие на пленке к тому времени перестанет быть событием – старые новости никому не нужны. И мне предстоит объяснить этой группе людей, – потных, подвыпивших, сердитых, – что именно я должен улететь этим рейсом, т.е. раньше, чем они сами.

Для меня лично это было крайне трудно. Всякий раз через себя переступаю. Лично я – отдельно взятый человек – лучше подожду, улечу или не улечу – это другое, но не могу я оттолкнуть человека, это против моих личных правил. А как профессионал я должен действовать совершенно по-другому. Снова “ножницы” между человеческим подходом и профессиональным долгом.

Можно ли сформулировать и для других журналистов, и для самого себя некие критерии, основания того, как вести себя в ситуациях морального выбора?

Прежде всего, я разделяю суждение о том, что в ситуации морального выбора всегда чем-то жертвуешь, очень ценным жертвуешь, не безделушкой. Во-вторых, я позитивно решаю вопрос о том, есть ли какие-то основания, кроме просто “наития”, кроме аффективного, эмоционального решения, для совершения достойного выбора. Поэтому, вероятно, недостаточно в нашем будущем кодексе-конвенции просто сказать: журналист, тебя ждет в твоей профессии множество ситуаций морального выбора, не прозевай их. Нужны и какие-то ориентиры.

Еще раз вернемся к функциям журналистики. Что стоит в конце журналистской функции? Статья, информация, новости? Результат. И этот результат называется просто: “продать газету”. Если я напишу статью, которая окажется непроданной, моя функция существует только в одном экземпляре. Значит, я должен учитывать в своих материалах и интересные детали, может быть, тяжелые для тех, кто является фигурантами процесса, ибо есть же и читатели, но должен дать и какой-то нравственный вывод из всей этой истории.

Не слишком ли примитивно: обсуждая ориентиры морального выбора для журналиста, сводить все к продаже газет, к деньгам? Но тираж газеты и профессиональная этика журналиста не обязательно исключают друг друга.

Разговор о результате, о том, что газету нужно продать, подводит к тому, что газете нужен профессиональный успех, что нацеленность журналиста на успех и есть одно из оснований принятия решения в трудной ситуации.

Действительно, кого бы интересовал написанный мною моральный кодекс журналиста, слышь это 35 лет назад, когда я только что приехал по распределению в Тюмень? Кого бы интересовал этот документ, не будь я относительно известным, более или менее успешным журналистом? Очевидно, что сегодняшний кодекс является продолжением моей практики.

Среди ориентиров выбора – понимание миссии журналистики. Фактически, я это уже показал, рассуждая о своем поведении в отношении сына моего старого знакомого, обвиняемого по уголовному делу. Да, в ситуации морального выбора трудно найти безукоризненное решение. Действительно, кодекс, например, требует от журналиста быть честным. А если, предположим,

твой друг оказывается героем плохой истории: ехал на машине, сбил ребенка, скрылся? Как друг ты не должен об этом писать. А как честный журналист? Напишете – плохо, ибо вы друзья с детства: делились куском хлеба, он вас из речки вытащил когда-то. Не напишете – поступаете плохо по отношению к жертве этого происшествия. Как решать?

Что бы сделал я в такой ситуации? Наверное, написал бы. Написал, выполняя профессиональный долг. И не теряя человеческого отношения.

Еще раз: об этом все равно напишут, но лучше будет если это сделаю я. Напишу о факте без издевки. Строго, точно, без домыслов. Стараясь пожалеть и жертву происшествия, и понять человека, который стал причиной происшествия. Попытаюсь не пройти мимо смягчающих обстоятельств. А человек, которому все равно, напишет... Впрочем, об этом по-всякому можно написать. Я же сделаю работу как функционер. Хотя, конечно, не приведи господь...

Но не надо примитивизировать понимание профессиональной функции.

Это было 22 мая 1978 года, когда первый поезд пришел на станцию Ноябрьская. Прошло 22 года, а я до сих пор помню, как один из кинооператоров снимал момент перерезания ленточки. Но когда какой-то мальчишка любопытный залез вперед и встал перед объективом, журналист схватил его за плечо и буквально швырнул на рельсы. Я год после этого старался с ним не разговаривать.

Здесь норма обычной нравственности очевидно выше функции. Точнее: когда он бросил мальчишку на рельсы, произошло превышение функции.

НАДО ЛИ СВЕСТИ конвенцию только к проблеме морального выбора или стоит включить в нее некие минимальные стандарты поведения, не предполагающие особой рефлексии, подразумевающие почти автоматическое исполнение?

Смотря что понимать под такими стандартами. Я бы различил этический кодекс и правила ремесла. Например, я говорю молодым журналистам об элементарных правилах: “Когда беседуешь с кем-то и фамилия его не Иванов, а более сложная, ты напиши ее, пожалуйста, и покажи собеседнику”. Прямого отношения к морали это правило не имеет. Да, опосредованно его нарушение может принести моральные издержки: человеку будет обидно, если я его фамилию напишу неправильно. Тем не менее, это – правило. Или другая рекомендация молодым: “Запиши телефон собеседника, его адрес, как ты можешь с ним связаться”. Это просто правило.

А есть кодекс и включенные в него высокие принципы. Требования кодекса должны быть достаточно высокими, потому что на той стороне газетной страницы всегда находится человек, по отношению к которому действительны все библейские заповеди: “не убий”, “не укради” и т.д. Принципы должны быть высокими. Правила должны быть простыми.

АВТОРЫ ПРОЕКТА предлагают мне отдать предпочтение одной из моделей этической комиссии: либо “чисто” цеховой, которая бы не выносила “сор из избы”, либо комиссии, которая включала бы и представителей гражданского общества, – чтобы придавать обсуждаемым комиссией проблемам журналистики общественный статус.

На мой взгляд, вторая модель имеет преимущество. Да, может быть, такая комиссия и “выносит сор из избы”, но зато в избе будет чище. А если комиссия состоит только из журналистов, обсуждающих конфликт келейно, в своем узком кругу, пользы не будет. Коллеги друг друга не очень боятся. Ну не подал я руки одному, второму, третьему. И что? Им, скорее, неприятно, что я напишу в газете о том, что не подаю руки такому-то, и почему.

Разумеется, такая комиссия не возможна и без профессионалов. Если, например, кто-то из очереди в аэропорту написал на меня жалобу в комиссию – за то, что я попал в самолет, а он – нет, в разборе конфликта должны участвовать и люди, знающие нашу профессию изнутри.

Но особо надо сказать, что эта комиссия должна быть лишена каких бы то ни было властных полномочий. “Вынося сор”, она дает возможность обществу быть регулятором конфликта. Это продуктивнее, чем если некий чиновник будет говорить: “Этот журналист мне нравится, я его прощущу”. Нет, пусть общественное мнение будет вольно выбрать: покупать газету, где Золотухин печатается, или нет. Вынося свое мнение на суд читателей, этическая комиссия будет таким образом и формировать общественное мнение.

Г. М. Голованова

***“...ЖУРНАЛИСТ ЕЖЕДНЕВНО СТОИТ ПЕРЕД МОРАЛЬНЫМ ВЫБОРОМ.
ТАКАЯ У НЕГО РАБОТА”***

ЛЮБОЙ ЧЕЛОВЕК постоянно находится в ситуации выбора, даже не осознавая этого. Журналист должен отдавать себе в этом отчет. Такая у него профессия – анализировать любую информацию и предвидеть, как “его слово отзовется”.

Между чем приходится выбирать? В последнее время на чаше весов все чаще оказываются доброе имя издания (журналиста) и деньги. Пример? В ходе последней избирательной кампании газете предложили критический материал об известном в регионе человеке. Назвали сумму, довольно приличную, и предупредили, что реальных фактов статья не содержит. Ясно, что деньги на производство газеты нужны. Есть возможность их заработать, причем не особенно обременяя себя, – статья уже готова к публикации и, по всей видимости, не останется незамеченной, привлечет внимание к газете. Но материалы, которые построены не на фактах, а на слухах и домыслах, не вписываются в концепцию нашего издания. Нам важнее доброе имя газеты, которая выходит к читателям около полувека. Естественно, что я сказала: “Такой материал не нужен”. Даже не стала его смотреть.

Другие, не менее распространенные ситуации выбора, связаны с вмешательством СМИ в частную жизнь. С одной стороны, закон гарантирует право человека на частную жизнь, ее неприкосновенность. А с другой – для прессы не должно быть закрытых тем. Есть особого рода лица – публичные, жизнь которых должна быть открыта обществу. Ситуация ставит журналистов перед выбором: насколько глубоко можно вторгаться в личную жизнь? Результаты этого выбора пока непредсказуемы. В итоге вся страна наблюдает с телеэкрана сцены интимной жизни крупного чиновника.

Значимы ли в подобных ситуациях профессиональные кодексы? Должен ли журналист каждый раз открывать заново профессиональные нормы или стоит обратиться к аккумулированному опыту людей, которые уже прошли через эту ситуацию и нашли какое-то решение?

Обращение к кодексу имеет смысл, но кодекс, конвенция и т.п. должны быть созданы применительно к определенному коллективу. Все СМИ сегодня очень разные, у каждого свои цели и задачи. Поэтому у меня нет полной уверенности в целесообразности региональных и, тем более, национальных кодексов. Для таких масштабов достаточно закона о СМИ, Конституции, в которой есть, например, статья о частной жизни... Журналистская деятельность регламентируется некоторыми статьями Уголовного кодекса, закон о выборах также определяет права и обязанности СМИ.

Кстати, кодекс не может учесть всех ситуаций, возникающих в журналистской практике. Все равно журналист остается один на один со своей совестью, сам принимает решение, сам несет ответственность за выбор. Иногда ему, может, было бы полезно опереться на опыт коллег. Но кто и как будет кодекс разрабатывать? Опыт советской журналистики предостерегает от документов, созданных бюрократическим способом, которые используются в бюрократических целях. Как бы новые кодексы не вернули нас во времена цензуры!

В ДИСКУССИИ о том, нужны ли профессиональные кодексы или журналистам достаточно известных всем десяти заповедей, я на стороне тех, кто видит специфику профессии и необходимость ее саморегулирования. Возьмем проблему независимости журналиста. На мой взгляд, он не должен находиться в рядах какой-либо партии, потому что тогда, волей или неволей, будет отражать ее интересы в своем издании. Он должен быть независим и от интересов финансовых структур.

Одна из задач кодекса профессиональной этики – отрегулировать независимость нашей профессии. Ведь журналисты сегодня столь же коррумпированны, как и чиновники, политики и т.д. Представители СМИ откровенно лоббируют интересы определенных политических, экономических сил и т.д. А в результате не выполняется главная функция журналистики – давать объективную информацию. Более того, нередко читатель получает искаженную, фальсифицированную информацию, что недопустимо в нормальном обществе.

Значит, журналистскому сообществу важно если не сразу перейти к ситуации полной независимости, то хотя бы поставить перед собой такую проблему: достойны ли мы статуса независимости? Западный мир долго шел к независимости журналистов и, в целом, достиг этой цели. А мы в самом начале пути, и если такой цели себе не обозначим, то никогда не дойдем до нее.

Может быть, это один из важнейших мотивов создания конвенции тюменских СМИ. Понимаю, что в предлагаемой идее у меня немного единомышленников среди коллег. Некоторые из них называют это маниловщиной, “кремлевским мечтательством” и т.д. Но практика утверждает обратное. В российских регионах уже есть издания, которые действительно независимы – ни от властей, ни от олигархов, а только от своих читателей.

Речь идет о чисто коммерческих изданиях. Почему я за коммерческую модель? Она вынуждает журналистский коллектив давать объективную информацию: газета должна жить, развиваться, а если она не будет пользоваться доверием читателя, ее просто не будут покупать или выпивать.

КАЖДЫЙ ИЗ ПРЕДЛОЖЕННЫХ для экспертизы мотивов создания тюменской конвенции значим. Вполне реален мотив угрозы свободе слова со стороны властей. Поэтому, если допустить весьма условную ситуацию, что СМИ договорились о саморегулировании, наличие кодекса даст какую-то защиту журналистам, не отменит, но хотя бы смягчит угрозу давления на слово “сверху”. Правда, мне все-таки кажется, что они не договорятся.

И все же допустим эту возможность. Тогда, конечно, уменьшатся нарушения прав человека на частную жизнь, на получение объективной информации. А ведь власть, наступающая на свободу слова, спекулирует на реальных, отдельных грехах журналистики. И вот вам – Наблюдательный совет.

Лучше заняться самоочищением, чем ждать, когда ограничения навяжут извне.

Насколько значим такой мотив создания кодекса, как дистанцирование профессионалов от непрофессионалов? Звучит красиво! Но я не вижу механизма его осуществления. Я против всяких этических комиссий. Освободиться от непрофессионалов можно и нужно в конкретном коллективе. Раз, два заметили, что человек нарушает наши нормы, и предложили покинуть коллектив.

МИССИЯ У НАС одна – сообщать новости, информировать слушателей, телезрителей, читателей. Информировать, но не агитировать. Когда-то в ходу была такая фраза: “газета – коллективный агитатор, пропагандист и организатор”. И до сих пор очень многие коллеги в своей работе ей следуют. Недавно по радио слышала, как один журналист говорил: “Я агитирую вас, дорогие радиослушатели, за этого человека, потому что он такой-то и такой-то”. Я в принципе не приемлю того, чтобы журналист занимался голой пропагандой. Считаю, что в данном случае журналист должен собрать конкретные факты, которые бы характеризовали человека, и представить их на суд слушателей – пусть решают.

В предшествующем экспертном опросе тюменских журналистов на вопрос “Журналист – зеркало или зеркальщик?” я отвечала: “зеркальщик”. Сегодня в моем взгляде на профессию произошли изменения. Слишком много я наслушалась и насмотрелась журналистов, стремящихся навязывать аудитории свое мнение. И в своей работе стала постепенно уходить от всяческих форм пропаганды, оставляя за собой обязанность информировать читателя, сообщать ему объективные факты.

Что касается такой миссии прессы, как “четвертая власть”, то я отношусь к этой формуле с иронией. В то же время считаю, что СМИ обладают властью, какой-то магической властью, вообще не поддающейся объяснению. Бояться такой власти СМИ или ее укреплять? Бояться не надо. Но журналист должен осознавать необходимость разумного распоряжения ею, чтобы не навредить другому.

Как раз здесь важен кодекс: журналист должен держать в голове эту заповедь, в каждой конкретной ситуации помнить, что власть СМИ может быть разрушительна, и зависит это от того, в чьих руках такая власть находится.

Причем важно, чтобы это было не просто опасение нарушить закон, но и моральное самоопределение журналиста, подкрепленное одобренными профессиональным сообществом журналистов, принятыми им ориентирами.

Я НЕ РАЗДЕЛЯЮ предложенной для обсуждения идеи о том, что для наших журналистов, живущих в реальных условиях, хорошо бы не “задирать” моральную планку, а работать на уровне неких минимальных профессиональных требований.

Не получится ли, что этот минимальный стандарт окажется обычной служебной инструкцией. Все-таки в кодексе должны быть требования, рассчитанные на более высокую норму. Да, сегодня СМИ в кризисе, многие журналисты и редакции еще определяют, но уже сегодня надо сделать кодекс, фиксирующий конечную цель, уровень развития, который должен быть достигнут завтра. Соответственно, и “планку” надо поднимать выше.

Поэтому в кодексе должна быть заложена идея выбора и ориентиры решения трудных профессиональных ситуаций, предполагающих несколько разных, может быть, даже противоположных, решений. Надо, во-первых, продекларировать неизбежность встречи каждого журналиста с такими ситуациями, во-вторых, – личную ответственность журналиста за выбор.

Кстати, многие ситуации выбора известны сообществу. Важно, чтобы их решение оценивалось по тому, насколько они чреватые последствиями для общества, а не только для самого журналиста. В подготовке к таким ситуациям свою роль должны сыграть журналистские факультеты.

Разделяю суждение, по которому самое трудное – не “прозевать” ситуацию выбора, не пройти мимо, “не узнав” ее. Журналисту такое не позволительно: его решения часто чреватые ответственностью социального масштаба, журналистика – “орудие массового поражения”.

ВОПРОС АВТОРОВ проекта о способе формирования этической комиссии волнует меня особенно: есть опасность бюрократизации процесса саморегулирования.

Как бы кодекс не породил комиссию или еще какую-то структуру, которая бы наказывала журналистов. Как бы не появилось особое журналистское начальство с особыми полномочиями: открывает оно, например, пятый пункт кодекса и заявит, что ты в том-то проштрафился, вот тебе такое-то наказание.

Если бы меня включили в такую комиссию, я бы непременно подумала: неужели я моральнее своих коллег, какие у меня основания судить других? То есть, важен вопрос “А судьи кто?”.

Я слышу аргументы предложенной в качестве одной из концепций этической комиссии версии “консультативного совета”. Да, людям свойственно советоваться о том, как им поступить в

своей практике, со старшими, коллегами, наставниками. Это нормально. В этом ничего бюрократического еще нет. Если журналист придет ко мне посоветоваться, то я как опытный человек, как руководитель ему в этом не откажу. В этом смысле передача опыта нам не противопоказана. Поэтому пусть этическая комиссия станет комиссией по обмену опытом. Не ради приговора и наказания, а только для того, чтобы помочь каждой стороне лучше понять другого.

И все же. Если ты журналист, твоей настольной книгой должен стать закон о СМИ. Появится кодекс, конвенция – будет еще один документ для каждого журналиста. Зачем же посредники между журналистом и законом, журналистом и конвенцией?

И два замечания в заключение. Во-первых, может быть, важнее осуществить судебную реформу, о которой так много говорится, и регулировать деятельность журналиста законами, – уже существующими и теми, которые будут совершенствоваться, в том числе и законом о СМИ?

Во-вторых, как составить такой кодекс, чтобы он отражал реальные потребности журналистского сообщества, был ему понятен и разделялся всеми? На этот вопрос у меня ответа нет.

Я могла бы долго рассуждать о кодексе, если бы... не сидела за редакторским столом – журналистская практика немного охлаждает и останавливает от произнесения высоких фраз. Когда я замечаю, что мои дела пошли хуже, понимаю, что мне не хватает авантюризма. Не кодекса, а авантюризма! Потому что редактор сегодня должен быть большим авантюристом... Но могут ли сосуществовать авантюризм и моральные нормы?

Допустим, уже есть кодекс, он нужен, над ним важно работать. И есть практика, которая будет мешать выполнять его, – или кодекс будет мешать практике. Кодекс – это хорошо, но он живет как бы параллельно с журналистской практикой сегодняшнего дня. Я пока не вижу, где они будут пересекаться, когда и в чем.

Е.В. Горбачева

**“...КАЖДЫЙ ЖУРНАЛИСТ СЧИТАЕТ СЕБЯ ДОСТАТОЧНО МОРАЛЬНЫМ.
НО ЧАСТО ТО, ЧТО ПРИЕМЛЕМО ДЛЯ ОДНОГО, НЕ ПРИЕМЛЕМО ДЛЯ ДРУГОГО”**

ВОПРОС об этичности – неэтичности действий возникает в журналистской практике в таких, например, ситуациях, когда при публикации той или иной информации обнаруживается противоречие между журналистским долгом и желанием не навредить одному человеку или группе людей. Или: когда информация получена каким-то нелегальным путем и, озвучивая ее, сразу признаешь за собой некую фискальную сторону твоей натуры, профессии и т.д. А это изначально – по менталитету нашей нации, общества – считается не очень хорошим делом.

Из этого однако не следует, что информационная задача журналиста внутренне противоречива, а постоянный конфликт с законом или моралью является чуть ли не ее клеймом. Во всяком случае – для большинства журналистов, для тех, кто занимается журналистикой в обычном смысле этого слова, т.е. наполняет содержанием ежедневные газеты провинциального характера, в отличие от журналистов газет, построенных на расследованиях, сенсациях, эксклюзивной информации, которую надо получить неофициальным путем. Но и в нашей среде нет-нет да и возникают люди, которые свое имя делают именно на журналистском расследовании, журналистском сыске, на деятельности папарацци. Хорошо, когда к подобным амбициям, стремлению именно к данному жанру, к личному темпераменту прилагаются опыт и профессионализм. Тогда это – “высший пилотаж”, спрос на который растет с каждым днем.

Итак, одна из причин необходимости размышлять на темы профессиональной этики связана с тем, что цели, которые ставит себе журналист вообще и журналист-расследователь, могут входить в конфликт с одобряемыми обществом средствами.

Вторая причина, наверное, в том, что журналист должен решить: имеет ли он право на “арбитражную” оценку того или иного факта, на то, что называется “вешать ярлыки”. Этот вопрос довольно часто возникает в повседневной профессиональной деятельности. В аналитическом материале, в очерке оценка человека или события лежит в основе жанра. Но когда журналист “грузит” собственными суждениями информационные материалы – это достаточно рискованная процедура. В любом случае это сопряжено с определенной ответственностью. И не только тогда, когда называешь человека преступником. Слава богу, сегодня о презумпции невиновности так или иначе слышаны все грамотные люди, и журналисты, в большинстве своем, в курсе, что, пока суд не назовет человека преступником, вором, убийцей, они не имеют права на подобную терминологию. Любая субъективная оценка, озвученная в СМИ, имеет привкус публичного приговора. Для вынесения его нужен набор серьезных оснований и глубокая внутренняя уверенность.

На что опирается журналист в своем решении, обнаруживая такого рода трудные ситуации? Обречен ли на одиночество? Только ли со своей совестью он беседует? Опыт человека складыва-

ется не только из собственного опыта: проблемы, встающие перед ним, уже возникали перед другими людьми. Поэтому, естественно, давая факту или поступку свою субъективную оценку, журналист опирается в том числе и на опыт людей, близких ему по духу и по убеждениям. И на собственную интуицию. И на знание определенных законов.

При этом каждый журналист – даже если он любит эпатировать окружающих, сообщая им, что “черный пиар” тоже морален, или гордо заявляя: “Я аморален. Я подлец”, – считает себя существом достаточно моральным (в случае эпатажа подразумевая, что имеет право на свои, отличные от общепринятых понятия о морали). Но и относительно благопристойному большинству приходится подчас тяжело, потому что моральные догмы напоминают декорации курортных фотографов с прорезью в виде идеального шаблона фигуры счастливого отдыхающего. В результате – у кого-то щеки не входят, у кого-то – живот – живот, кто-то в высоту перерос обозначенные рамки.

Чтобы придать моральным рамкам известную общезначимость, и создаются профессиональные кодексы. Путем упрощений их можно попытаться свести все к тем же самым заповедям библейским. И все же – в любой профессии есть этические обстоятельства, которые требуют соблюдения особых норм. Не в смысле особых прав, из-за которых надо размахивать “корочками”, а в смысле системы определенных дополнительных разрешений и ограничений.

ВРЕМЕНА ВНЕШНЕЙ угрозы свободе слова мы уже как бы забыли, но, полагаю, что слишком поторопились. Тем более, что и сами журналисты спутали свободу с волей, не захотели помнить о допустимых границах, и власть в ответ начала чрезмерно сужать рамки. Власть теперь снова возьмет себе больше воли, чем это разумно, как в свое время пресса взяла больше воли, чем было целесообразно.

Вот в качестве профилактики таких крайностей со стороны власти можно и создавать профессиональные кодексы. Чтобы иметь возможность сказать власти: “Мы сами разберемся с помощью своих собственных правил, без внешнего регулирования”. Насколько такая логика остановит нового президента или министра печати от “закручивания гаек” – другой вопрос.

Что касается роли такого мотива создания этической конвенции, как внутренняя угроза (когда сообщество дискредитируется самими же журналистами), то я не считаю его достаточно серьезным. Надо учесть, что сейчас начинают называть “информационными киллерами” всех, кто научился каким-то азам западных технологий, на которые на самом Западе, наверное, уже внимания не обращают. Просто наше общество не может свыкнуться с переменой журналистских функций.

Да, на период выборов страна переходит в другой режим работы и огромная армия журналистов также переходит в режим пиара. Выборы – это такая игра, и надо быть в курсе всех ее правил. Откровенный блеф – всего лишь одно из них. На Западе народ за время многолетнего существования практики демократических выборов и сопутствующей им борьбы при помощи пиаровских технологий уже привык отделять зерна от плевел и чувствует, когда идет откровенный “накат”. Там он действует только на ту часть аудитории, которая отличается растительным образом жизни и интеллекта. У нас же на эту удочку попадают почти все, ибо привыкли за свою прошлую жизнь считать, что то, что говорится по телевизору, – безусловная правда. А когда вдруг обжигаются на одном каком-то факте и понимают, что их крупно надули, начинают причитать: “все журналисты подлецы, терпеть не могу журналистов, они врут так же, как и политики”.

Насколько актуален для тюменской журналистики еще один мотив – стремление очистить сообщество, дистанцироваться не от “киллеров”, а от массы работников цеха, которые в принципе не готовы признавать профессиональные нормы, запреты?

Что ж, это действительно важный вопрос. Но люди, утверждающие, что тот или иной журналист нарушил этические нормы, берут на себя ответственность за то, что они сами знают эти нормы и соблюдают их.

Конечно, они сошлутся на этическую конвенцию. Но у “писанных” кодексов есть не только “плюсы”, но и “минусы”.

Кто не помнит времена, когда неверных мужей вызывали в парткомы за нарушение морали советского человека, а потому “ты либо в семью возвращайся, либо ты нам не друг и по партии не товарищ”. В огромном количестве случаев это срабатывало. “Моральный кодекс строителя коммунизма” давал формальные скрепы организации, помогал сохранять на “стройке” дисциплинку.

Так и в журналистском кодексе формальные скрепы могут сработать. Этические кодексы, конвенции и т.п. – это действительно возможность для сообщества сказать человеку о соответствии его действий принятым нормам. Но я допускаю ситуации, когда, что называется, “только один шагает в ногу”.

В ОТВЕТЕ НА ВОПРОС авторов проекта о доминирующей миссии нашего регионального сообщества журналистов важно учесть связь миссии и жанра.

Никто не отменял информационную журналистику, информационные жанры, которые должны извещать людей о том, что происходит в жизни. Но существует и публицистика, а публицист и репортер – две разные профессии. Публицистический жанр ближе к той миссии прессы, которая

связана с посредничеством между народом и властью и дает им возможность понять и услышать друг друга.

Является ли наша пресса “четвертой властью?” Думаю, что нет. И не только потому, что никто ей такой возможности не даст. Но и потому, что это не ее дело.

Скорее ее особый удел – быть “приводным ремнем”. И не только в советские времена. Борис Николаевич Ельцин, при всех его недостатках, был необычайно либеральным с журналистами, и, я думаю, в начавшийся новый период жизни страны мы будем вспоминать об этом либерализме с ностальгией, как наши родители – о хрущевской оттепели. Люди, которые сейчас приходят к власти, в силу с своего профессионального воспитания в принципе никому не склонны давать волю.

СПОРЫ, КОТОРЫЕ предстоит обсуждать этической комиссии, будут скорее корпоративного свойства. А люди, обвиняющие журналистов в нарушении тех или иных норм, я думаю, гораздо охотнее будут обращаться в суд. Если они будут считать, что их оболгали, поступили с ними неэтично, нарушили их гражданские, человеческие права, нанесли моральный вред и ущерб, то в этическую комиссию они не пойдут. Потому что там не будет удовлетворена их жажда крови и возмездия.

В этическую комиссию будут, скорее всего, обращаться со своими внутрикorporативными спорами сами журналисты. И здесь встает вопрос о “соре из избы”, к публичному выносу которого тюменские издания имеют патологическое пристрастие. Боюсь, что каждое заседание комиссии будет находить неоправданно широкое освещение на страницах нашей прессы. Поможет ли конвенция избавить широкие массы читателей от целых полос газет, посвященных битвам отдельных журналистов? Думаю, что если бы помогла, то толпы благодарных читателей взяли бы на себя пожизненное содержание ее авторов.

Что касается состава этической комиссии, то я думаю, что включать в нее одного учителя, одного рабочего, одного колхозника, одного профессора этики абсолютно нецелесообразно. Для придания компетентности суждениям комиссии, для того, чтобы была возможность опереться на мировой этический опыт, пару профессоров этики (больше их все равно в нашем городе не найдется!) ввести можно. А вот с включением в комиссию авторитетов от каждой (а сколько их?) профессии не стоит спешить. Я вот, например, уважаю директора завода Корелякова. Хороший мужик. Но что он будет делать в нашей комиссии? Делиться жизненным опытом?

Может быть, стоит ограничиться авторитетами в нашей корпорации?

В.С. Горбачев

“...ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ТАКУЮ КОНВЕНЦИЮ МЕЖДУ СОБОЙ ДОЛЖНЫ ЗАКЛЮЧИТЬ ИЗДАТЕЛИ”

ЭТИЧЕСКИЕ вопросы встают передо мной очень часто, практически каждый день.

Во-первых, это связано с интересным явлением в журналистике: уходит старшее поколение, у которого есть свои принципы, ибо оно воспитывалось в другие времена, работает среднее, “переходное”, поколение и косяком пошла молодежь. Поэтому, естественно, сталкиваются разные ценности, разный взгляд на ценности.

В то же время, и это во-вторых, как я уже отмечал в интервью для прошлогоднего проекта, сегодня у журналиста есть свобода выбора. В начале 90-х корреспондент лондонской “Таймс” рассказывала мне о модели свободы западного журналиста: «Я служу в “Таймс”, “Таймс” принадлежит хозяину, этот хозяин поддерживает Маргарет Тетчер, поэтому мы поддерживаем консерваторов. А в другой газете свой хозяин, который поддерживает лейбористов. Значит, если мне не нравятся консерваторы, я уйду в газету лейбористов».

Сегодня такое возможно и у нас. И хотя губернатор Леонид Рокецкий очень любит повторять, что все наши газеты – это “Тюменская правда” в разных вариациях, они отличаются друг от друга и потому дают определенную свободу выбора для журналистов.

Правда, нынешние конфликты бывают чаще материального плана (зарабатывают журналисты “не ахти”), чем по идейным разногласиям. Деление на “консерваторов” и “демократов” стало достаточно условным как в политической практике, так и в практике журналистской.

РАЗМЫШЛЯЯ о том, какой из мотивов саморегулирования более актуален для тюменских журналистов, полагаю, что мотив очищения сообщества от вновь пришедших, все отвергающих – не очень значим. Здесь многое, наверное, зависит от нашего умения разговаривать с молодыми ребятами, стремления убеждать их, отказавшись от стиля приказа – он бесполезен, ибо они ощущают себя свободными и отвергают метод насилия в принципе.

А вот два первых мотива вполне значимы. Отрицательно влияет полный “раздрай” между – тремя субъектами, областной Думой и губернатором, а также постоянные трения между городом и областью. В их отношения вовлекаются средства массовой информации: ведь “Тюменские извест-

тия” – это областная Дума, “Тюменская правда сегодня”, что ни говори, – газета областной администрации, “Тюменская правда” контролируется Ямалом.

Слава богу, что в Тюмени такая зависимость не так проявляется, как в ситуации с центральными СМИ, где все газеты разобраны финансово-промышленными кланами. И если Березовский не “контактит” с Гусинским, значит, “Медиа-Мост” будет сражаться с медиахолдингом Березовского, и никуда тут не денешься.

Итак, самое главное побуждение для саморегулирования “цеха” – зависимость прессы от власти и бизнеса, отсюда и опасность информационных войн: иначе можно действительно друг друга перестрелять.

Однако я не знаю, сможет ли какой-то кодекс эти проблемы устранить – у нас не выполняются даже писанные государственные законы, начиная с Конституции. На одной из конференций в Москве я слушал выступление молодого журналиста с Алтая: они создали на период выборов ассоциацию, участники которой письменно обязались вести всю пропагандистскую работу во время выборной кампании строго в рамках порядочности и закона. Журналист утверждал, что все шло корректно. Но если это так, значит, у них просто не было особого накала борьбы.

Когда в прошлом году предвыборную кампанию вел С.Атрошенко, разве можно было его удержать? Честно говоря, я не уверен в возможностях тюменской конвенции: можно и конвенцию написать, и ассоциацию создать, и, в конце концов, даже поклясться друг другу, но когда наступает какой-то момент острых конфликтов, от журналистской конвенции мало что зависит.

Прежде всего, такую конвенцию между собой должны заключить издатели – никому не светит участь безработного.

МИССИЯ “приводного ремня” для СМИ была прежде доминирующей, такова она и сегодня. Власть над журналистами – у владельцев СМИ, и иного быть не может. И не только в Тюмени или в России в целом. На том же семинаре, о котором я упоминал, английский вольный обозреватель Т.Кондон рассказывал, как Тони Блэр еще года три тому назад, будучи кандидатом в премьер-министры, “выстроил” в нужную ему шеренгу всю британскую прессу этой самой демократической в мире страны. То есть провел в жизнь модель “приводного ремня”. Создал сильную команду аналитиков, приобрел уникальный компьютер, на котором через три минуты после того, как на любой из радиостанций прошло что-то негативное про Блэра, появлялись сведения о грехах соответствующего журналиста, о том, кто заказал материал и т.п. И немедленно принимались контрмеры. Они работали со всеми газетами и заранее знали, в какой из них должно появиться нечто неприятное. Работали методом кнута и пряника, могли уговорить, могли – устроить. В результате в Англии сейчас нет оппозиционно настроенной прессы. Она – “приводной ремень” своей власти.

“Четвертая власть” как власть журналистов – это химера. Действительно, СМИ – это власть, но власть не журналистов, а издателей. Журналист здесь только наемный работник, как его не назови.

Власть владельца СМИ в России прекрасно продемонстрировали во время парламентских выборов – захватили ведущий канал, поставили информационного киллера и “расстреляли” противника. Журналист здесь – в зависимости от своего дара, таланта – может лишь усилить или ослабить власть издателя.

Информационная миссия СМИ? Да, это составная задача прессы, но у нас слишком большая категория читателей, слушателей, зрителей, которые хотели бы слышать не просто информацию, но и оценку, ибо сами не могут в ней разобраться. У нас любят комментарий, тем более – остроумный.

ВРЯД ЛИ СТОИТ противопоставлять в конвенции роль проблем морального выбора – набор минимальных профессиональных требований. Они неразрывно связаны. Может быть, надо их выстроить так, как связаны общие конституционные принципы и развивающие их законы.

Без размышлений о моральном выборе конвенция сведется к голой прагматике. Однако не менее важно договориться о вещах более простого смысла, о минимальных стандартах, которые ты обязан выполнять без особых размышлений. О том, что выполнить по силам буквально каждому из нас. Надо договориться, например, о том, что в наших публикациях не может быть места хамским выражениям; что не будем заслуженного строителя, проработавшего пятьдесят лет на стройке, учить, как ему нужно строить; договориться о рамках, за которые никто не должен выходить. Эти требования может выполнить любой журналист.

В таких простых вопросах можно достичь большего единодушия, тем более под угрозой того, что человек, который этого минимума не соблюдает, становится изгоем сообщества журналистов. Например, в предвыборной борьбе не пользуйся непроверенным документом, в противном случае – будешь человеком, которому я руки не подам.

ИЗ ПРЕДЛОЖЕННЫХ на выбор моделей этической комиссии в отдельном виде не уместна ни одна. Комиссия только из профессиональных журналистов? Вряд ли они смогут договориться до общего подхода. Здесь надо синтез искать.

На мой взгляд, комиссия должна состоять из журналистов, издателей и из самых уважаемых людей общества, авторитет которых безусловно высок. Чтобы на 100 процентов быть уверенным в их порядочности, чтобы они были моральными авторитетами, умудренными опытом, понимающими жизнь. Для меня, например, таким был Виктор Иванович Муравленко. Среди врачей, педагогов, технической интеллигенции, среди ветеранов, да и среди молодых можно найти таких людей.

Этическая комиссия – своеобразный суд присяжных, которые будут давать оценку: хорошо это или плохо, кто прав, кто виноват. Если виноват, от имени комиссии можно обратиться к издателю с просьбой убрать этого человека из газеты или вынести предупреждение.

Но – еще раз – у такой комиссии “на вооружении” должен быть кодекс и журналистов, и издателей, два взаимосвязанных кодекса. Если издатели между собой не согласуют правила игры, то самый идеальный кодекс для журналистов будет неэффективным.

В. А. Зайцев

**“...ЖУРНАЛИСТ НЕ МОЖЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНО СОСТОЯТЬСЯ,
ЕСЛИ ДЛЯ НЕГО НЕ ЗНАЧИМА ТАКАЯ ЦЕННОСТЬ, КАК ПОРЯДОЧНОСТЬ”**

В КАКИХ ситуациях перед журналистом встают вопросы профессиональной этики? Вот последний пример. В Чечне погибли сотрудники Тюменского ОМОНа и наш коллега Саша Ефремов. И некоторые тюменские журналисты поспешили взять интервью у родственников погибших. Этично ли прийти в дом к убитой горем семье со словами: “Здравствуйте, я журналист. Скажите, что вы сейчас чувствуете?”. Лично я бы такой вопрос задать не смог. Если бы и появился в горестный день на пороге этого дома, то для выражения сочувствия, а не для интервью.

Если журналист позволяет себе подобные вещи, значит, он переступил некий этический порог. Вероятно, журналист считает, что у него есть особая степень свободы или долг какой-то особый – задавить в себе человеческие чувства. И действительно, в последнее время все чаще встречаюсь с подобными суждениями у коллег. В свое оправдание они говорят: “Но это моя работа. Да, это можно осудить, но мы же должны дать информацию”. Тогда я спрашиваю: “Любую информацию? Информацию, полученную любым путем? Разве и так не ясно, какие чувства испытывает человек в таком горе? А тут вы с холодными глазами и выверенными вопросами”. Я лично считаю такое поведение непрофессиональным.

В ОТЛИЧИЕ от многих регионов России, в Тюменской области мы имеем относительно свободную прессу. В других регионах, я знаю, ситуация несколько хуже. Бывает, там разными способами заставляют замолчать голос общественного мнения. У нас же – знаю это и на своем опыте, и из общения с коллегами – губернаторская власть ни коим образом не пытается зажать рот тому, кто хотел бы сказать что-то нелицеприятное по отношению к ней. Правда, не нужно обольщаться и считать, что в Тюмени так будет всегда. Завтра ситуация может измениться: пришел другой человек, с другими установками все будет иначе.

Поэтому полагаю, что для конвенции тюменского журналистского сообщества важны все три мотива саморегуляции, но сегодня более острый – мотив самоочищения “цеха”.

Меня не очень радуют те, кто сегодня приходят в журналистику. Значительная часть новых журналистов попирают наши корпоративные правила. Воспользуюсь не очень корректным сравнением: прежде в криминальном мире был воровской закон, но приходили новые “волки” и говорили: “Мы плевать хотели на ваш закон, создаем беспредел”. Некорректное сравнение, но позволяет понять суть происходящего сегодня. Многие молодые в журналистике исповедуют нигилизм по отношению к принципам профессии. “Это такое время, ребята”, – говорят они. Порядочность для них – атавизм, синоним “синего чулка”. “Это прошлое тысячелетие”, – говорят они.

Я считаю, что настоящий журналист не может состояться, если для него не значима такая ценность, как порядочность, а значит, совесть, Бог, в конце концов. Если журналист нигилистичен по отношению к роли совести и порядочности, то он не станет профессионалом, не станет мастером слова, не сможет завоевать умы и сердца слушателей, зрителей, читателей. Он сможет быть лишь подмастерьем, ибо мастер – тот, кто вкладывает душу. Нет души – то есть совести, порядочности – не будет и мастерства.

КОНЕЧНО, информационная миссия должна для нас быть на первом месте. Мы обязаны информировать население о том, что происходит в эшелонах власти, в милицейском управлении и т.п. Отказал чиновник ветерану в получении льгот, об этом обязательно нужно информировать. Ветеран жизнь положил, помогая государству. А что в итоге? Ветераны ютятся в жалких комнатенках, не могут получить машину. А чиновник, откормленный молодой человек, сидит и думает “про себя”: “не мешайте мне жить”. Избили милиционеры человека на улице, об этом нужно сказать в эфире, потому что нельзя избивать невинного человека.

Но информация информации – рознь. Те, кто говорят о “чистой информации”, лукавят. Информировать необходимо, но, я считаю, что информационная журналистика должна нести поло-

жительный заряд. Знаем ли мы о том, как работают наши ученые, учителя, инженеры? Нет, чаще пишут о бесконечных траншах, которые мы у Запада клянчим и которые неизвестно куда идут. А что мы знаем о врачах, которые не спят, недоедают, но лечат больных? Это же информация, которая может помочь человеку стать человеком. А мы ее не видим на своих экранах, значит, не помогаем нашему зрителю.

Зачем нужно помогать человеку становиться человеком? Вы скажете, что ему нужна просто информация, а уж он сам образуется? Это не совсем так, считаю я. Ведь мы до сих пор говорим: “Необходимо классическое образование”. Мы же не надеемся, что если все подряд знания собрать в кучу: геометрию, чистописание и т.п., то человек сам станет образованным. Ничего подобного. Нужна система знаний. Нужен ментор, воспитатель, тот, кто из ребенка делает взрослого человека, одновременно воспитывая его ум и сердце.

Мы же не хотим, чтобы по улицам гуляли монстры, вурдалаки в образе человека. Мы хотим, чтобы общество состояло из нормальных, гуманных людей, устремленных к чему-то светлому. Значит, должно быть больше информации о тех, кто предпринимает нечто хорошее, конструктивное. Почему сегодня такой информации мало? Во многом потому, что за информацию о преступлениях больше заплатят. Но ведь чем сильнее щекочешь нервы своего зрителя, тем грубее они становятся. Так мы дойдем до боев гладиаторов в центре Тюмени. Хлеба и зрелищ? Тогда всему конец! Рим развалился именно после этого.

НАПОЛЕОН, кажется, сказал: “Плох тот солдат, который не носит в ранце маршальский жезл”. Если молодой журналист бегло прочтя конвенцию, скажет: “Ну, ладно, все понятно”, то это еще не достаточно. Почему?

Нам надо стремиться поднимать человека, делать его лучше. Если молодой журналист увидит перед собой сложную моральную задачу с благородными целями, обнаружит, что для ее решения недостаточно знать лишь основы ремесла, что для того, чтобы стать настоящим профессионалом, надо уметь принимать моральные решения, совершать выбор в трудных ситуациях, он иначе отнесется к конвенции. Поэтому в ней должен быть заложен мотив – стать профессионально выше – в том числе и в нравственном смысле.

Нельзя конвенцию свести к “минимальным стандартам”. Это что – “крошка сын” научился чистить зубы? Но разве это помешает ему стать свиньей? Если овладение “минимальными” стандартами ремесла не подчинить задаче нравственного возвышения журналиста, эти стандарты не остановят его в стремлении стать информационным киллером. Да, я акцентирую крайние случаи. Но в конвенции должна быть задана высокая планка. Уж коли назвался “груздем”, то “полезай в кузов”.

Не высокомерие ли это? Но мы же – люди, а человек – существо, предназначенное для самосовершенствования. Иначе нет смысла пребывания на этой земле. Поэтому нельзя журналиста ориентировать лишь на низкую планку “минимального стандарта”, а дальше – как хочешь. Не как хочешь, а как желательно. Профессионал – это человек, который не может стать профессионалом, если не будет стремиться усовершенствовать все, что он делает.

В ПРЕДЛОЖЕННЫХ для обсуждения двух моделях этической комиссии – просто наладить диалог спорящих сторон или еще и вынести вердикт – заложен дуализм. Если мы “сводим” конфликтующие стороны и пытаемся наладить диалог между ними, это не значит, что мы должны уклоняться от оценки действий каждой из сторон. Мы – комиссия – имеем право сказать свое мнение о том, кто как поступил. Как же в морали без вполне определенной оценки?

Очень ответственно? А если З. написал статью о том, что Б. вчера вечером, будучи в ресторане, напился “в дым”, упал под стол, его забрала милиция и т.д., а на самом деле это не соответствует действительности, – просто З. захотел развлечь читателя или отомстить Б. как своему врагу? Ведь опубликованный материал нанес Б. моральный ущерб. Разве комиссия не обязана твердо указать на то, что З. преступил этические нормы? Комиссия не может уклониться от этого.

Вот почему я бы хотел “скрестить” две модели комиссии.

В. А. Кабакова

**“...КОГДА ПЕРЕД НИМИ ВОЗНИКНЕТ МОРАЛЬНАЯ ДИЛЕММА, -
БУДЕТ ЧТО ПОЛОЖИТЬ НА ДРУГУЮ ЧАШУ ВЕСОВ”**

КОНЕЧНО ЖЕ, журналист не задумывается над морально-этическими вопросами каждый час. Скорее всего, он думает о том, как бы соблюсти правила ремесла. Например, как за короткое время подготовить побольше информации, чтобы она при этом соответствовала элементарным требованиям профессии. Понятно, что правила должны выполняться всегда. Но в практике бывает

иначе. Здесь и приходится решать вопросы профессионально-нравственного толка: встречаться со всеми участниками конфликта или (за отсутствием времени) ограничиться рассказом одной стороны, проверить факт или поверить на слово и как рассказать обо всем объективно. Самое важное и трудное – правильно расставить акценты в материале, для этого нужно обладать всей информацией о деле, что, в свою очередь, достигается выполнением профессиональных правил.

Получается, что несоблюдение элементарных правил журналистики, технологии ремесла может обернуться не только технической ошибкой.

Следование правилам, закрепленным в профессиональном кодексе, особенно важно сегодня. В ситуации вседозволенности (так многие журналисты поняли свободу печати) кодекс мог бы выполнять роль ограничителя, хранителя границ между свободой и анархией. Например, можно ограничить такое важное и нужное качество журналиста, как любознательность.

ИЗ ВСЕХ МОТИВОВ создания этического документа регионального сообщества журналистов (угроза свободе СМИ со стороны власти, угроза свободе самовыражения, разложение внутри журналистского сообщества и др.) самым главным мне кажется то, что наличие принятого кодекса заставит задуматься журналистов, а когда перед ними возникнет моральная дилемма, – будет что положить на другую чашу весов.

Мотив создания кодекса, заключающийся в том, что профессионалам надо бы дистанцироваться от непрофессионалов, мне кажется красивым – и только. Желание профессионалов ограждаться вполне понятно, я согласна с их аргументами, например таким: “чистая совесть – это немало”. Но, пока профессионалы демонстрируют “чистые руки”, читатель или слушатель, тем временем, вкушает плоды деятельности непрофессионала. Если мы говорим, что кодекс (конвенция) – это общественный договор, то в том случае, когда стремимся лишь дистанцироваться от журналистов-непрофессионалов, мы забываем о получателях информации, об обществе как одной из сторон договора.

ТОЧНО ТАК ЖЕ важно не забыть об этой проблеме конвенции при определении миссии журналистского сообщества. В любом договоре стороны оговаривают то, чем они занимаются, – от этого зависят другие пункты договора. Например, если согласиться, что СМИ в Тюмени – объекты рыночных отношений, то содержание документа будет одно, если СМИ стремятся развлекать свою аудиторию – другое...

Определяя миссию, журналист говорит о своих ценностях и ориентирах, которыми он руководствуется в сложных ситуациях, о цели, к которой стремится. Из всех известных миссий журналистики, думаю, важнее всех информационная – миссия реализовать право человека быть информированным.

Мне кажется, что информационная миссия позволяет прессе быть максимально объективной, более свободной. Можно оспорить это положение и сказать, что газеты все равно кому-то принадлежат. Но факт этой зависимости должен регулировать кодекс: журналист обязан выполнять миссию вне зависимости от хозяина. В этом случае этический документ еще и минимизирует зависимость прессы.

ЭТИЧЕСКИЙ документ не должен ограничиваться минимальным стандартом норм, потому что деятельность журналиста – это не только “точная, сбалансированная, достоверная информация”, но и решение не “технических” проблем.

Например, врачи: не только лечат больного, но и общаются с ним, с его родственниками, пользуясь не столько медицинскими знаниями и умениями, но и проявляя свою профессиональную этику.

Так же и в работе журналиста. К примеру, в газете появилась безупречная с точки зрения правил публикации информация о краже электросчетчиков. Оперативный работник сообщил журналисту и фамилии пойманных на месте кражи людей. Журналист сообщает об этом читателю. Но подумал ли корреспондент над тем, стоит ли ему называть фамилии, учел ли, что у “воров” могут быть родственники, дети, ведущие вполне достойный образ жизни? Да и мало ли какие ошибки допускаются в милицейской сводке. И как раз о принципах гуманности в минимальном стандарте не сказано...

Кроме того, минимальный профессиональный стандарт не может предугадать все ситуации, с которыми сталкивается журналист. Вообще-то это и невозможно, и не нужно. Этический документ должен служить подсказкой для решения серьезных проблем, возникающих, например, когда принципы приходят в противоречие друг с другом. Конечно же, существуют общепринятые морально-ценностные ориентиры, которые помогают выбирать правильное решение, но есть ориентиры и профессиональные, есть понятие “профессия обязывает”. О журналистике часто говорят: журналистика позволяет мне удовлетворить свое личное любопытство по отношению к миру. Но, с другой стороны, в редакции часто приходится заниматься далеко не любопытной тебе темой, потому что ты – на работе, потому что неинтересная тебе тема может быть важной для читателя.

В книге Эдмонда Б. Ламбета “Приверженность журналистскому долгу” я прочла определение этических СМИ: это такие СМИ, которые обеспечивают среду, в которой у тех, кто принимает реше-

ние, есть время, поддержка и накопленный опыт, чтобы привести в порядок отношения между тем, что ценно само по себе, и тем, что само по себе не ценно. Так вот, мне кажется, что такой поддержкой мог бы стать профессиональный этический кодекс, содержащий не только правила ремесла, но и морально-этические принципы профессии.

Я СДЕРЖАННО отношусь ко всяким этическим комиссиям, хоть и не знаю, как они работают. Мне кажется, что самая эффективная комиссия – это редакционная “летучка”. В той же книге Ламбета наткнулась на такую статистику: исследования школы журналистики одного университета показали, что существенное влияние на нравственное развитие журналиста в 88% оказала повседневная учеба в редакции, (72% – семейное воспитание, 60% – редактор, 56% – коллеги, 53% – преподаватели журналистики).

Поэтому о “больших” этических комиссиях можно говорить только в идеале. Наверно, в составе такой комиссии должны быть журналисты, правоведы, специалисты по этике (одних журналистов мало, так как корпоративные интересы у них могут доминировать). Но для решения внутрицеховых проблем достаточно одних журналистов. То есть, получается, что должны быть две комиссии: для решения внутрицеховых проблем и для решения общих вопросов.

Е.О. Кох

**“...В КОНВЕНЦИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДВА УРОВНЯ ТРЕБОВАНИЙ:
ТО, ЧТО ЖУРНАЛИСТЫ СЧИТАЮТ НЕПРИЕМЛЕМЫМ,
И ТО, К ЧЕМУ ОНИ СТРЕМЯТСЯ КАК К ИДЕАЛУ”**

В КАКИХ СЛУЧАЯХ журналисты начинают взвешивать для себя, правильно они поступают или не правильно? Сначала появляется интуитивное чувство: что-то не так. Чувство какого-то насилия над собой, над своими собственными моральными установками. И вот, когда оно появляется, начинаются размышления, вплоть до обращения к кодексу. Вопрос в том, что у каждого свои представления, каждый на разном месте споткнется.

Конечно, есть какие-то очевидные случаи, где любой нормальный журналист почувствует моральную проблему. Это происходит, когда возникают противоречия между целью и средствами. То есть, когда, с одной стороны, журналист явно нарушает, пусть не этику, но общепринятые правила вежливости: допустим, критикует кого-то достаточно резко или язвит, иронизирует в адрес какой-то личности. С другой стороны, есть некая общественная польза, некая цель. И в таком случае, как человек он понимает, что кого-то может обидеть, и в то же время считает, что его цель очень важна. Тогда приходится взвешивать.

Почему мне в голову пришла именно ситуация, когда мы кого-то можем обидеть, а не очевидная безнравственность информационных войн, заказных материалов и т.д.?

Потому что заказные материалы пишет достаточно ограниченное число лиц, а большинству журналистов, особенно в таких городах, как наш, приходится сталкиваться с гораздо более приземленными вещами. Ну не приносили мне еще ни разу в жизни пачку долларов, поэтому у меня такой проблемы и не возникало.

В Тюмени не то чтобы очень редко, но некоторые журналисты вмешиваются, я знаю, в конфликты, нападают через свое СМИ на кого-то (или наоборот, защищают) за деньги, и вряд ли они каждый раз воспринимают это как этическую проблему. Наверное, когда-то один раз они ее для себя решили и все.

У меня была ситуация выбора несколько лет назад, когда мне предложили работу, близкую к пиаровской, и я думала: соглашаться или нет. Согласилась. Писала тексты, но не для газеты и не за своей подписью. Утешала себя этим, а также тем, что человек был мне симпатичен. Оправданием было то, что я пишу не для газеты, не подписываюсь и постараюсь в дальнейшем не думать об этом. Просто выполнила некую интеллектуальную текстовую работу и все. Но уже после того, как работа была сделана, деньги получены, я достаточно долго продолжала терзаться сомнениями, поэтому в следующий раз, в подобной ситуации, я отказалась. Но не гарантирую, что поступлю так и в будущем – слаб человек.

Одна из этических проблем, достаточно актуальная для Тюмени, – право на домысел. Есть такой довольно модный жанр, когда пишут о житейских ситуациях, которые, якобы произошли. Совершенно безобидно (имена-то не называются), но действительность искажается существенно. Могу привести конкретный случай, в “Ямской слободе”. Пишет женщина о разговоре, якобы состоявшемся в палате роддома. Одна рассказывает историю о зверюгах-врачах, другая – другую, третью – третью. Чем дальше, тем страшнее. Совершенно очевидно, что материал выдуман, потому что там собраны все расхожие мифы, которые когда-то звучали. Каждая из рассказанных историй может быть где-то и происходила, но передавалась в искаженном виде поколениями женщин. Какой вывод мы можем сделать из этого материала? Что в судьбе каждой женщины есть случай, ко-

гда она сталкивается с таким врачом, жутким и ужасным, и этот врач непременно калечит ее ребенка или ее саму? Но ведь такого же не может быть.

КОНЕЧНО, для того чтобы нормально себя вести, совсем не нужно подписывать какие-то кодексы и конвенции. Но я-то считаю, что эти конвенции – для другого. Мне кажется, что это взаимосвязано с вопросом о журналистских союзах. Напрямую. Для меня естественный путь вступления в журналистский союз – не тот, который принят сейчас: принеси две рекомендации, мы посмотрим и примем. Мне кажется, что решение должно приниматься автоматически: человек берет на себя обязательство выполнять некие правила, под ними подписывается и становится членом союза. Если он эти правила нарушает, то автоматически перестает быть членом данного сообщества, и за него оно больше не поручается. Такого рода хартии, кодексы, конвенции, своды правил и норм – это сито, с помощью которого подбираются люди, готовые быть в одном союзе, или отторгаются от него.

Мы не можем своим кодексом кого-то другого заставить его выполнять. Мы можем только дистанцироваться от тех людей, которые, на наш взгляд, ведут себя неподобающе. То есть мы больше не обязаны выслушивать обвинения, что журналисты все такие, как какой-нибудь там злодей, который эти правила не выполнял. Этот злодей – не член нашего союза, мы его в свое сообщество не принимаем, мы не можем отвечать за него. И грехи разделять не готовы. И защищать этого человека не будем, если он не прав.

Опасность того, что кто-то начнет надзирать за журналистами, сейчас очень актуальна. Но если бы мы сами за собой следили, если бы опасность и возникла, она бы не была поддержана обществом. А сейчас большая часть его согласна с требованием ввести цензуру. На самом деле, если бы у нас внутри были более жесткие требования и правила, общественное мнение было бы на нашей стороне.

И еще: кодекс – это какая-то помощь в случае, если перед журналистом стоит этическая проблема, потому что принимать решение приходится очень быстро. Например, я села писать о событии, которое только что произошло, мне надо сразу принять конкретное решение. В этом случае я не должна “изобретать велосипед”. Конечно, я не буду листать кодекс, но то, что я с ним когда-то ознакомилась, поможет.

СЛОВО “функция” мне нравится больше, чем “миссия”. Функции газеты бывают достаточно конкретно сформулированы ее учредителями. Освещать, например, работу городской администрации (в подтексте: освещать положительно). Насколько жестко эта функция закреплена, это уже отдельный разговор. Слово “миссия” слишком пафосно. “Социальная роль”? Возможно, это подойдет. В общем, наверное, не столь важно, как это называть. Наша задача – объективно отражать действительность.

Это не значит, что нужно ограничивать себя только информированием. Допустим, пришла я на заседание городской думы и написала только: состоялось заседание, депутаты то-то и то-то сказали, приняли то-то, то-то. Нормально? Но я вижу свою задачу не в том, чтобы пересказать то, что произошло. Каждое событие имеет общественный контекст, оно чаще всего задумывается как спектакль, и люди добиваются какого-то впечатления у зрителей. И если говорить о событии вне контекста, не добавив к рассказу чего-то, что, может быть, широкому кругу читателей неизвестно, не дополнить каким-то анализом, то картинка получится искаженной. Парадокс: если подавать голый факт, то картина искажается. Нужна обязательно связь с другими фактами, а никто, кроме журналиста, не может их связать, потому что никто так подробно, кроме специалистов, не следит за той же городской думой. Кому это надо?

Я БЫ НЕ СКАЗАЛА, что на Западе все построено на праве, а у нас – только на морали. Мне иногда приходится спорить с людьми, не имеющими отношения к журналистике. Когда они осуждают кого-то из моих коллег, а я с ними не согласна, чаще всего я привожу один аргумент: журналист не нарушил Закон о печати. В действительности же к праву журналист обращается первым делом. И мы всегда ссылаемся на закон, когда обороняемся от критики.

Другое дело, что право-то у нас далеко несовершенно, иногда не правильно, скажем так. Не всегда оно совпадает с моралью. Ну, а кодекс, по-моему, изначально пишется с точки зрения морали, иначе был бы не нужен, если уже есть закон.

Конечно, язык кодекса должен быть точным, настолько же, насколько точен язык закона. Он должен быть понятным и исключать какие-либо двойные толкования. Правда, такое буквоедство, как в юриспруденции, здесь неуместно. На самом деле – кого мы хотим обмануть? Я вот не представляю ситуацию, когда журналист, явно нарушивший какие-то этические требования, будет ссылаться, как это бывает в праве, на то, что вот тут запятая не так стоит, значит, он ничего не нарушил. Мне эта ситуация кажется абсурдной.

ЛЮБУЮ ИЗ НОРМ, которую мы хотим позаимствовать из западного кодекса, должны, безусловно, примерить на себя: до некоторых мы просто не доросли, другие – не соответствуют условиям жизни. Ведь известно, что когда кодекс слишком жесткий, он будет заведомо нарушаться.

Правила должны быть приемлемыми и выполнимыми для большинства журналистов, нарушение кодекса – достаточно исключительным случаем, хотя некоторое повышение планки, по сравнению с обычным поведением, должно быть, но совсем небольшое.

Например, писать заказные материалы – однозначно плохо. Это – минимальный стандарт. Не продавайся – первая заповедь, хотя она не первая. Первая – пиши правду, а из этого вытекает все остальное. Но есть масса промежуточных ситуаций, в которых этот стандарт уже не минимальный. И если “задрать планку” до потолка, то нам вообще никогда, ни при каких обстоятельствах не писать рекламы, не совмещать свою профессию с должностью пресс-секретаря, а у нас большинство журналистов так и делают.

Нельзя такого пока запрещать, иначе большинство журналистов в данной ситуации окажутся “несоответствующими стандарту”. Но они все равно будут вынуждены зарабатывать рекламой или пиаром, испытывая при этом моральный дискомфорт. Поэтому лучше пока такого совмещения ролей не запрещать. А тот, кто считает для себя возможным самозапрет, тот и будет его выполнять.

В западных газетах это требование уже обязательно. В некоторых газетах Уставом, как я помню еще по университету, запрещено не просто самому писать рекламный материал, пусть даже деньги не ты получишь, а редакция, но даже общаться с сотрудниками рекламного отдела. Для нашей сегодняшней действительности это требование слишком жесткое.

Я думаю, что необходимо развести два документа: “минимальный стандарт”, о котором говорит Ю.В. Казаков, – вполне приемлемый в роли кодекса организации, ассоциации, – и этическую теорию журналистики, которая не обязательно должна быть сформулирована в кодексе – ее журналист должен просто знать. Должен знать о высоких планках, которые не записаны в кодексе его ассоциации, но показывают, что – в идеале – журналист должен быть таким-то и таким-то (белым, пушистым и с крыльями). Если в кодексе должны быть записаны минимальные требования, то в учебнике по журналистской этике – показано то, к чему журналист стремится.

Может быть, эта “высокая планка” должна быть задана той же конвенцией, но все равно нужно четко разделить два уровня требований: журналисты заявляют о том, что они считают неприемлемым то-то и то-то и стремятся к тому, чтобы поступать так-то и так-то.

ДОЛЖНА ЛИ в этической комиссии быть только своя “цеховая” братия или нужны еще и представители гражданского общества? По-моему, самим журналистам будет проще, если в комиссии будут внешние наблюдатели, потому что, как бы мы ни стремились к объективности, достичь ее трудно.

Поэтому, кстати, я вообще пугаюсь идеи такой комиссии: у нас все построено на личных отношениях, и я не знаю, где мы наберем таких святых людей, которые смогут не зависеть от них.

Большой вопрос – для чего комиссия? Кто будет в нее обращаться? Недавно риэлтеры, специалисты по недвижимости, создали этическую комиссию. Создали прежде всего для того, чтобы в нее могли обращаться клиенты с жалобами на риэлтеров. И наша комиссия, наверное, только в том случае будет иметь смысл, если в нее смогут обращаться со своими претензиями читатели и зрители. Если мы говорим о том, что должны решиться на саморегулирование, пока нас не “отрегулировали” сверху, то комиссия должна быть обращена к защите получателя информации. С другой стороны, если журналист прав, кто-то должен объяснить обиженному, что все нормально – никто его обижать не собирался.

В.С. Кузнецов

«...МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН НУЖЕН, ЧТОБЫ МЫ ПОМНИЛИ: РАБОТАЕМ В ОДНОМ “ЦЕХЕ”»

ВОПРОСЫ профессиональной этики всплывают ежедневно. Один из них возник буквально за 15 минут до этого интервью.

Выборы уже закончились, подведены итоги, а у нас вопрос: надо или не надо давать материалы одного автора. Материал был предложен накануне выборов, но по каким-то причинам не прошел, и сейчас этот журналист считает, что все равно его нужно поставить на полосу, потому что он несет в себе некий заряд. Автор, тем более, наш постоянный автор, разумеется, имеет право на публикацию и до выборов, и после выборов – ведь жизнь продолжается. Но сейчас это выглядело бы довольно нелепо, что называется “после драки замахали кулаками”. До выборов материал сыграл бы роль детонатора общественного мнения, а сейчас... просто “пшик”.

Морально обостренные вопросы приходится обсуждать повседневно. Тем более – сейчас, когда мы трансформируемся из обычной и привычной общественно-политической газеты в газету парламентскую. Это связано с новой моделью газеты – как трехпалатного парламента, – где бы на

равных имели право слова три субъекта отношений: избиратель, депутат, журналист. Такой равносторонний треугольник.

ПОЛАГАЮ, ЧТО мировой опыт создания сводов норм, кодексов убеждает в необходимости создания таких документов для отечественных журналистов. В том числе для тюменских. Ведь речь идет о деловом поведении, которое, в отличие от личного общения, предполагает особую ответственность. Как известно, на Западе даже личные отношения – супружеские – закрепляются контрактом.

Кстати, ханты-мансийские журналисты заключили соглашение о том, чтобы на выборах работать честно, “чистыми руками”. Подписались редакторы всех городских, окружных газет, руководители телерадиокомпаний. И это важное решение, особенно для такой сложной области, как наша, которую делят не в Тюмени, а в Москве, я это называю “арбатские эмираты”. К этой дележке привязаны “центральные” политики, и региональные власти попадают в свою очередь в мясорубку проблем. Естественно, попадаем и мы – вместе со своими учредителями.

На уровне отношений чисто товарищеских у нас, журналистов трех субъектов РФ, нет неприязни: мы друг друга знаем, помним, уважаем. Но в периоды политических обострений в области каждый из нас, работающих в СМИ трех субъектов, говорит: «Старик, мы с тобой друзья, но ты понимаешь, если я не выпущу такую-то передачу, а эту, наоборот, не “зарублю”, у меня возникнут проблемы». И действительно, если ты хорошо устроен в этой жизни, боязно делать то, что, по воле учредителя, может отразиться на твоём реальном благополучии. А вдруг?

Как это связано с кодексом? Нам нужен свой моральный закон, чтобы мы помнили: работаем в одном “цехе”. Все – и мастера пера, и подмастерья, – вкалываем вместе. Чтобы не радовались, когда у другой газеты какие-то неприятности, материальные или моральные, не пользовались возможностью “подкусить” друг друга. Это вообще противоестественно – радоваться чужому горю. И раньше у журналистов такого не было, мы были едины.

Понятно, почему ослабевает профессиональная солидарность: ограничены источники финансирования СМИ. Толкотня у бюджетной “кормушки” все круче и круче. И мы уже начинаем забывать, что все мы одной крови, начинаем жаждать крови сородичей.

ОДНО ВРЕМЯ казалось, что такой мотив саморегуляции “цеха” через кодексы, как защита от внешней угрозы свободе слова со стороны власти, ушла. Но, возможно, она уже возвращается. В виде политики властей в отношении СМИ по принципу “разделяй и властвуй”. Когда была единая область, существовало единое экономическое, политическое, финансовое, психологическое, этническое и т.п. пространство, особой внешней угрозы для наших СМИ не было. А сейчас молодое поколение журналистов вообще не понимает проблем, которыми “болела” тюменская журналистика старшего, да и нашего – среднего – поколения, жившего в единой области, отдавшего лучшие годы освоению месторождений нефти и газа. Некоторые северные журналисты упрекают нас в покушении на их свободу с помощью наших “тюменских” мерок.

Хорошо еще, что в нашей, например, газете в большинстве своем работают те, кто еще готов вернуться к своим прежним героям, к адресам прошлых командировок. Они еще помнят, что журналисты – часть тех, кто осваивал Север. Но многие молодые журналисты, которые приходят в редакции после вуза, считают самым северным районом у нас в области – Вагайский.

Поэтому кодекс, сплывающий тюменских журналистов, нужен не только старшему и среднему поколениям, но и молодым. Был период, лет пять назад, когда у нас на журналистском отделении почти не было студентов с Севера. Сейчас такие студенты вернулись. Видимо, появилась новая потребность. И хорошо, если бы они смогли принести из Тюмени какие-то идеи к себе “на севера” – как ласточки несут весну в свои края.

КАЖДОЕ ВРЕМЯ порождает свою модель миссии СМИ. Поэтому осуждать прессу за прошлую ее миссию “приводного ремня” легче всего тем, кто не побывал в той “шкуре”, когда над СМИ довлела идеология.

Отметать все модели “с лета” неуместно. Но наша газета ориентируется на модель “масс-медиа”, на роль посредника между депутатами и избирателями. Что не мешает ей быть равноправной стороной “треугольника”.

Если страна строит правовое государство, если на каждом заседании областной Думы принимается порядка пятидесяти законов, важно, чтобы в этот процесс были включены и избиратели. Они должны знать, ради чего их избранники работают в своих комиссиях, какие законопроекты готовят, как их принимают на Думе, какие вносят поправки и т.п.

Но мы не сводим свою роль только к информационной. Мы не просто публикуем документы Думы или показываем процесс нормотворчества, нам важно на этапе подготовки документа учесть общественное мнение, а после выхода того или иного закона проследить за его применением. Ведь только когда закон начнет “работать”, избиратель может почувствовать эффект от деятельности областного парламента. И журналист причастен к тому, чтобы от действия каждого закона рядовому человеку стало лучше.

Кстати, в этом смысле можно нас называть и “приводным ремнем” Думы. Но и “приводным ремнем” от избирателя к Думе.

АВТОРЫ ПРОЕКТА предлагают поразмышлять о месте проблемы морального выбора в будущей конвенции. Что должно доминировать в ее содержании – минимальные стандарты или более сложные ситуации выбора?

Во-первых, стоит понять: если человек соврет в малом, то соврет и в большом и, наоборот, если он честен в малом, то честен и в большом.

Во-вторых, наверное, журналист не должен работать в атмосфере постоянного выбора, непрерывно испытывать трудные ситуации. Навоевались – хватит. Наоборот, он должен чувствовать себя комфортно. Нормально. “Нормально”, кстати, мое любимое слово.

Пока же мы работаем в условиях ненормальной заработной платы. А страшнее голодного журналиста нет ничего, только голодный лев в пустыне. Но если встретятся голодный лев и голодный журналист, я льву не позавидую.

В-третьих, в конвенции надо обязательно зафиксировать минимальный стандарт профессионального поведения, минимальные нормы профессиональной этики. Но этический документ должен и вести за собой, открывать в нас то, что мы, может быть, и сами еще не готовы сформулировать в виде требований. Мы должны понять, что важно учитывать не только сегодняшний день, но и стремиться вперед.

ИЗ ДВУХ ВАРИАНТОВ этической комиссии я бы предпочел тот, который подразумевает работу в ней людей, связанных одной профессией – журналистикой.

Мы народ вообще-то не глупый и сами все прекрасно понимаем. Да и с точки зрения этики не стоит выносить “сор из избы”. Кому лучше от того, что мы будем вытаскивать этот сор каждый из своей редакции?

Наоборот, надо чтобы комиссия по этике стремилась к примирению конфликтующих журналистов. Пусть даже это чрезвычайно трудное дело. Вспомним, как Сергей Александрович Фатеев пытался примирить двух коллег, которые раньше сидели через стенку, а потом судьба их развела, сделала противниками. Пусть первый опыт вручения “трубки мира” оказался неудачен – противники не пришли за ней, но все равно надо нас мирить.

И не надо понимать этот подход как “круговую поруку”, дурную корпоративность, думать, что мы должны друг друга защищать независимо от наших проступков. Речь идет о том, как комиссия поможет нам повысить требовательность к самим себе. И эта требовательность должна быть выше, чем у человека другой профессии.

Судьба большого – в руках врача, но это судьба одного человека. Не дай бог, одну судьбу он загубил, вторую загубил, но в следующий раз комиссия его дисквалифицирует. А нас читают, видят, слушают не один человек, а тысячи, десятки тысяч, миллионы. И за каждое наше слово, действие, подход к факту ответственность сверхвелика, любое наше слово или действие расходится такими кругами, что и сами себе не можем представить. Вспомним, чего натворил тот же Доренко. Когда человек становится говорящей головой, граммофончиком, в который бросили монетку, большую монетицу, сколько же он может наделать зла!

А.К. Омельчук

“...САМОЕ ВАЖНОЕ, ЧТОБЫ КОНВЕНЦИЯ ЗАКЛАДЫВАЛА ОСНОВУ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, ЧТО - ПРАВСТВЕННО, А ЧТО - БЕЗПРАВСТВЕННО”

ЭТИЧЕСКУЮ проблематизацию журналистской практики можно обнаружить уже в самом заурядном факте, когда, например, журналист, собирая какую-то информацию, вмешивается в жизнь людей, в том числе в те ее сферы, о которых они могут говорить журналисту, могут и не говорить. Эти стороны жизни несут личный характер, а неосторожным словом, непониманием можно задеть и обидеть человека.

Например, на днях я был свидетелем такого эпизода: сидят молодая мама, ее дочка – лет десяти – и пожилая женщина, как выясняется, крестная. И вот эта крестная с улыбкой на лице говорит ребенку: “Машенька, это что у тебя с ушком? Какое-то оно прижатое. Это же физический недостаток”. Всё, в девочку заронили уверенность, что она уродлива. И это было сделано близким человеком, который поступил безнравственно, не ощущая, что закладывает комплекс, а может быть и ломает девочке жизнь (например, она не выйдет замуж из-за неправильного уха). “Спасибо” крестной.

Так же и слова журналиста, неосторожное слово которого может вызвать внеморальный эффект, причем еще более сильный, учитывая что его слово – публичное.

Может быть, поэтому иногда журналисты говорят наработанными штампами, которые, казалось бы, никого не затрагивают, но это форма защиты журналиста, опасющегося задеть личностный суверенитет. Вот он и обходится набором словесных конструкций, позволяющих выдавать информацию без ущерба для личности человека, которому она посвящена.

Есть тысячи неявных этически напряженных ситуаций. Мы, руководители СМИ, хорошо это знаем. Сейчас обиженные люди стесняются нам звонить, но ведь каждое неосторожное слово журналиста очень ранит – особенно когда дана неточная оценка и личности, и ее поступка.

К ПРЕДЛОЖЕННЫМ для размышления мотивам создания конвенции добавлю еще один, с него и начну. Сегодняшняя Россия, отставшая от мира во многих отношениях, в том числе и в поисках нравственного пути, хотела бы вписаться в мировую цивилизацию – по политическому строю, по уровню демократии. И журналисты тоже понимают, что есть цивилизованная журналистика, характеризующаяся ответственной свободой. И стремятся чувствовать себя журналистами цивилизованного уровня.

Тюменский журналист моего возраста – скорее не журналист, а агитатор, горлан, главарь, батрак. Да, он стремился к профессионализму, но был идеологизирован, занимался административной физиологией: лизал разные задницы, причем искренне и самозабвенно. Разве эта самозабвенность имеет отношение к журналистике?

Но сегодня такой журналист хочет посмотреть: какими же канонами определяется настоящая журналистика, как в этом свете выглядит то, чем он всю свою проклятую жизнь занимался. Мне интересно почитать кодекс Би-Би-Си и посмотреть, насколько он расходится с тем, что я делал на протяжении своей сознательно-бессознательной жизни. Это важный мотив для журналиста, сформировавшегося в условиях социалистического строя.

Работать не по уватскому или югорско-селькупскому кодексу, а чувствовать принадлежность к мировой категории журналистов, свою вписанность в мировую корпорацию журналистов. Это ли не мотив работы над нашей конвенцией?

А вот высказываемое многими коллегами опасение за судьбу нашей профессии, которой, по их мнению, угрожает грядущий новый хам, не кажется мне достаточно реальным мотивом активизации саморегулирования “цеха”. По-моему, за этим опасением стоит иное – старшие поколения цепляются за руины, за обломки своих жизненных представлений, считают их окончательной истиной жизни. Для них то дерьмо, которым они занимались всю жизнь, – это традиция, которую нельзя нарушить. Как же они могут себе позволить по-другому смотреть на жизнь, как они могут позволить другим не покупаться в нашем дерьме, которому мы посвятили свои незаурядные и единственные жизни?

Радуюсь свободе, раскованности, а иногда и безоглядной смелости молодых журналистов. Я бы так не написал. По-моему, если молодой журналист уже обременен той трусостью, какая скопилась в моих коленках за годы работы, – это уже не журналист. Они начинают правильно – начинают с безудержной свободы. А уж потом сами поймут, что такое ответственная свобода, что нравственно-безнравственно, можно ли писать о каком-то несчастном случае, причиняя боль другому.

Пусть старшие поколения цепляются за свои рутинные представления и называют это традицией. Но не навязывайте этого молодым: достаточно, что переживали мы, несколько поколений. Любое новое поколение ищет свой путь, и часто нравственнее могут быть те, кто смелее, а не те, кто гордится своей трусливой разумностью.

Будем честными: этих молодых учили взрослые. Значит, учителя говорили одно, а делали другое. И если молодые отторгают ценности старших поколений журналистов, – значит за дело.

КАК РУКОВОДИТЕЛЬ телерадиокомпании я сформулировал для нее триединую задачу: информирование, утешение и размышление. Речь идет о том, что телевидение и радио могут нести через разные жанры непредвзятую, честную, по возможности, объективную информацию; утешение духа человека и – что не входит в классификацию задач СМИ других стран – размышление и осмысление. Мы живем в реформируемом обществе, да еще и на переломе времен, на разломе тысячелетий. С помощью СМИ мы должны сообща поразмышлять и осмыслить себя в этом мире, этот мир – в нас самих.

Можно предположить, что миссия информирования ориентирована на 50% нашей аудитории, утешения – на все 100, осмысление и размышление, может быть, на 5% (все-таки осмысление дается для телерадиоаудитории труднее всего). Но, на мой взгляд, эти три миссии может нести и в целом корпорация, и каждый журналист отдельно взятый.

ЧТО ВАЖНЕЕ для кодекса: проблематика морального выбора, напрягающего сознание журналиста, или минимальные стандарты, не требующие особого размышления? На мой взгляд, поведенческие нормы малоэффективны, если они не прошли в сознании человека этап осмысления и взвешивания, не стали итоговым выводом. Просто согласиться следовать требованиям – не очень надежный путь в мире морали. Надежно ли было решение “крохи сына” – “буду делать хорошо и не буду плохо”, – услышавшего от своего отца элементарные стандарты хорошего поведения? А что он будет делать с отцовскими прописями в сложном, противоречивом мире?

В кодексе важнее моральных стандартов понимание человеком того, как действуют нормы. Самое важное, чтобы кодекс закладывал основу для размышления о том, что – нравственно, а что – безнравственно. Например, сегодня мы не можем дать однозначную оценку действиям журналиста Бабицкого. Может быть, с нашей, конъюнктурной, точки зрения это безнравственно, но с точки зрения высшего разума в его действиях доминировала позитивная нравственность. Кодекс должен ориентировать журналиста на оценку событий и поступков не с точки зрения сегодняшней правды, а исходя из высших ценностей.

ВООБЩЕ-ТО эти два слова – “этическая” и “комиссия” – несопрягаемы. Давно замечено, что больше всего учить нравственности любят глубоко безнравственные люди – они сублимируются “на полную катушку”. Человеку, который решит войти в состав этической комиссии, надо проверяться у психоаналитика в течение пяти лет: как можно оценивать нравственность кого-то – ведь этим ты поднимаешь себя над другим человеком, что уже безнравственно. Заседание комиссии – это собрание Богов?

Любое произведение журналиста может быть подвергнуто профессиональной критике со стороны коллег, руководителей, общественности. И этот процесс конкретной критики может быть освоен журналистом – принявшим или не принявшим критику – вплоть до моральной самооценки.

На мой взгляд, достаточно практики профессиональных разборов, кстати, тоже очень уязвимых для ранимой творческой души. Но чтобы критикой занималась именно этическая комиссия?!

Мораль, нравственность проистекают из профессионального понимания долга. Моральный вывод человек должен извлекать для себя сам.

Ю.И. Пахотин

“ИЗ ВСЕХ МОТИВОВ СОЗДАНИЯ КОНВЕНЦИИ ВАЖНЕЕ - ЗАЩИТА ОТ МАССЫ НЕПРОФЕССИОНАЛОВ В САМИХ СМИ”

НА МОЙ ВЗГЛЯД, журналист задумывается над тем, этичен или не этичен его собственный поступок или поступок другого журналиста в зависимости от того, насколько он знает Евангелие, знаком с нормами человеческого общежития, профессиональной этики. Но есть такие журналисты, которые ориентируются на другую “мораль”: все, что целесообразно и за что платят, то и морально. Сегодня это достаточно широко проповедуемая “профессиональная этика”.

Обычно журналист ставит перед собой вопросы морального плана в ситуации явного нарушения нормы. Например, когда ему предлагают: “Вот готовый материал, дай его за своей подписью”. Даже если ты согласен с содержанием этого материала, можно ли отдать свое имя?

Или приносят тебе материал и говорят: “У нас нет соответствующих подтверждающих документов, но у нас достаточно оснований, чтобы выдвинуть определенную версию про того-то и того-то”. Морально или не морально публиковать этот материал, основываясь лишь на доверии к тому, кто его принес?

Или ты публикуешь материал о событии в коллективе, относительно которого коллектив раскололся: одна половина думает так, другая – иначе. На чьей стороне журналист? Как выбирать: на основе своих симпатий-антипатий, своих нравственных чувств, опираясь на некий профессиональный кодекс?

АВТОРЫ ПРОЕКТА предлагают мне выделить доминирующий мотив создания тюменской этической конвенции, при этом напоминая, что, лет пять назад, я высказывал скептическое отношение к роли профессионального кодекса СМИ.

У нас сейчас такая странная жизнь – ситуация постоянно меняется и меняется кардинально. Жизнь опережает все самые дурные, кошмарные сны. Я имею в виду массовое явление так называемых “новых журналистов” и так называемых “новых СМИ”, что заставляет меня представлять о “цехе” и его проблемах. Вспомним анекдот советских времен о партсобрании, на котором человека исключают за какой-то проступок из КПСС. Поднимается один из участников собрания и говорит: “Не надо засорять ряды беспартийных”.

Сегодня собственно журналистов стало меньше, чем так называемых “новых”. И нормальных, профессиональных изданий тоже стало меньше. Есть, допустим, пять изданий, на которые все могут сослаться, которые все цитируют. И больше трехсот изданий, о которых никто не знает, а они уже наступают, массированно, большими тиражами, их навязывают, рекламируют и потому они заглушают голос нормальной прессы: как говорится, пустая бочка громче гремит.

И для того чтобы сказать: вот здесь – мы, а здесь – они, нужен, во-первых, наш союз журналистов. Несколько лет пробивали эту идею и, наконец, объединились. Во-вторых, необходим какой-то этический документ, принятие которого дало бы нам возможность дистанцироваться от всех, кто не приемлет нормы профессиональной морали, сказать: “Вы нарушили кодекс и не може-

те называться журналистами, поэтому мы публично заявляем об этом нашим читателям, зрителям, слушателям, которые пока еще считают вас журналистами”.

Мне кажется, это основной мотив создания конвенции. И он важнее даже, чем внешняя угроза “цеху” со стороны власти в виде некоего “Высшего совета по этике”. Ведь если “цеху” навяжут какие-то нормы и правила, которые не свойственны сообществу, оно их никогда не примет. Наш мотив – защитить читателей. Кодекс поможет нам поставить “знак”: это издание – нормальное, а это – нет, это – журналист, а это не понятно кто, вернее, очень понятно.

Уж таково до сих пор сознание наших людей: они верят написанному. Для них слово журналиста имеет вес. И мы хотим, чтобы имя “журналист” было надежным, чтобы, подписывая материал, журналист нес ответственность перед читателем. Чтобы он мог сказать ему: я могу ошибаться, но я писал искренне, я соблюдал нормы профессиональной морали, принятые сообществом и нашими гражданами. Чтобы читатель знал: журналист, который врет, преднамеренно искажает факты, на самом деле не достоин этой профессии, он специально использует свое ремесло для того, чтобы манипулировать людьми, спекулируя на популярности и авторитете, которые заработали в глазах народа настоящие журналисты.

КАКУЮ МИССИЮ может декларировать наше журналистское сообщество? Для меня лично вопрос о миссии – это самое сложное. Бывало, что я месяцами ничего не писал, ибо не понимал, что происходит, в чем наша роль заключается? Я пришел к выводу, что журналистика не может быть объективна, в том смысле, что журналист в своей работе идет от собственного понимания профессиональных норм и правил, от своих убеждений, воспитания. Уже сам выбор информации – субъективизм. Вот у меня на столе лежит где-то 50 – 60 информационных, а я поставлю на полосу только четыре. Выберу на свое усмотрение, а не на вкус заказчика, кто бы им ни был. Он может заказывать лишь тенденцию.

Что значит выбирать на свое усмотрение? Прежде всего, это то, что, на мой взгляд, полезно, интересно, важно для читателя. Кроме того, это от имени читателя заданные вопросы, не обязательно власти, но и врачу, пожарному, милиционеру, закройщику – кому угодно. Ведь мы – “посередочке”, посредники, мы – “слуги народа”. Не в буквальном смысле, когда с полотенцем через руку: “чего изволите?”. А в высшем смысле, как говорят, например, про избранного депутата. Мы не “сторожевые псы демократии”, как говорят за рубежом, а именно – слуги народа: от его имени я задаю вопрос, от его имени требую.

Мы слуги – и мы власть. В том смысле, что можем требовать информацию. Закон о СМИ позволяет это делать. Простому человеку очень сложно попасть на прием к губернатору, мэру города, их замам, другим начальникам. Нам тоже сложно пробиться, но у нас есть на это право, мы обязаны пробиться. Пробиваемся не для себя – поэтому у нас моральный перевес. И когда меня не пускает кто-то в свой кабинет, я не шум поднимаю, а говорю: “Я вам плачу деньги, мой читатель вам платит, мы вас содержим. Вы обязаны по первому требованию предоставить эту информацию. Без этого я не выполню свой долг. Не просто не реализую право на информацию, но именно профессиональный долг нарушу. Вы нарушаете закон и я подам на вас в суд”. Когда так объясняешь, они идут на контакт, дают информацию.

Получается, что я выстроил конфигурацию из нескольких миссий. Возможно, и в конвенции стоит сказать, что мы строим свой ориентир из элементов нескольких миссий?

КАК ОПОЗНАТЬ ситуацию морального выбора, отличить ее? На мой взгляд, просто: когда сталкиваются добро со злом, когда вы можете поступить либо нравственно, либо безнравственно.

Например, когда мне как редактору приносят нормальный материал и я согласен с поставленными журналистом проблемами, единственный мой вопрос относится к стилю: хорошо ли написано, эмоционально ли. Чисто профессиональные вопросы. Ситуация выбора возникает лишь тогда, когда то, что написано в предлагаемом моей газете тексте, – аморально или подано аморально, то есть нарушает нормы профессиональной этики.

При этом люди отличаются своими представлениями о моральном и аморальном. Некто может быть в глазах кого-то абсолютно аморальным, но он – редактор, и это он определяет, какой материал в рамках морали, а какой – нет. И будет “футболить” не соответствующие его духу материалы. Например, у нас есть ампиловская газета. Создатели ее ведь считают, что они абсолютно моральны, ибо стоят “за народ”, а все другие издания – буржуйские, там работают “кровососы”, “перевертыши” и т.д.

Не могу сказать, что абсолютно одинаково понимаем профессиональную мораль – я, Снисаренко, Золотухин, Гольдберг, Горбачев и кто угодно. Не библейские заповеди, а нормы нашего цеха. Но эти нормы дают самую точную, тонкую калибровку.

Что касается ситуаций нравственного конфликта, конфликта между разными ценностями и нормами, то они чаще всего надуманы. Или отражают особенности советских времен, времен дефицита, плохой инфраструктуры. Возникающие в этих случаях проблемы выбора отпадают вместе с развитием инфраструктуры. И вообще люди отличаются от роботов, теряющих сознание в си-

туации конфликта норм, из рассказов А.Азимова. Люди всегда найдут норму, которая оправдывает их деятельность или бездеятельность, иначе у нас не было бы законов, судебной системы.

АВТОРЫ ПРОЕКТА предлагают для обсуждения гипотезу, согласно которой в нашу конвенцию стоит записывать не весь набор принципов и норм профессиональной этики, а только те, которые определяют минимальный стандарт профессионально правильного поведения. Аргумент такого подхода: нельзя от всех журналистов требовать героических или супербескорыстных поступков, завышение планки только навредит делу.

Я думаю, что минимальный стандарт должен войти в конвенцию и состоять из профессиональных требований, очевидных для каждого. Требований, которые всем известны. Но нам надо прописать их в конвенции, чтобы ссылкой на них подкреплять свое стремление дистанцироваться от непрофессионалов.

Например, журналист не может, не ставя в известность руководителя издания, распространять заказные материалы, публиковать материалы из разряда "скрытой рекламы". Журналист не имеет права преследовать с помощью СМИ свои личные интересы, бороться с личными обидчиками, решать свои жизненные проблемы, используя авторитет СМИ и т.п. К сожалению, этим занимаются многие журналисты, сплошь и рядом. Их фамилии мог бы назвать любой их коллега или редактор.

Итак, набор требований, о которых все знают, все о них на летучках говорят, но, поскольку эти требования не записаны в некий кодекс, журналист, получивший замечание редактора, часто считает это субъективизмом.

НА ВОПРОС авторов проекта о целесообразности создания в Союзе журналистов Тюменской области комиссии, которая бы, в отличие от Большого жюри, была по своему составу профессионально-гражданской, мой ответ положительный. Сегодня я уже отошел от идеи сделать комиссию чисто профессиональной, наподобие некоего уставного суда. Она вполне может быть профессионально-гражданской по духу и составу, но при условии, что профессионалы в данном случае не будут действующими работниками СМИ. Это должны быть журналисты-отставники, те, кто не работают в конкретных изданиях, или вольные журналисты, которые продают свою продукцию. Иначе сама комиссия окажется средоточием конфликтов интересов.

Правда, в цивилизованной практике есть метод объявления кем-либо из членов комиссии "конфликта интересов", избавляющего комиссию от скрытого лоббирования чьей-либо позиции. В этом случае и в нашей комиссии участие действующих профессионалов возможно: член комиссии, который представляет конфликтующую сторону, заявляет о своем неучастии в обсуждении, тем самым объясняя свое поведение своей редакцией.

Что касается представителей гражданского общества, то такие члены комиссии должны быть и авторитетами в своей сфере деятельности, и общественно признаваемыми людьми, и, одновременно, людьми, которым доверяют журналисты. Это может быть политик, депутат, художник, учитель. При этом политик не должен представлять какую-либо партию – иначе комиссия будет вовлечена в партийные страсти.

С. А. Фатеев

“...УГРОЗУ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЖУРНАЛИСТСКОГО СООБЩЕСТВА ВИЖУ В МАССОВОМ ЯВЛЕНИИ ЖУРНАЛИСТОВ-БЕСПРЕДЕЛЬЩИКОВ”

ЖУРНАЛИСТ может практически ежедневно сталкиваться с этически акцентированными ситуациями. Например, в связи с добыванием информации. Многие структуры закрыты или полузакрыты, не хотят давать информацию, отказываются отвечать на “щекотливые” вопросы. А тебе эта информация нужна: не для себя, не для личного альбома добываешь новости, а выполняешь профессиональный долг, защищаешь общественно значимый интерес. Лучше всего впрямую приходиться и добиваться встречи, настаивать, ссылаясь на закон о СМИ. Но не всегда прямой путь – самый действенный. Поэтому иной раз вынужден идти на какие-то уловки, выходить на людей, имеющих связи в этих структурах.

Очевидно, что активный процесс такого “пробивания” к информации весьма рискован в моральном отношении: достоверен ли добытый факт? Если нет, значит, информация может оказаться, мягко говоря, неточной, искаженной.

НАСКОЛЬКО важен для тюменских журналистов такой мотив создания конвенции, как угроза свободе слова со стороны властей? На Ямале, я знаю, вообще нет оппозиции, в том числе и в журналистике. В Ханты-Мансийске посвободнее, но и там люди держатся за хороший заработок и опасаются из-за излишнего вольнодумства потерять работу. Значит, есть давление и регулирование “сверху”.

У нас в Тюмени, к счастью, – пока, во всяком случае, – этой угрозы нет. Я и сам ее не ощущаю, да есть и объективный факт: появляются все новые и новые СМИ, самые разные, высказывают различное мнение, не оглядываясь на власть. Вот сегодняшний пример: городское радио Тюмени заявило о том, что проведет акцию в поддержку “Медиа-Моста”. Объясняют тем, что и нам накинут удавку, если будем молчать. Но многие смотрят на это “со стороны”: пусть два олигарха дерутся. Все-таки в Тюмени создан благоприятный демократический климат, пусть и не 100-процентной свободы, но уровень ее достаточный, чтобы каждому изданию самовыражаться.

Угрозу нравственной жизни журналистского сообщества вижу в появлении журналистско-беспредельщиков. В большинстве своем они все-таки из недр журналистов – пишущие и пишущие порой неплохо. Но что-то происходит с коллегами, я не знаю что. И появляются непотребные вещи, которые просто дискредитируют нас в глазах общества. И многие из нашей аудитории то со злорадством, то с ехидцей говорят: “Смотрите, как они между собой дерутся, поливают друг друга”. К сожалению, этот процесс идет по нарастающей. Значит, есть мотив задуматься о рамках, ограждающих нас от таких коллег.

Другой вопрос, будут ли эти рамки действенными? Хорошо, примем конвенцию, правила игры. Но не получится ли так, что эти люди как были, так и останутся “беспредельщиками” и будут заявлять о себе, что они – подлинные журналисты, свободная пресса, которая может писать что хочет и как хочет? И снова будут нарушать границы дозволенного, отбрасывать этические нормы, грязными словами унижать человека. Вспомним Хартию НАТ. Что от нее осталось? Ее растоптали в период избирательной кампании.

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ о профессии в целом, то журналистика осуществляет все, предложенные для нашей экспертизы, миссии СМИ. Эти миссии соответствуют жанрам журналистики.

Есть информационная журналистика – чистое информирование, без оценок. Эта миссия необходима обществу. Другой вопрос, может ли информационная журналистика быть беспристрастной – только сбор и распространение информации? Нет, не может, потому что сегодня каждый материал субъективен. Это раньше был запрет писать от первого лица, говорить “мое мнение”. Теперь каждый волен выражать свою точку зрения, соотносясь с этическими постулатами.

“Приводной ремень”? И эта функция СМИ помогает обществу как можно больше знать о том, чем занимается власть или коммерческая структура.

Какие-то элементы “четвертой власти” тоже важны: журналист должен чувствовать, что его слово может в какой-то момент сыграть важную роль в принятии серьезных властных решений или изменении общественного мнения.

ВСЮ СВОЮ жизнь не считал возможным копаться в чьем-то грязном белье. Поэтому не хотел бы, чтобы наша этическая комиссия занималась такой оценочной деятельностью.

Я склоняюсь к модели консультативного совета, надеюсь, что оказавшийся в конфликтной ситуации журналист – если он не совсем зашоренный человек, если в нем остались капли разума – согласится выслушать коллег, профессионалов. Но опыт покажет...

Правда, опасаясь, что мало кто захочет работать в этой комиссии, и вторая модель, вольноневольно, будет вынуждена решаться на разбор ситуации. И как только заранее представишь себе некоторых фигурантов возможных разборов, сразу захочешь уклониться.

И все же попытка необходима. Хотя бы для того, чтобы молодые журналисты (объявленный “Ладьей” конкурс выявил сотни желающих придти к нам в “цех”) могли увидеть прецеденты этических размышлений и получили ориентиры и критерии того, что принимается, а что отвергается в нашем сообществе.

Это очень важно – на что будут ориентироваться те, кто идет за нами.

2. Обзор материалов социологического исследования

КОРПОРАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ И НОРМЫ СООБЩЕСТВА ТЮМЕНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ (Обзор интервью)

В апреле-мае 2000 года АНКО “Центр прикладной этики: XXI век” в рамках работы над проектом этической конвенции Союза журналистов Тюменской области провел серию экспертных интервью. Задача экспертизы – рефлексия идеи этической конвенции и отдельных элементов модели такой конвенции.

Авторы проекта предполагали, что данная экспертиза – наряду с экспертным опросом, проблематика которого связана непосредственно с моделью конвенции (материалы этого опроса публикуются в виде персональных текстов каждого эксперта), – даст возможность не просто расширить круг участников проекта, представляющих региональное сообщество журналистов, но и сконцентрировать внимание на проблемах, обсуждение которых предваряет работу сообщества над созданием конвенции. Так, авторам проекта представлялось весьма значимым побудить участников интервью к анализу специфической ответственности их профессии, обладающей возможностями, которые и “цех”, и общество в целом должны регулировать с особым тщанием.

В то же время представлялось важным выявить и сравнить те проблемы нравственной жизни “цеха”, которые встают перед журналистом при размышлении о его собственной деятельности и – о деятельности коллег. Тем самым открывалась возможность еще раз вернуть сообщество к анализу “духа” корпорации, ее ценностей и правил игры.

Сообщество, будь то журналистское или иное, предполагает наличие некоторых связывающих его оснований. Эти основания являются продуктами человеческого мышления и существуют только для человеческого мышления, в первую очередь для мышления самих социально связанных людей¹⁰. Социальная связанность, делающая возможным существование сообщества, стремится стать взаимной зависимостью: когда воля одного влияет на волю другого, стимулируя или сковывая ее, либо делая и то, и другое. В этой связи возникает вопрос: можно ли интерпретировать создание этических кодексов профессионального сообщества как документальное выражение и закрепление этой взаимной зависимости? Представляется, что можно.

Однако, в периоды глубинных системных изменений в обществе в целом постепенно меняется и характер связанности внутри профессионального сообщества. Соответственно, эти изменения не могут не коснуться и этических документов, выражающих волю активной части “цеха”. Но прежде они оформляются в сознании этих представителей сообщества как результат индивидуальной рефлексии по поводу своей профессии, ее роли, предназначения в современном обществе и пр.

Способом понимания тенденций происходящих изменений является исследование профессионального этоса, тонко реагирующего на любые социальные изменения. Понятие “этос” адекватно для обозначения “промежуточного уровня между пестрыми нравами и собственно моралью”. Являясь однопорядковым с понятием “хабитус”, “акцентирующим социальную детерминацию поступков, всей линии поведения, давление социальных обусловленностей, ...побуждающих индивида делать нечто и стать кем-то, не будучи в то же время подчиненным необходимости”, это понятие предполагает добровольное подчинение требованиям к поведению, принятым в некоторых социальных практиках. И это позволяет данным практикам приподниматься над уровнем повседневности².

Представляется, что исследования этоса профессионального сообщества в изменяющемся обществе – задача фундаментального исследования. В исследовании, о котором пойдет речь ниже, предпринимается попытка, зафиксировав выделенные путем “внутренней экспертизы” ситуации, побуждающие представителей сообщества к моральной рефлексии по поводу своей профессиональной деятельности, во-первых, увидеть в “полученной мозаике” определенную архитектонику, тип поведения, “правила игры”, избираемые членами сообщества как наиболее соответствующие данной социальной ситуации. Во-вторых, попытаться прояснить, насколько эти правила должны и могут или не могут быть оформлены в некий документ, выражающий волю большинства членов сообщества, каковы мотивы к созданию подобного документа – этического кодекса, хартии или конвенции.

¹⁰ Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3-4. С. 207-227.

² Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос // Тетради гуманитарной экспертизы (1). Медиа-этос: ценности и “правила игры” регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества. Материалы экспертного опроса. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 1999. С.77.

Следует учесть, что основной трудностью всякой попытки интерпретации этических суждений является степень адекватности-неадекватности описания представленных в нарративных текстах реальных ситуаций выбора. Как известно, "...те состояния сознания, которые можно назвать моральными (совесть, честь, стыд, доброе и злое намерение, самоотверженность, подлость, зависть, злоба, ресентимент), скрыты от самого сознания почти непроницаемым экраном защитных механизмов (рационализацией, вытеснением, проекцией, замещением). Даже если человек признает свое моральное состояние, он должен владеть дискурсивными средствами, чтобы найти им адекватное определение. Но конструирование моральных фактов как раз таково, что заставляет давать им неадекватные определения"³.

В рамках общей темы интервью с представителями журналистского сообщества Тюмени было выделено несколько направлений.

1. *Журналист анализирует ситуации, в которых проявляется этичность-неэтичность его профессиональной деятельности.*

2. *Журналист анализирует ситуации, в которых проявляется этичность-неэтичность профессиональной деятельности его коллег.*

3. *Журналист определяет приоритетные мотивы саморегулирования деятельности профессионального сообщества посредством кодекса.*

4. *Журналист предлагает свое видение социальной роли профессии и миссии журналистского сообщества.*

1. Первое из этих направлений предлагало участникам интервью описать и проблематизировать возникшие в реальном опыте ситуации, побуждающие к рефлексии по поводу этичности-неэтичности их собственных профессиональных действий. Вряд ли можно считать случайным, что журналисты прежде всего вспоминали ситуации нравственного конфликта, которые трудно разрешить привычными регулятивными средствами, взятыми из опыта СМИ дорыночных времен.

Так, редактору небюджетной газеты нередко приходится выбирать между необходимостью заработать средства, с одной стороны, и стремлением сохранить репутацию издания – с другой. (*"Об этичности своих профессиональных действий задумываешься, когда приходится искать тех, о ком можно написать, и кто за это может заплатить. Всегда приходится думать о том, правильно ли ты делаешь (у нас бюджетной кормушки нет, приходится зарабатывать), правильно ли ты пишешь, нужно ли кого-то хвалить, не перехваливаешь ли, и насколько это отражается на твоей судьбе, судьбе газеты".*)

Одна из типичных профессионально-нравственных ситуаций встает перед журналистом в связи с выбором средств, необходимых для решения его задачи. (*"Большое значение имеет то, какое оружие избирает журналист для себя: либо он выбирает шпагу и соответствующие правила "боя", либо дубинку или нож – и тогда о правилах вообще трудно говорить".*) Выбор средств влияет не только на репутацию журналиста, издания, в котором он работает, но и на репутацию человека – героя или участника события, о котором идет речь в публикации. (*"Я постоянно задумываюсь над тем, насколько моя профессиональная деятельность этична, прежде всего, по отношению к человеку, который был либо героем моей публикации, либо собеседником. Смогу ли я на следующий день после выхода статьи спокойно посмотреть ему в глаза? Об этом нельзя не думать, если хочешь оставаться в профессии, сколько бы лет ты ни работал – один год или двадцать один".*)

Стремление к соблюдению прав, интересов людей, жизнь и деятельность которых становится предметом журналистского материала, побуждает профессионала к поиску меры его активности. (*"В последнее время все чаще возникает проблема, связанная с тем, что я, в силу специфики своей работы тележурналиста, вторгаюсь в частную жизнь людей, делаю ее публичной. Я не только рассказываю о ком-то, я показываю этого человека, обстановку, в которой он живет или работает, его окружение. Здесь всегда возникает вопрос о том, до какого предела я могу пойти. В каждом конкретном случае приходится заново определять, где этот предел. С одной стороны, нельзя нарушать права и интересы человека, являющегося героем моего сюжета, с другой – долг журналиста заставляет меня полнее, ярче обнажить социально значимую проблему, чтобы привлечь к ней внимание горожан, и наконец, я просто должен выполнить свои обязанности – добыть материал – ведь я работаю в команде".*)

С одной стороны, журналистский долг, понимание журналистом масштабов, актуальности проблемы, над которой он работает, подвигает его рассказать о ней все, что ему известно. С другой, – осознавая всю ответственность за публичное выступление, он вынужден ограничиваться лишь той частью материала, которая уже имеет документальные подтверждения. Приходится вы-

---

³ Батыгин Г.С. Как невозможна социология морали // Оправдание морали. Сб. научн. статей. К 70-летию проф. Ю.В.Согомонова / Отв. ред. В.И.Бакштановский и А.Ю.Согомонов. Москва-Тюмень: Изд-е Центра прикладной этики и НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000. С. 48.

бирать меру раскрытия темы. *“Иногда у меня бывает информации больше, чем я могу предложить читателю. Но я не могу предложить ее целиком в силу того, что у меня нет доказательств. К примеру, пишу материал по наркомании, знаю, что деньги, данные на лечение наркоманов, куда-то уходят, но доказательств и документов у меня нет. Вот здесь-то я и задумываюсь над тем, насколько этично будет то или иное мое профессиональное действие”.*)

В обществе, ушедшем от тотального единомыслия, журналисту приходится разрешать конфликт между стремлением поднять значимую, острую для граждан тему, заявить свое видение проблемы – и необходимостью уважать многообразие мировоззренческих подходов, ценностных ориентиров, жизненных убеждений, бережно относиться к каждому из них. *“Размышления о том, насколько этична моя профессиональная деятельность, касаются прежде всего тех материалов, где требуется определенная доля мужества для того, чтобы произнести ту или иную собственную мысль. Недавно я позволила себе на радио сказать о том, что стоящий у областной администрации памятник Ленину не только не представляет ценности как архитектурное сооружение, но еще и просто страшный. Дети этого сооружения боятся. Я сказала, что ни одна власть сегодня не решится исправить эту ошибку. Решиться могут на это только сами коммунисты, приверженцы идеям Ленина. Прежде чем произнести эту фразу, я двадцать раз сверила – как бы так сказать, чтобы люди не подумали, что я против наших ветеранов, стариков, которые эти идеи исповедуют. Пришлось вывернуть каждое слово, чтобы не задеть чувства людей и чтобы они меня правильно поняли. Проблема заключалась в том, чтобы суметь сказать это не скандально, не обидно – я же людям говорю, найти такую интонацию, чтобы у них возникла потребность задуматься, а не с пеной у рта доказывать, что я не права”.*)

Как можно заметить из приведенных выше фрагментов интервью, моральная рефлексия по поводу этичности-неэтичности своей профессиональной деятельности возникает у журналистов в связи с тем, что средства и, соответственно, последствия их работы представляются морально конфликтными. В таких ситуациях журналисты пытаются обострить для себя вопрос: *“Как слово наше отзовется?”*.

В оппозиции к такому подходу находится точка зрения, согласно которой предметом моральной рефлексии журналиста может быть лишь выбор темы – в плане ее актуальности, а все остальное решается в зависимости от уровня профессионализма. *“Проблем, связанных с этичностью моей профессиональной деятельности, у меня не возникало. Если я лично считаю, что тема или проблема, которой я занимаюсь, интересна читателю, полезна ему, то стремлюсь разобрататься в ней как можно глубже. И для этого я использую все возможные средства, считая, что цель оправдывает любые средства, за исключением тех, которые могут привести к гибели людей. Получение информации, ее проверка, изучение проблемы, в ней подспудно заложенной, представление различных точек зрения – все это основывается на профессионализме журналиста. Существует лишь одна проблема: умеешь ты работать профессионально или нет”.*)

Выделим еще одну позицию о мотивах и причинах профессионально-нравственной рефлексии журналиста: ранее сделанный выбор моральных принципов и последовательное следование им избавляет от необходимости постоянной, в каждом конкретном случае, рефлексии в терминах морального выбора. *«Я, пожалуй никогда не наступала на горло собственной песне, никогда не стоял вопрос “либо-либо”. Я не делаю вещей, которые противоречат моей совести, даже за деньги».*)

2. Рефлексия в отношении этичности-неэтичности профессиональной деятельности коллег возникает, как отмечало большинство участников интервью, практически ежедневно. Среди типичных ситуаций, побуждающих к подобного рода размышлениям, можно выделить следующие.

Во-первых, когда “трибуна” – коммуникационный канал – используется коллегами вопреки ее прямому назначению и как бы частично “приватизируется”. *“Когда поступит какое-то возражение на нашу статью, мы раздражаемся еще большей статьей. Мне это кажется совершенно не этичным, более того – злоупотреблением служебным положением. Мы полагаем себя царями и богами газетной полосы и не задумываемся, что человек, читающий газету, имеет такое же право на нее, как и мы. Мы здесь деньги получаем, а читатель эти деньги нам платит”.*)

Во-вторых, это ситуации, в которых просматривается, что журналист строит свою профессиональную деятельность безотносительно к общепринятым нормам. *“Много лет работал, особенно не задумываясь о профессиональной этике, просто выполнял свою работу, старался делать ее хорошо. А сейчас все чаще задумываюсь о том, что у нас за профессия такая, кому мы служим, есть ли у нас свои понятия о чести и пр. Слишком часто видишь, что некоторые коллеги идут против человеческой этики, морали, ради того, чтобы себя показать, выкопать какую-то очередную гадость в этой жизни”.*)

Следующий тип ситуаций связан с оценкой участниками интервью степени осознания коллегами их моральной ответственности за качество своей продукции перед читателем, слушателем.

лем, зрителем. Прежде всего это касается правдивости журналистских материалов. (*«Меня очень коробит недостаточная аргументированность материалов. Сейчас появилось много псевдожурналистов – не по критерию специального образования, а в смысле необоснованной задиристости. Много лет назад, когда мы еще начинали, я говорила своим коллегам: “Ребята, вы можете быть не правы. Можете ошибаться в выводах. Только неправду не говорите”. Если я слышу или читаю неправду, если вижу, что какой-то журналист подгоняет факты – для того, чтобы сделать нужный ему вывод, то считаю, что это самая главная беда в журналистике. Приведу пример. В предвыборный период к нам приходило из Москвы очень много всяких документов. В одном из них просили с такого-то по такой-то период сделать три сюжета по три минуты об одном из кандидатов. Спросить его надо о том-то и том-то, ответить надо так-то, так-то, так-то. Мы отказались. Нас спросили: “А что, у вас так строго?”. Мы ответили, что за Уралом живем, в провинции, что мы такого подхода к делу не понимаем».*)

В процессе интервью была описана и такая ситуация, когда журналист не учитывает последствий его деятельности для своего издания. (*«Бывает, читаю материал и вижу, что человек подставляется под суд. Когда мой коллега пишет, что такой-то “свинья” или ..., я понимаю, что подставляется под “статью” он, а платить будет бедная газета. Очень не люблю, когда мои коллеги об этом не думают».*)

Еще один тип ситуаций акцентирует профессиональную опасность используемого журналистом инструментария. Благодаря особенности своей профессии, он может пасть в такие глубины низменных человеческих страстей, которые обычному человеку не доступны. (*«Бывает так, что у журналиста с кем-то из должностных лиц складываются неформальные отношения. Благодаря возможности неформального общения, он волей-неволей узнает многое из жизни этого человека. И вдруг отношения из-за чего-то расстраиваются, и журналист начинает все, что знал и что не знал о нем, “выплескивать” на страницы газет. То же самое иногда наблюдается и в отношении какой-либо структуры: как только журналист перестает с ней сотрудничать, он начинает спекулировать своей информированностью. Я считаю это подлостью».*)

Если попытаться сравнить мотивы, побуждающие журналистов к моральной рефлексии по поводу этичности-неэтичности собственной профессиональной деятельности, и мотивы, побуждающие их размышлять о моральной стороне деятельности коллег, можно заметить, что в первой группе речь идет скорее об ответственности журналистов за последствия коммуникации, инициаторами которой преимущественно являются они сами, перед теми, кому адресуется продукция журналиста. Мотивы же, побуждающие к размышлениям по поводу профессиональной деятельности коллег, связаны с проблемами, порождаемыми аномией профессионально-нравственных отношений в журналистском сообществе, ослабленностью этических регуляторов деятельности “цеха”.

3. Участникам интервью были предложены для обсуждения и “взвешивания” некоторые из обсуждаемых в СМИ мотивов и причин активизации саморегулирования “цеха” с помощью кодексов. Среди них – мотивы угрозы свободе слова со стороны государства и противостояния наплыву непрофессионалов в журналистику. Естественно, участники интервью могли формулировать и свои версии мотивации саморегулирования.

Выделим некоторые из суждений тюменских журналистов.

Во-первых, это представление о значимости постепенной выработки кодекса как способа самопознания, самоанализа и самооценки сообщества. (*«Я еще в советские времена неоднократно публично говорил о том, что журналист – тоже человек и потому ему присущи все человеческие слабости. Он бывает не прав, относиться к его словам, как к вердикту, не стоит. Сейчас ситуация изменилась настолько – и это обидно, – что слово журналиста не то, что того не стоит, но иногда нужно воспринимать его прямо противоположным образом. Читатели видят – это мы сами себе кажемся такими загадочными, – что здесь ты солгал, здесь – приукрасил, здесь – власть “лизнул”. Хотелось бы, чтобы мы понимали, что у нас в руках действительно мощное оружие, большая сила. Хотелось бы, чтобы мы время от времени собирались и обсуждали эти проблемы, анализировали себя, чтобы спорящие между собой журналисты общались не на страницах газет, досаждая этим своим читателям, а собирались бы в кругу своих коллег, разговаривали. Может быть, пришли бы к какому-то компромиссу, и так бы рождался кодекс, регулирующий, прежде всего, внутреннюю жизнь сообщества».*)

Один из мотивов саморегулирования с помощью кодекса связан с необходимостью возрождения внутрицеховых отношений, достойных миссии журналистской профессии. (*«Мне абсолютно не нравится, когда в газетах журналисты “переписываются” с журналистами: это неэтично. Если бы у нас был кодекс чести, то не было бы противостояния между газетами. Такой кодекс заставляет человека уважать другого человека хотя бы по цеховому признаку. В личной жизни мы можем относиться друг к другу как хотим, но не все можно выносить на страницы газет, телевидения и радио. У Р.С.Гольдберга в “Тюменском курьере” была статья о “не-*

рукопожатных” журналистах. Мне близка эта идея: чтобы люди, которые не хотят соблюдать нормы приличия, оказывались “нерукопожатными”. Где, как не в нашей среде, это имело бы большее значение: журналисты волей-неволей общаются на различных мероприятиях, и, наверное, почувствовать себя “нерукопожатным” очень даже поучительно.

В каждом издании можно попытаться набросать основные положения кодекса и затем свести их воедино в кодексе регионального масштаба».)

В качестве мотива активизации саморегулирования была обозначена проблема утраты преемственности между поколениями внутри профессионального сообщества. («Раньше в рамках Союза журналистов существовало понятие наставничества. Для меня, например, учителем на телевидении и на радио был Виктор Семенович Горбачев. Он ненавязчиво, неофициально как бы курировал меня. Сейчас понятия наставничества нет, как нет и понятия какого-то единения, чего-то общего, что разделяется каждым из нас. Поэтому молодые, достигнув лишь начальной ступеньки профессионализма, чувствуют себя “звездами”. А на деле – и безграмотность с точки зрения литературного письма, и незнание технологии, и неумение общаться с людьми, и неспособность работать в команде. Чтобы сообщество журналистов могло развиваться, нужна преемственность, и мы должны заботиться о молодых».)

Нельзя пройти мимо суждений участников интервью о проблемах “внутрицеховой” солидарности. Отсутствие соответствующих “правил игры” обрекает журналистов, стремящихся – по просьбе читателей – к освещению в прессе того или иного конфликта, на одиночество в противостоянии тем, против кого направлены его материалы. Коллеги по “цеху” оставляют такого журналиста без поддержки. («Определенные программы на тюменском телевидении я называю “все-народной жилеткой”. Человек в поисках правды, справедливости обращался в различные инстанции и, почти отчаявшись, звонит или приходит на телевидение. Журналист, пытаясь разобраться в ситуации, порой попадает под давление со стороны лиц, заинтересованных в непроясненности этого конфликта. Часто дело доходит до суда. Я бывал в таких ситуациях. И как же было досадно, когда, страдая за правое дело, я оказываюсь в суде один, а журналистская братия, которая сама может в любой момент оказаться в подобной ситуации, меня не поддерживает – ни присутствием в суде, ни откликом на эту ситуацию в прессе.

Чтобы наше журналистское слово имело вес, надо бы и подобные ситуации как-то отрегулировать, сформулировать и принять правила поведения сообщества на этот счет».)

Участники интервью акцентировали и такую характерную черту сегодняшнего дня, как вынужденная ангажированность некоторых журналистов, “приватизированность” журналиста работодателем. По мнению некоторых участников интервью, этический кодекс, выработанный сообществом и признанный каждым его членом, заставит работодателя считаться с правами и свободами журналиста. (“Если бы у нас был кодекс чести, то к работодателю, который ведет себя неправильно, просто не пошли бы на работу другие журналисты”.)

Особое место занимает суждение, автор которого из опасений возможного репрессивного характера регионального кодекса, создания кодекса как инструмента манипулирования сообществом и конкретным журналистом, приходит к выводу о самодостаточности индивидуальных ориентиров поведения и ненужности общего для “цеха” этического кодекса. (“Мне ближе позиция, согласно которой каждый журналист выбирает свою систему координат, и никто не вправе ему советовать. Дайте нам работать так, как мы работаем. Не знаю, наверное, жестоко показывать отрезанные головы, но это же есть, это же не придумано. Чтобы формировать общественную точку зрения, журналист обязан все показывать так, как есть.

Подпишем мы Хартию. Кто будет нашей цензурой? Кто может взять на себя право судить другого журналиста? Как можно переделать человека? Хорошо, если тот, кто возьмет на себя право судить другого человека, будет достоин этого. Но может быть и здесь, у руля, будут самые продажные, и они-то как раз и станут самыми главными в решении вопроса о том, кто – продажный, а кто – не продажный. Это будет очередная ловушка для журналистов. Где гарантия, что эту цензуру не купит какой-нибудь Березовский?

А вот внутри газеты договариваться о правилах игры просто необходимо, чтобы у газеты было лицо, стиль, направленность. Иначе мы вообще будем никто и ничто”.)

Опасность подмены нравственной ответственности журналиста тоталитарной корпоративной дисциплиной, превращения кодекса в инструмент манипуляции сообществом – вполне уместный прогноз. Однако является ли воля наилучшей противоположностью тоталитаризму? Может быть уместнее говорить о свободе?

4. Участникам интервью предстояло описать социальную роль, которую играет журналист в современном обществе. Для обсуждения было предложено несколько типов такой роли: журналист – политический деятель, достигающий поставленной цели путем влияния на общественное мнение; журналист – это полпред общества, призванный контролировать деятельность властей, добиваться торжества справедливости; журналист – это объективный наблюдатель и аналитик,

обязанный, насколько возможно, стоять “над схваткой”; журналист – художник, его цель – самовыражение⁴. Практически все участники интервью отметили, что журналисту в той или иной мере в различных ситуациях приходится выступать в различных ролях.

Большинство журналистов, формулируя социальную роль своей профессии, рассуждали не об идеальном представлении о миссии сообщества, а о роли, реально-должной в обстоятельствах сегодняшнего дня. (*«Я считаю, что журналист должен быть наблюдателем и аналитиком, стоящим “над схваткой”. Иначе мы все время будем отстаивать чью-нибудь из сторон – сейчас в России идет схватка двух-трех влиятельных группировок. Большинство же моих коллег предпочитают заниматься информационной журналистикой».*)

Зафиксирована и такая роль современной журналистики, как оппозиция по отношению к власти. (*«Сегодня социальная роль у разных журналистов различная: кто-то “в навозе копается”, большинство – не копаются, а делают “чистую работу” – “заказуху” – и получают большие деньги. Профессионал в журналистике не может позволить себе вещей, которые могут позволить непрофессионалы – уж лучше вообще не делать, чем делать плохо. Он никогда не будет делать вещи, которые не соответствуют его понятиям добра и зла. Пресса всегда была в какой-то оппозиции к власти и такой должна оставаться».*)

По мнению некоторых участников интервью, социальная роль журналистики сегодня должна состоять в том, чтобы быть собеседником читателю, зрителю, слушателю, вести разговор на темы, интересные именно ему. (*«От слова журналиста, и это многие поняли с выгодой для себя, очень многое зависит. По чему люди судят о том, что происходит “наверху”? По средствам массовой информации – не случайно мы избрали в президенты человека, которого вообще никто не знал. Пресса сегодня политизирована, потому что общество очень сильно политизировано. Ситуация изменится, когда люди будут заняты своей частной жизнью и их жизнь не будет зависеть от того, какого президента или губернатора выбирают. Постепенно появится пресса, которая будет говорить о жизни – если найдется тот, кто будет финансировать такую прессу».*)

Другая версия социальной роли журналистики связана с активистской позицией по преобразованию действительности (*«В каких-то случаях я выступаю в роли наблюдателя, в каких-то – в роли человека, который пытается изменить мир к лучшему доступными средствами».*)

Еще одна позиция прямо связана с просветительской и воспитательной миссией журналистики. Здесь акцентируется необходимость показывать ориентиры, позитивные примеры, демонстрировать не только слабости современного общества, но и его сильные стороны, выражающиеся в конкретных примерах, в человеческих судьбах. (*«Журналистам одновременно с тем, что они информируют, рассказывают о том, где что происходит, все-таки нужно воспитывать людей. Надо формировать общественное мнение в плане культуры. Это одна из важнейших задач, на которую практически не обращают внимания. Все занимаются сведением счетов – кто посадил Путина в президентское кресло; упадет или не упадет доллар; что будет в Чечне? Пусть эти проблемы государство решает, а мы – журналисты – давайте вернем человеку человеческое лицо – это важнее всего. Я сейчас стараюсь не писать о людях, а давать им слово. В последнее время больше всего работаю в жанре интервью. У нас столько интересных, талантливых, успешных людей! Задача журналиста сегодня заключается в том, чтобы показать эти здоровые “зерна” и как-то заразить этими примерами наших сограждан».*)

Как можно заметить по суждениям участников интервью, социальная роль журналистики в современном обществе многообразна, Отсутствие какого-либо из видов этой роли – быть наблюдателем-аналитиком; активным преобразователем действительности; собеседником; воспитателем; оппозиционером к власти и т.д. – или диспропорции в их сочетании могут и должны стать предметом этической конвенции.

Завершая обзор, подчеркнем, что зафиксированные в нарративных текстах представителей тюменского журналистского сообщества оценки ситуации, предпочтительные модели поведения, некоторые ценностные ориентиры, содержащиеся в них смыслы и значения отражают некоторые признаки, характеризующие *этос профессионального сообщества*.

Описание представителями сообщества социальной роли журналистики в современном обществе, суждения относительно целесообразности создания этического кодекса профессиональной деятельности тюменских журналистов “схватывают” то, как журналисты “конструируют” мир своего опыта и, соответственно, стратегию развития сообщества.

Можно предположить, что круг вопросов, обсуждавшихся в процессе интервью, и подходы его участников к их решению свидетельствуют о необходимости постоянного диалога между представителями “цеха” как обязательного условия саморегуляции профессионального сообщества.

---

⁴ В данном тематическом направлении интервью использована разработка В.М.Вильчека. См.: Вильчек В.М. Миссия журналиста в обществе // Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов. М.: Начала Пресс. 1995.

Одним из способов такого диалога может и должна послужить коллективная работа тюменских журналистов над созданием этической конвенции.

***

Выражаем искреннюю благодарность всем участникам разговора:

Бубнову Юрию Семеновичу, Власову Леониду Владимировичу, Гецевич Ирене Яновне, Добрянскому Марку Ивановичу, Егорову Виктору Алексеевичу, Зуйкову Владимиру Парменовичу, Иксанову Валерию Каримовичу, Каменевой Наталье Андреевне, Караваевой Людмиле Викторовне, Логиновой Валентине Павловне, Лысову Владимиру Ивановичу, Машинову Юрию Ивановичу, Машиновой Людмиле Павловне, Московкиной Елене Викторовне, Назаровой Светлане Федоровне, Плетневой Екатерине Викторовне, Потемкиной Татьяне Николаевне, Таран Светлане Александровне, Терех Наталье Георгиевне, Ткаченко Галине Анатольевне, Швецову Александру Аркадьевичу, Юрченко Эмме Захаровне, Яшкову Антону Георгиевичу.

Провела интервью и подготовила обзор М.В.Богданова

3. Обзор материалов экспертных семинаров

“...МЫ РАЗДЕЛИЛИСЬ НА ДВЕ ГРУППЫ И ОБСУЖДАЕМ ИДЕИ, НА ДЕЛЕ ОЧЕНЬ ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ” (Обзор семинара в редакции “Тюменского курьера”)

Первый из цикла семинаров, реализующих проект создания Тюменской этической конвенции, был посвящен экспертизе двух ключевых элементов будущей конвенции: “Журналист как субъект морального выбора” и “Минимальный стандарт профессионально правильного поведения”.

Игровой способ проведения семинара предполагал моделирование процесса создания конвенции, “примерку” участниками семинара содержания двух элементов проекта конвенции “на себя”, критику этого содержания и его совершенствование. На семинаре проигрывалась условная ситуация противостояния двух групп участников – сторонников доминирования в конвенции либо идеи “Журналист как субъект морального выбора”, либо идеи “Минимальный стандарт”. Цель такого способа работы – увидеть сильные и слабые стороны каждого из предложенных на экспертизу документов и, в идеале, сформулировать в ходе диалога аргументы в пользу сочетания того и другого документа в рамках единой конвенции.

***

Открывая семинар, редактор газеты “ТК” *Р.С. Гольдберг* представил его участников: студентов ТюмГНГУ, осваивающих специальность “Связи с общественностью”, журналистов “Тюменского курьера”, «“МК” в Тюмени», “Парламентской газеты”, сотрудников кафедры журналистики ТГУ, Национального института прессы, ведущего семинара *В.И. Бакштановского*.

В своем вступительном слове *В.И. Бакштановский* представил замысел проекта в целом и кратко охарактеризовал способ “выращивания” конвенции самими журналистами, включающий экспертный опрос, этико-социологическое исследование и семинары, часть из которых проводится в игровом режиме.

Особенность семинара в “ТК” – “примерка” его участниками двух важнейших элементов конвенции “на себя” в режиме игрового противостояния условных групп, попытка организации диалога между ними. Отдельная группа создается студентами: они – некие наблюдатели над процессом, который происходит в журналистском сообществе. Наблюдатели, пытающиеся выступить от имени гражданского общества. При этом они не могут позволить себе той пристрастности, которую будут демонстрировать разделившиеся на две группы журналисты, ибо должны написать объективные репортажи с места события.

Далее с консультацией о мировом и отечественном опыте саморегулирования журналистского сообщества выступил эксперт НИПа *Ю.В. Казаков*. «Все вы, – сказал он, – ежедневно сталкиваетесь с журналистикой: как профессионалы, как читатели, как люди, которые изучают и преподают журналистику. И все вы знаете, что свободная и публичная профессия регулируется как законами, так и нормами профессиональной этики. В этой профессии велика роль саморегулирования. Существует некий общественный договор, по которому считается, что “территория” журналистики суверенна, журналисты сами понимают природу профессии, свою ответственность за нее, что благодаря соблюдению требований профессиональной морали они способны достойно выполнять свою профессиональную – она же гражданская – функцию».

Обращая внимание на то, что всем участникам семинара предложен минимальный пакет профессионально-этических документов – “выжимка” из книги “Профессиональная этика журналиста”, *Ю. Казаков* обосновал подбор таких документов, как Кодекс профессиональной этики российского журналиста, Хартия телерадиовещателей, Декларация международной федерации журналистов, Резолюция 428 парламентской ассамблеи Совета Европы, Резолюция № 2 четвертого совещания министров по вопросам печати и информации 1994 года, Резолюция 1003 от 1993 года.

Далее *Ю. Казаков* отметил, что наша журналистика, в силу специфики постсоветской России, оказалась в значительной степени депрофессионализированной. Во-первых, произошла ломка ценностной системы и общества, и журналистики, которая начала метаться, перестала понимать за кого она: за “маленького человека”? за саму себя как “четвертую власть”? вообще, что она такое, что должна делать?

Во-вторых, в журналистику пришло очень много людей “с улицы”, пришли люди, которые не знают основ профессии, законы в руки не брали и полагают, что это даже хорошо: “зачем они”? Я умею писать, у меня есть читатель, у меня есть прямой канал общения, что хочу, то и делаю.

Но “вдруг” выясняется, что так делать нельзя: профессия не позволяет, общество не позволяет. Возникает ситуация конфликта, перерастающего в кризис: значительная часть общества потеряла доверие к средствам массовой информации и к журналисту.

В продвинутых странах для преодоления такого явления развит институт саморегулирования СМИ. В свою очередь, этот институт опирается на профессиональные кодексы. В каждой стране – свои. Скажем, германский кодекс занимает 14 страниц – расписан до деталей. Кодексы финский и норвежский – по шесть страниц, а шведский – пять. Германский – подробнейшая инструкция о том, как журналисту вести себя в разных ситуациях. Шведский – почти учебник. Финский – это рекомендации, он даже так и называется.

«На мой взгляд, – сказал Ю. Казаков, – отечественным журналистам в целом, тюменским – особенно, ибо они взялись за создание своего этического документа, предстоит определиться с моделью кодекса. Или мы создаем собственно этический кодекс, включающий “высокие материи”, или, учитывая, что нашему журналисту сегодня некогда думать о “высоком”, ограничимся “минимумом”, отражающим “код кодов”. Но об этом – на следующем этапе семинара».

Вторую консультацию предложил участникам семинара В. Бакштановский. Прежде всего, он рекомендовал именовать создаваемый тюменскими журналистами профессионально-этический документ не *кодексом*, а *конвенцией*. Достаточно вспомнить, что слово “кодекс” нагружено негативными смыслами, в том числе таким, как администрирование в сфере морали. Уместнее, чтобы институт саморегулирования опирался на документы, возникшие в процессе *соглашения*, т.е. на те принципы, требования и нормы, по которым журналистское сообщество смогло договориться. Слово “конвенция” в этой связи кажется наиболее подходящим.

Далее В. Бакштановский предложил свое видение модели будущей конвенции.

Конвенция должна начинаться с раздела “Мотивы”, посвященного характеристике мотивов, из-за которых она создается, декларирования того, что побудило журналистское сообщество к созданию такой конвенции. Следующий раздел – “Миссия” – должен быть посвящен пониманию региональным сообществом журналистов предназначения дела, которому они служат. Не определившись в этом, трудно выводить соответствующие нормы и принципы. Далее – раздел “Журналист как субъект морального выбора”. Здесь – стержень профессионально-нравственного кодекса. Возможно, следующим разделом станет “Минимальный стандарт профессионально правильного поведения”. Судьба этого и предшествующего раздела во многом определится на данном семинаре.

В стадии размышлений авторов проекта – возможность и необходимость раздела “Журналист-Редактор-Собственник”. Его видение определится на специальном семинаре.

Конвенция должна содержать и раздел, который связан с так называемой “этической комиссией”. Правда, предстоит преодолеть негативные смыслы этого словосочетания, прежде всего тот смысл, когда комиссия оказывается инструментом администрирования. Возможно, стоит говорить скорее о названии “Консультативная комиссия”.

***

Следующий шаг семинара – представление двух моделей будущей конвенции, в одной из которых доминирует идея *морального выбора*, а в другой – *минимального стандарта*.

Ю. Казаков предложил наиболее реалистичный, с его точки зрения, ход поиска. Замечательно, когда профессия живет по цивилизованным нормам, опирается на кодекс, в котором сформулировано кредо сообщества, выбрана его миссия, выстроена система базовых принципов и т.д.

Но это для отечественной журналистики лишь отдаленный идеал. Поэтому пока уместнее договориться (тоже конвенция!) о том, чтобы из достаточно большого числа норм и правил выбрать лишь те, которые являются *кодом кодов*.

Ведь многие, пришедшие в “цех”, сейчас не знают даже основ ремесла. Да и для “старых” журналистов нарушение основ ремесла не редкость. В итоге – половина конфликтов прессы и общества связана с нарушением элементарных профессиональных стандартов. Слишком часто никакой – особой – моральной рефлексии и не требуется, достаточно владеть азами того, что называется “профессионально правильное поведение”. Кстати, эта формула вошла в Софийскую декларацию, международный документ, одобренный ЮНЕСКО.

Далее Ю. Казаков предложил участникам семинара проект текста “минимального стандарта” (см. его публикацию в данном выпуске “Тетрадей” в приложении к интервью с ним).

Комментируя свой проект, Ю. Казаков сказал, что если этот стандарт работает, мы получим качественно другую прессу. Прессу, которая способна благодаря такого рода стандарту восстановить доверие читателя. Прессу, которая способна консолидироваться (принципиально важный момент!) вокруг этого стандарта вне зависимости от того, в какую из ассоциаций входят журналисты.

В рамках *игрового* сценария В. Бакштановский выступил с оппонирующей позицией. По его мнению, в “минимальном стандарте” заложен слишком большой соблазн, искушение: нормы “стандарта” легко понять, легко освоить, легко принять и исполнять. И так хочется надеяться, что у исполняющего “стандарт” больше никаких проблем не будет.

Но вспомним, как “Крошка сын к отцу пришел...”, выслушал “минимальный стандарт” в версии своего отца и принял решение: “буду делать хорошо и не буду плохо”. Ведь Ю. Казаков предлагает участникам семинара вариант такого стандарта. Но Крошка-сын незаметно вырос, пришел в журналистику и на требование следовать профессиональной этике отвечает: “С моей зарплатой? Какая этика?!”. И минимальный стандарт от папы “полетел”.

Первая претензия к варианту “Минимального стандарта”, по мнению В. Бакштановского, заключается в том, что он (а) – *минимальный*, (б) – что он всего лишь *стандарт*. Стандарт предполагает шаблонное поведение, которое можно рекомендовать к исполнению в заранее предвидимых ситуациях. Соответственно, нормы такого поведения можно расписать в кодексе, и действительно, есть кодексы, которые довольно подробно рассматривают все возможные ситуации и “ответы” на них: так школьники ищут готовые ответы в конце задачника. Но что будет делать журналист, если “задачник” не дает таких ответов?!

Другая претензия: прежде чем говорить о минимальном стандарте – принимать его или не принимать, – нужно осознать, что журналист – субъект морального выбора. Первый акт этого выбора – решение журналиста работать в режиме профессиональной этики или игнорировать ее требования. Этим решением журналист принимает или не принимает нормы добра и зла для журналистской этики.

Второй акт такого выбора: даже приняв решение “буду делать хорошо и не буду плохо”, журналист должен быть готов встретить нестандартную ситуацию, в которой и нормы профессионально правильного поведения, и более высокие принципы сталкиваются между собой, противоречат друг другу. Эта ситуация называется *нравственным конфликтом*: исполнение одной нравственной нормы возможно только при нарушении другой нравственной нормы.

Поэтому, мне кажется, что основная задача для журналистов, конструирующих для себя хартии, кодексы, конвенции, – осознание себя субъектом морального выбора и в первом смысле этого слова (когда журналист выбирает свои стратегические моральные ориентиры), и во-втором смысле (когда он обнаруживает, что приходится делать выбор между нормами и принципами того самого кодекса, который он уже готов исполнять в своей повседневной жизни).

Ниже предлагается вынесенный на экспертизу участников семинара этический документ.

“Журналист как субъект морального выбора”

Стержень профессиональной этики журналиста – ситуация морального выбора. Если в конвенции не уделяется особое внимание этому тезису, значит, можно судить о недоверии ее создателей к нравственной свободе журналиста; о причине доминирования запретительных норм; о скрытых попытках создателей конвенции, опасаясь непредсказуемости журналистского самоопределения, по-опекунски “перехватить” эту неопределенность, подстраховать ее с помощью сильной или слабой версии патернализма.

Уже сам факт создания Конвенции как института саморегуляции медиасообщества – процесс морального выбора, принятия ответственности. Включение в Конвенцию специального раздела о моральном выборе – стремление показать, что это соглашение ценит свободу морального выбора журналиста, что журналисты готовы отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие ими определенных нравственных ориентиров для решения противоречий, возникающих, например, между правом аудитории получать информацию и долгом журналиста сообщать ее.

Конечно, можно попытаться уйти от ситуации морального выбора, ссылаясь на то, что жизнь трудна, возможностей для маневра так мало. Можно сказать, что куда ни кинь – всюду клин, что, например, из двух враждующих финансовых группировок и эти – бывшие уголовники, и другие – тоже. Можно служить лишь тем или другим, так как все монопольно захвачено обеими группировками. Можно плюнуть на все и заниматься каким-то частным делом. Все так, но тем самым журналист принимает моральное решение.

Есть выбор и выбор. Во-первых, было бы слишком просто свести ситуацию морального выбора журналиста к поиску готового ответа в конце задачника – подбору той или иной из множества норм профессионального кодекса, которая бы регулировала возникшую перед ним ситуацию (именно так иногда поступают авторы пособий по медиаэтике). Во-вторых, важно осознать, что есть еще и выбор стратегического плана: действовать в духе кодекса или избрать иное основание своих решений и поступков. В-третьих, во многих ситуациях журналист сталкивается с противоречием между принципами и нормами одного и того же кодекса. Речь о выборе, совершаемом в нестандартной, конфликтной ситуации, когда в сознании журналиста сталкиваются разные нормы одного кодекса и необходим выбор решения в пользу одной из них

– вопреки другой. Именно поведение в конфликтной ситуации требует особой культуры, которую не может заменить просто знание конкретных норм профессионального поведения.

Нет выбора без ориентира. Стратегического ориентира, выражающего то или иное понимание моральной доминанты эпохи – гуманистические идеалы, права и свободы человека и т.д. Ориентира профессиональной деятельности СМИ – свободы слова. И совсем не менее значимых конкретных ориентиров-критериев выбора. Мы полагаем необходимым выделить два из них.

Первый связан с признанием нравственного достоинства самого стремления к профессиональному успеху. Мотив достижения, стремление к профессиональному успеху – императив современного журналиста. О профессиональном призвании судят по готовности служить делу, а такое служение невозможно без стремления к реальным успехам. Мотив служения мобилизует и формирует профессионала.

В то же время ориентация на успех может подточить профессионализм журналиста, подчинить критерии профессиональности коммерческой калькуляции. Вместо деления на честных и нечестных начинается деление на “деловых” и “неделовых”. Цена такой трансформации – от снижения уровня профессионального мастерства до подрыва нравственных устоев профессии: образ “золотого пера” приобретает отнюдь не метафорический смысл.

Мы полагаем ограниченной оценку профессионального успеха лишь по материальному доходу – она уместна, скорее, в бизнесе, а в свободной профессии честное имя доминирует над гонораром. Журналист, беспардонно лгущий с телеэкрана или с газетной страницы за большие деньги, может быть и успешен в житейском смысле, но на деле он “перепутал” профессию, поменял журналистику на торговлю, продавая особый товар – мозги, как кто-то продает почку. Суть профессионального успеха – успех журналиста в самой профессии.

Второй критерий выбора связан с решением труднейшей проблемы соотношения благой цели и средств ее реализации. В стремлении к эффективности мы нередко решаемся на выбор средств, противоречащих нравственной природе целей. Поэтому нравственно-эффективным является лишь то средство, которое необходимо и достаточно для достижения цели и, в то же время, не уничтожает ее нравственного достоинства. Как это ни парадоксально, эффективно лишь то, что нравственно.

В предельно сложных нравственно-конфликтных ситуациях приходится решаться и на выбор меньшего зла. Основание такого решения – в ударении на слово “меньшее”. Профилактика беспредельного аморализма – в ударении на слово “зло”. При этом основная опасность – заменить вину оправданием, оправдаться, а не повиниться.

В заключение: журналистским сообществом признаются и благотворность определенно-го риска журналиста в ситуации морального выбора как естественного фактора свободной профессии, и обоснованное право журналиста на нравственные искания, моральное творчество, в том числе и создание новых правил честной игры.

...Вопрос Р. Гольдберга Ю. Казакову: Какой смысл вложен в содержащееся в “минимальном стандарте” выражение “честная журналистика”?

Реплика Ю. Казакова. Владимир Иосифович сказал, что чрезвычайно рискованно заниматься созданием и внедрением “минимального стандарта”. Моя версия: чрезвычайно рискованно исключить работу над “минимальным стандартом”, считая, что важнее договориться о кредо, миссии, мотивации кодекса и т.п., а без минимальных стандартов обойдемся – все само собой образуется. Не образуются. И я очень боюсь, что тюменские журналисты соблазняются таким подходом, решив избежать работы над “стандартом”. В нашем деле есть достаточно стандартные конфликты, которые возникают ежедневно и глубоко травмируют общество, конкретного гражданина, саму журналистскую профессию. Давайте же попытаемся профилактировать хотя бы эти конфликты.

***

Следующий шаг алгоритма семинара – работа в группах, организованных на основании предпочтения участниками семинара двух предложенных на экспертизу проектов профессионально-этических документов.

Группа, решившая продвигать в содержание конвенции тему “Журналист как субъект морального выбора”, начала с критического анализа идеи “минимального стандарта”. По мнению Р. Гольдберга, журналистика относится к творческим профессиям, в ней велико значение *интересного* для журналиста в процессе написания материала и *интересного* для читателя в результате этого процесса. Уложенная в “прокрустово ложе” стандартного, механического разграничения между “можно – нельзя” профессия становится *неинтересной* и как процесс, и как результат.

Зачем приходят в эту профессию: чтобы заработать кусок хлеба? В другой профессии можно заработать больше и с меньшим количеством затрат времени, сил, эмоций и так далее. Люди приходят в творческую профессию потому, что им интересно в ней работать. Лучшие журналисты те, кому интересно работать.

Полемизируя с Р. Гольдбергом, В. Лысов привел пример из практики “Тюменской правды”. Перед тем, как появилась в печати одна весьма спорная ситуация, В. Лысов прочитал ее и спросил автора: “Ты с человеком, о котором пишешь, встречался, в глаза ему смотрел? Ведь ты такие серьезные обвинения ему выдвигаешь!”. Автор ответил: “Зачем мне с ним встречаться? Не считаю это нужным, у меня все ясно изложено”. А ведь это правило, о котором Р. Гольдберг хорошо знает с первого курса журфака: выслушай вторую сторону. По-моему, мы имеем дело с аргументом в пользу “минимального стандарта”. Человек, прежде чем сесть за руль автомобиля, должен освоить правила вождения. И в нашей профессии нужно то же самое.

О. Крыльцова полагает, что идея нравственных исканий, творческого морального выбора существует и в сознании тех журналистов, которые ее еще не сформулировали. Оказавшись в ситуации выбора и не рассчитывая на “ответ в конце задачника”, журналист должен принимать самостоятельное решение.

...В работу группы включаются *студенты*. По мнению одного из них, в соотношении проектов “журналист как субъект морального выбора” и “минимальный стандарт” первый занимает более высокий статус: как, например, идеология выше технологии, а точнее – как духовное и материальное.

Студентам, задумавшимся над репликой ведущего о том, большая ли цена будет журналисту, считающему себя творческой личностью, если он при этом не владеет ремеслом, разобраться помогли более опытные участники семинара. По мнению Р. Гольдберга, “минимальный стандарт” предполагает механическое следование ему, а идея “журналист как субъект морального выбора” ориентирует на самовыражение в духе самых высоких требований – “я хочу расти, я все время должен вставать на цыпочки”. А что касается различия двух предложенных на экспертизу идей, то принципы морального выбора – это руководство к действию, а “минимальный стандарт” – формула, которая говорит: “делай так”.

...Далее группа перешла к обсуждению проекта раздела конвенции под названием “Журналист как субъект морального выбора”. С точки зрения В. Кабаковой, вполне можно объединить обе предложенных на экспертизу идеи – они очень хорошо друг друга дополняют. Ведь в изданной Фондом защиты гласности книге, содержащей опыт кодифицирования журналистской профессии, есть примеры сочетания в одном кодексе и элементов “минимального стандарта”, и высоких моральных принципов.

Что касается обсуждаемого группой раздела конвенции – о моральном выборе как стержне журналистской деятельности, – то он может быть отнесен к любой профессии, ибо в тексте не хватает конкретизации проблемы выбора применительно к деятельности журналиста. Поэтому в дискуссии со второй группой надо подобрать пример ситуации, когда журналист успешно выполняет требования “минимального стандарта”, но сталкивается с противоречием его норм друг другу и теряется, ибо стандарт не содержит ориентиров выбора в конфликтной ситуации.

По мнению Р. Гольдберга, раздел о моральном выборе дает возможность создать авторизованный кодекс: в нем декларируется свобода выбора и доверие к журналисту.

В. Бакштановский отметил, что это весьма редкий случай, когда главный редактор говорит о журналисте как о творческой личности, обладающей свободой выбора в выполнении своей задачи. Поэтому, может быть, в конвенции стоит особо отметить право журналиста на выбор средств реализации своих задач. И, разумеется, его ответственность за этот выбор.

И. Александрова обратила внимание коллег на условность конструкции семинара: “Мы разделились на две группы и обсуждаем идеи, на деле взаимосвязанные. Что касается сравнения двух предложенных на экспертизу проектов, то раздел о минимальном стандарте очень удобен для пользования, его структура достаточно понятна и проста. Хорошо бы и раздел о моральном выборе сделать таким же, чтобы им можно было пользоваться так же легко, как и минимальными стандартами”.

В. Бакштановский в ответ сказал, что, конечно, пока раздел о моральном выборе слабо структурирован с точки зрения доведения принципов до конкретных норм, скорее, он похож на декларацию. Можно ли это исправить – еще неясно. Пока предпринята попытка выделения критериев выбора, оформления принципов ориентации: (а) – на профессиональный успех и (б) – на решения конфликта цели и средств.

В первом случае речь идет о побуждающем моральном требовании – сообщество не только не осуждает людей, стремящихся к профессиональному успеху, но и поддерживает их: “Все нормально, ничего в этом стыдного нет, стремись к успеху. И если ты станешь успешным профессионалом – это будет твоим достоинством”.

Во втором случае речь идет о предупреждающем требовании: если ты попал в ситуацию морального выбора, не прозевай ловушку оправдания целью любых средств. И если ты объясняешь выбор рискованных в моральном смысле средств тем, что выбираешь все-таки *меньшее* зло, не забывай поставить ударение и на второе слово – *зло*. Ты можешь себя оправдывать тем, что

без этого было нельзя, но ты должен и винить себя, чувствовать свою ответственность за использование рискованных средств.

...Участники группы обсудили предложенные в проекте раздела ориентиры морального выбора.

По мнению *Р. Гольдберга*, позитивное требование ориентации на профессиональный успех, безусловно, должно быть включено в конвенцию, ибо журналисту необходимо стремиться к совершенству в своей профессии – это основа, никто не хочет быть плохим журналистом изначально. Журналистика – это творчество, а творчество предполагает стремление к успеху. Да, есть мнение, что общество не любит тех, кто стремится к успеху. На самом же деле общество не любит тех, кто успеха добивается.

И. Александрова поставила вопрос: разве бывают профессии, где не надо стремиться к успеху? Почему эту тему надо оговаривать именно в журналистской конвенции? Мотив стремления к успеху важен в любой профессии. Это то, что само собой разумеется: если занимаешься каким-то делом, то ради чего-то этим занимаешься. При этом для меня моральный выбор – это мера ответственности. А какое отношение стремление к успеху имеет к моральному выбору?

Р. Гольдберг попытался ответить, сказав что здесь встает вопрос о том, какую цену человек готов заплатить за успех. Готов ли он ради успеха “расширить” нормы морали или опустить планку ответственности? В свою очередь, *Е. Абилюкенов* вывел закономерность: если журналист добивается своей цели любыми средствами, он рискует потерять доверие читателя и общества.

...Поворот в теме профессионального успеха дало выступление *В. Лысова*. С его точки зрения, слово “успех” несколько режет слух и его стоит заменить словом “рост”, “профессиональный рост”. Пояснение: «когда я через 10 лет работы в “Тюменской правде” почувствовал, что не хватает юридических знаний, то поступил на юрфак. Мои коллеги удивлялись: зачем мне второй диплом? Но не для диплома я туда пошел, не ради внешних форм успеха, а чтобы понять законы права. Для профессионального роста».

Позицию *В. Лысова* поддержала *И. Александрова*: Слово “рост” ближе к языку морали, потому что слово “успех” ближе к языку коммерции.

Аргументы против уклонения от ориентации на ценность успеха выдвинул *Р. Гольдберг*. По его мнению, во-первых, профессия журналиста не очень-то предполагает гипертрофированную скромность. Если журналист пишет: “я, Рафаэль Гольдберг, утверждаю”, что уж тут скромного? Скромность в другом – чтобы не утверждать того, чего не знаешь. Во-вторых, человек, который приходит в журналистику, безусловно, мечтает об успехе. А все остальное – либо ханжество, либо сомнение в себе. «Что для меня значит слово “успех”? Я встретился в больнице с женщиной, она не знала мою фамилию. Но когда начали разговор, оказалось, что она помнит мои репортажи. 12 лет прошло! Она говорит, что до сих пор хранит газетные вырезки.

Поэтому у меня нет желания отказываться в конвенции от слова “успех»».

...Обращаясь ко второму критерию морального выбора, *Р. Гольдберг* заметил, что, при всей своей общечеловеческой значимости, он вполне актуален и для журналистской профессии. С одной стороны, важно не забыть, что цель требует эффективных средств. «Например, моя цель – написать хороший репортаж. Для ее достижения я использую самые разные средства: собираю информацию, смотрю, какое выражение лица у моего оппонента, нервничает он или, наоборот, спокоен. С моральными ограничениями здесь все просто.

Но вот я занимаюсь делом об одном убийстве. Я хочу, чтобы одни люди не убивали других ради денег. И я должен об этом говорить уже в репортаже о самом процессе суда. Сознаю, что меня могут упрекнуть: нагнетаю общественное мнение против людей, вина которых не доказана. Иду на риск – пишу в газете о том, что говорится в зале суда, о материалах следствия, ибо виновность подсудимых еще не доказана. Но я стараюсь ограничивать риск, подчеркивая, что “это сказал прокурор”, “в открытом заседании”, “публичные слова”. И в конце репортажа напоминаю, что все, о чем здесь говорилось, опирается на факты, которые прозвучали в зале».

В. Бакштановский: Регулируется ли ситуация, в которой оказался Рафаэль Соломонович, минимальным стандартом или некими нормами морального выбора?

И. Александрова: Трудно сделать правильный выбор в конфликтной ситуации, если журналист ничего не умеет в своей профессии. Сначала надо овладеть минимальными стандартами. Нельзя нарисовать картину, если вообще кисть в руках не держал.

В. Бакштановский: Может быть так – если я чувствую, что он владеет ремеслом, то рискну доверить ему принять трудное решение?

Р. Гольдберг: Важно еще понять меру ответственности. И определяет ее тот, кто берет на себя эту ответственность, те, против кого могут быть обращены судебные процессы. Это осознанный риск, они понимают, чем рискуют и ради чего. Вспоминаю другой уголовный процесс. Встает подсудимый, расстрелявший из автомата несколько человек, и говорит: «Доброе утро всем, кроме одного человека. “Один человек” – это я». Это убийца говорит, понимаете?

И. Александрова: В процессе работы нашей группы я услышала важную характеристику структуры морального выбора: мера ответственности. За то, что ты делаешь, перед тем, для кого ты это делаешь. Например, как вести репортаж из зала суда? Если ты найдешь меру моральной ответственности, тогда твое дело будет на благо общества.

Р. Гольдберг: Есть еще один критерий: ты всегда должен предполагать, что с человеком, о котором пишешь, увидишься еще раз. Если он посмотрит тебе в глаза, – сможешь ли ты его взгляд выдержать? Это очень важно. Вот пример: мой первый репортаж из зала суда вышел во вторник, и в среду я не хотел идти в суд. Но потом подумал: “герои” репортажа прочтут мой текст, увидят, что меня в зале нет, и подумают, что я побоялся встретиться с ними глаза в глаза. В десять утра я сидел на своем месте в зале: пусть им мой текст не нравится, но ничего бесчестного я не сделал¹¹.

***

Очередной шаг семинара – предъявление выработанных в группах позиций.

Спикер группы, защищавшей идею “минимального стандарта”, *Е. Кох* начала свой отчет о работе группы с тезиса о том, что практически все ее участники не считают “минимальный стандарт” единственной частью будущей конвенции, но рассматривают его как часть главную.

Группа полагает, что логика минимального стандарта, то есть критерии отбора норм в этот стандарт, должны быть следующими. Во-первых, требования этого стандарта непротиворечивы, жестки, категоричны. Принципы и нормы, предполагающие ситуацию морального выбора, не включаются в “минимальный стандарт”. Во-вторых, нормы стандарта должны быть выполнимыми, а “планка” – достижимой для каждого журналиста.

Какие моменты проекта “минимального стандарта” поддержаны группой и какие предложения по его усовершенствованию возникли в процессе групповой работы?

Поддержан тезис о сборе информации только честным путем: здесь уместно именно слово “честный”, а не “законный”. Иногда две эти характеристики противоречат, и группа выбрала первую из них.

В норме, требующей от журналиста предоставления, в том числе и в инициативном порядке, права на ответ лицу, подвергнувшемуся в СМИ серьезной критике, сформулировано добавление, по которому журналист всегда должен сделать хотя бы попытку получить ответ “героя” его материала до публикации.

К норме, предполагающей отделение архивной информации от новостной, группа сделала дополнение, касающееся аудио- и видеоматериалов.

Решили уточнить требование не путать повседневную работу журналиста с работой специалиста рекламного отдела или отдела по связям с общественностью, но пока не смогли найти более четкую формулировку.

Возникла дискуссия вокруг требования соблюдать конфиденциальность источника информации. К единому мнению не пришли.

Требование соблюдать нормы авторского права нуждается в более точной формулировке, учитывающей, что это требование включается в *этический* документ.

Норма “минимального стандарта”, предполагающая, что журналист *считает* свою профессиональную деятельность несовместимой с пропагандой преступности, терроризма, насилия, жестокости, должна содержать *категорический* запрет: “не считает”, а “избегает”.

Реплика *Ю. Казакова:* В группе возникла идея внести отдельным пунктом норму уважения журналистом частной жизни человека. Кроме того, возможно, стоит зафиксировать в стандарте и норму свободы самого журналиста. Именно в таком разделе конвенции, как “минимальный стандарт”. И еще один возможный пункт обсуждался в группе – проблема презумпции невиновности и проблема защиты третьих лиц.

Мы обсудили все эти темы, и хотя не готовы пока вносить готовые формулы, договорились, что эту работу надо продолжить.

Е. Кох: Группа также полагает, что должен существовать и кодекс издателей, редакторов, регулирующий то в деятельности журналистов, что от них непосредственно не зависит.

Ю. Казаков: Чтобы журналист мог реализовать профессиональный стандарт, должно быть определенное понимание со стороны редактора и собственника, нужна еще и конвенция журналиста с редактором, издателем и учредителем, как с людьми, которые определяют генеральную политику издания.

В. Бахитановский: Я провел переговоры с руководителями департамента информации администрации области о том, что мы соберем специальный семинар журналистов, редакторов и

---

¹¹ Ограниченный объем “Тетрадей” заставляет редактора сокращать обзор семинара. Поэтому здесь публикуются материалы только первой из двух участвующих в экспертизе групп. Соответственно, ниже публикуется выступление “спикера” только второй группы.

издателей, на котором расскажем о разработке журналистской конвенции и попросим, чтобы они обратили внимание на наши ожидания от них ¹².

В заключение отчета группы Ю. Казаков отметил, что формулировка “стандарт” группу не пугает. Никто из нашей группы не трактует “стандарт” как покушение на свободу выбора. А Е. Кох добавила: “То, что мы включаем в стандарт – это передаваемое профессиональное знание, то, что может уже сейчас передаваться поколениям журналистов. А то, что относится к идее морального выбора, – скорее вектор, он может меняться”.

Вопросы к группе и ее ответы:

О. Карбанова: Предполагаете ли вы, что стандарт даст возможность появлению каких-то санкций? Стандарт – это инструмент?

Е. Кох: Мы ответили на этот вопрос, когда говорили, что стандарт – это передаваемые знания.

Н. Самойлик: Предполагается, что это инструмент индивидуального пользования и журналист должен уметь им пользоваться. Потому мы слово “стандарт” не воспринимаем как некий ограничитель.

В. Бакштановский: Но ведь вполне возможен случай, когда с помощью этого инструмента вас станут наказывать – редактор, например?

Е. Ганопольская: Есть известный пример про кухонный нож: большинство бытовых убийств совершается этим ножом. Что же, запретить продажу кухонных ножей? Со стандартом – то же самое.

Р. Гольдберг: Как вы трактуете обязанность не использовать информацию, добытую нечестным путем? Слово “честный” каждый понимает по-своему.

Н. Самойлик: Мы выбрали между “законно” и “честно” – второе. И тут уж каждый сам волен трактовать и выбирать для себя, исходя из этимологии, от слова “честь”.

Каждый человек – и личность, и профессионал. И соотношение между личностью и профессионалом определяет все. Поскольку мы говорим о журналистике, о профессиональной деятельности, то у человека должен быть опорный момент, от которого он двигается, когда приходит в профессию. Все остальное он приобретет в процессе работы – будет “ориентироваться на местности”. А стандарты нужны для старта.

Е. Кох: Но в него должно войти главное.

Е. Ганопольская: Стандарт – это опорная, базовая вещь. Мы приняли положение, что журналистика – молодая профессия. Поэтому на старте нужны азы, все остальное закладывается конкретными учителями, воспитателями.

Ю. Казаков: Есть ремесло и есть профессия. Стандарт – это основа ремесла в его понимании двадцатым веком.

***

В задачу семинара не входило намеренное “подталкивание” его участников к идее совмещения обсуждаемых документов в одной конвенции. Однако их “стихийное” творчество вышло именно к такой идее.

Это видно, например, по таким высказываниям: “Два проекта можно соединить, они очень хорошо друг друга дополняют”, “Мы разделились на две группы и обсуждаем вещи, на деле очень взаимосвязанные”.

Это проявилось и в спорах о том, какому из предложенных на экспертизу элементов будущей конвенции отдать приоритет. Обе группы не исключили определенной значимости того элемента, который не стал, с их точки зрения, приоритетным. Значит, для создания проекта конвенции в целом появились реальные заделы.

---

¹² Такой семинар к моменту редактирования этого текста уже проведен и его материалы будут опубликованы в следующем выпуске “Тетрадей”.

4. Послесловие

В.И. Бакштановский, Ю.В. Казаков, Ю.В. Согомонов
ОБРАЗЫ ЭТИЧЕСКОЙ КОНВЕНЦИИ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Продолжая заявленную в Предисловии попытку *оправдания* проекта, особо отметим, что одна из его задач – культивирование рационального отношения медиасообщества к ситуации морального кризиса, переживаемого нашим обществом в целом, профессиональным медиа-сообществом – в том числе¹³. Проект призван принять участие в формулировании задач и поиске средств, способных помочь журналистам прожить долговременную ситуацию морального кризиса с максимально возможным достоинством.

Определенная растерянность медиасообщества перед моральным кризисом, отражающим модернизационные процессы в обществе, с одной стороны, известный цинизм как одна из реакций на кризис – с другой, могут быть смягчены не карами от имени административно-правовой инстанции, не подменой морального регулирования правовым, но намеренным культивированием современных нравственных ценностей. Тем более это относится к стремлению медиасообщества вернуть доверие аудитории и общества в целом, восстановить профессиональную честь, гражданскую ответственность СМИ.

Оставляя развернутый анализ материалов, представленных в третьем выпуске “Тетрадей...”, для дальнейшей работы – после завершения всех этапов проекта, – сосредоточим внимание на двух задачах. *Во-первых*, на комментарии к проявленным в публикуемых материалах трудностям понимания природы морали, концентрирующимся вокруг тем морального отчуждения и парадокса моральной оценки. Прикладное значение комментария – поиск ответов на такие конкретные вопросы проекта, как назначение, задачи и способы работы институции саморегулирования, обычно называемой “этическая комиссия”, и вопрос о моральном статусе разрабатываемой конвенции, прежде всего, с точки зрения обязательности/необязательности ее *подписания*.

Во-вторых, на попытке эскизного представления модели тюменской этической конвенции и конкретного содержания тех ее разделов, которые уже можно оформить на данном этапе реализации проекта.

1. Оправдание морали

1.1. Профессиональное сообщество между Сциллой административного контроля и Харибдой моральной самонадеянности индивида

Приступая к комментарию, отметим, что анализ полученных на данном этапе материалов¹⁴ показывает необходимость *понимающей* критики весьма распространенных представлений журналистов о природе морали и медиаэтики. При этом речь идет уже не просто о задаче посильного преодоления “антикодексных” настроений ряда участников проекта¹⁵, которые на этом этапе сконцентрированы вокруг темы “этической комиссии”,

---

¹³ Свидетельством глобального характера морального кризиса служит высказывание американских исследователей – авторов книги “Медиа этика: ситуации и моральные размышления” о том, что “современный крестовый поход релятивизма представляет собой грозный вызов” медиаэтике. “Моральные обязательства разрушаются прямо у нас под ногами. Культурное разнообразие обманывает нас этической теорией относительности. ...В мире скользких значений и безнормативности этические принципы, кажется, не вызывают отклика” (Media ethics: Cases and moral reasoning / C.Christians, M.Fackler, K.Rotzoll. – Forth Edition. – Longman Publishers USA, 1995, p.8).

¹⁴ В третьем выпуске “Тетрадей...” публикуется обзор только одного из трех уже проведенных семинаров, два других (в ГТРК “Регион-Тюмень” и семинар “Журналист-редактор-собственник”) будут представлены в четвертом выпуске.

¹⁵ К выдвинутым в Послесловии к предшествующему проекту аргументам (см. второй выпуск “Тетрадей...”) добавим здесь рассуждение американского исследователя медиаэтики Эдмонда Б.Ламбета. “Описание этического журналиста как гуманного человека, который стремится к справедливости и защищает свободу в качестве верного хранителя заветов своего профессионального цеха, может вызвать законный скептицизм. На взгляд человека XX века может показаться, что такой профессиональный портрет излучает спесь и написан яркими красками непрактичности. Ни один из живущих, дышащих журналистов и никто из ушедших тита-

воспринимаемой в виде своеобразной “этической инквизиции”. Экспертные интервью и семинары показали, что актуализировалась и задача *понимающей* критики известной *самонадеянности* индивида, отказывающего общественной морали в целом и, в том числе, опыту профессиональной этики, отрефлексированному сообществом и аккумулятивному в кодексах, в праве влиять на его поведение и обосновывающими такой отказ ссылками на самодостаточность велений собственного нравственного чувства, интуиции.

Может показаться, что это – *позитивная альтернатива* административному контролю, который иногда мотивируется убежденностью в неспособности морали преодолеть кризисную ситуацию с помощью своих собственных механизмов и стремлением “исправить” нравственную жизнь общества с помощью чуждых духу морали инструментов. И действительно, нельзя не увидеть даже в благих намерениях заменить саморегулирование административным регулированием такую, например, опасность, как провоцирование тенденции к моральному иждивенчеству, к делегированию индивидуальной и корпоративной ответственности внешнему регулятору, подмене нравственной роли корпоративного духа цеха судебной инстанцией, отменой цеховой моральной рефлексии и т.п. Однако своеобразная *моральная анархия* оказывается не подлинным выходом, а скорее другой крайностью. Вместо полноценной свободы здесь предлагается апофеоз *воли*, которая слишком часто уклоняется от свободы из-за нежелания нести связанную с ней ответственность.

На наш взгляд, профессиональному сообществу, вовлеченному в ситуацию морального кризиса, предстоит пройти между двумя опасностями: Сциллой административного регулирования нравственной жизни “цеха”, в том числе и в виде разного рода “высших советов по этике”, и Харибдой моральной анархии, в том числе в виде абсолютного отказа от любых форм влияния нравственного опыта общества на индивидуальные профессионально-нравственные решения.

С этой целью *понимающая* критика предполагает анализ феномена *морального отчуждения*.

Речь идет об исторической ситуации, при которой нормы и ценности этики гражданского общества, рациональной морали выступают как извне навязываемые предписания и оценки. Человек не может не считаться с ними, но, будучи продуктом кумулятивного творчества, эти предписания и оценки предстают перед каждым человеком в отдельности как лишённые духа творчества ограничители его деятельности, его “естественных” влечений и устремлений. Неизбежная для любого социума взаимосвязь между интересами целого и интересами саморазвития личности предстает в ситуации отчуждения как деспотия социальной жизни над частной. Для значительного числа индивидов гражданского общества быть моральным представляется тождественным жертве своими реальными потребностями и интересами, запросами и устремлениями в пользу процветания “целого”, которое в этом случае кажется им трансцендентным, чуть ли не inferнальным началом. Закодированные в моральных предписаниях и оценках интересы социума безвозмездно экспроприируют, “выкачивают” духовные и даже физические силы личности, которая может сохранить и развить их только путем отказа от официально одобренных предписаний и оценочных шаблонов морали.

Таков фон, на котором процветают и ригоризм, и практика казенного морализирования, и сетования о невыносимой тяжести долга человека и гражданина.

Романтическая и социально-утопическая критика морального отчуждения зафиксировала серию исключительно важных по своим последствиям расколов нравственной жизни, которые были знакомы традиционным социумам, доиндустриальной цивилизации лишь в своем эмбриональном виде. Во-первых, рушится согласованность прав и обязанностей личности и вся система требований к поведению, а его оценки делятся на официальные и неофициальные (двойной моральный стандарт, биморализм). Субъективное восприятие норм и оценок перестает соответствовать их объективному содержанию, ко-

---

нов не могли бы подогнать все свои решения под принципы, изложенные выше. Но причина, естественно, заключается не в самих принципах, а в том, что все мы – люди. Это замечание поможет нам провести различие между очевидной потребностью журналистики в этических принципах и менее чем идеальным распределением человеческих добродетелей, необходимых для проведения этих принципов в жизнь” (Ламбет Э.Б. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М.: ВЮЛАНТА, 1998. С. 59-60).

гда внешнее значение поступков все больше не совпадает с их сокровенно-внутренним, интимным смыслом. Складывается и иное моральное раздвоение: “мораль аскетизма и долга” провозглашает достойным лишь то, что человек обязан сделать независимо от своего хотения, тогда как “мораль гедонизма и счастья” полагает оправданным лишь то, что человек желает в отрыве от всякого долженствования. Увеличивается разрыв между скрытыми и декларируемыми побуждениями, усиливается лицемерие, становятся все более трудно достигаемыми совместимость целесообразности и моральности поведения, требований общественного мнения и совести, единство оценки и самооценки.

Во-вторых, отчуждение означает, что нравственные отношения деперсонализируются, предстают как вещные и, стало быть, в моральном смысле как бы нейтральные. Человек становится, подобно вещи, предметом использования в функциональных отношениях, а его значение измеряется главным образом стоимостью оказываемых им услуг (там, где этого нет, либо обнаруживается ханжеская маскировка мотива услуги, либо фиксируется случайность такого отношения).

Наиболее рельефно моральное отчуждение проявляется в производственной и управленческой сферах жизнедеятельности людей. Здесь личность почти не в силах совлечь с себя “экономические”, “политические”, “административные” маски, не подчиниться продиктованным ей социальным ролям, функциональным предназначениям, технологическим инструкциям по их исполнению. Утрачивая моральную свободу в этих сферах, личность держится за частную сферу бытия как пространство возможной моральности, но и здесь она весьма ненадежно защищена от нравов, царящих за ее пределами. Личность, таким образом, существует как бы в двух ценностных мирах, воплощая в каждом из них разные, а то и противоположные моральные качества, мотивы, устремления.

В результате человек погружается в засасывающую топь противоречивых моральных отношений, позиций, требований и оценок, которые крайне усложняют проблему морального выбора, дезориентируют поведение, препятствуя его последовательности. И как бы личность ни воспринимала такую расколотость (как аномалию, дефективность или как нормальность, обусловленную различиями в видах деятельности), в этом феномене выражена саморазорванность условий ее существования: когда раннеиндустриальная цивилизация выступает как система всеобщей полезности, мораль неминуемо начинает терять свою действенность и ей грозит участь бессильного принципа.

Обрушиваясь на различные формы морального отчуждения, романтическая и социал-утопическая критика, однако, не заметила того, что подобное отчуждение – всего только одна, пусть и ярко выраженная, группа тенденций, которой противостоят иные тенденции. Формирование “открытого общества” протекает одновременно не только с маркетизацией экономики, но и с мучительным, неровным и замутненным процессом превращения экономики “дикого” рынка в рынок цивилизованный и даже социализированный. В нравственном плане экономика “дикого” рынка оборачивается антигуманным отношением к производителю и к другим его агентам, плодит пороки во всем их разнообразии и потому является одним из самых важных источников роста морального отчуждения. Цивилизованная рыночная экономика становится и развивается сравнительно медленно и в этом процессе сосуществуют противоречивые стороны: сохраняются признаки жесткой конкуренции и хищнической эксплуатации наемного труда, но слабеет влияние паразитарных, спекулятивно-грабительских тенденций, с их поисками прибыли не столько в продуктивной, производительной сфере, сколько в распределительных и финансовых отношениях.

Моралистическая критика, преувеличивая силу и основательность тенденций, ведущих к моральному отчуждению, с трудом была способна разглядеть нарастающие контртенденции, факторы, которые минимизировали различные аспекты отчуждения и способствовали социальной терапии. Исторический опыт показал, что отчуждение не связано с какой-то одной формой собственности и потому надлежит отклонить гипотезу о связи отчуждения только с одним общественным строем. Выпестованные в гражданском обществе этосы профессионального призвания, предпринимательская, политическая этика, медиаэтика, этосы воспитания, науки, социального управления, инвайромент и др. продемонстрировали многообразные способы противостояния отчуждению во всех сферах жизнедеятельности.

Нельзя не признать, что, не отказавшись от всех достижений цивилизации, полностью “снять” моральное отчуждение практически невозможно. Но такое заключение не обрекает на онтологический пессимизм. Исследователи гражданского общества обращают внимание на то, что социальные отношения в их нормативно-ценностном ракурсе абсорбируют неповторимые антрополого-психологические характеристики индивидов и их общностей, впитывают всевозможные человеческие страсти, которые могут и не совпадать с логикой развития этих отношений. Параболы их возникновения, развития и гибели несоизмеримы с жизненными циклами индивидов, а потому последние вынуждены при любых способах производства, технологиях, организациях общественной жизни переживать известную – но всякий раз различную – меру подчинения своих жизненных целей и духовных исканий внешней необходимости, переживать некоторую степень ограничения их свободы.

“Тайна” подобного подчинения необходимости, логике бытия, культуры и истории, скорее всего не может быть разгадана исчерпывающим образом. Подчиняющие нас инстанции и впредь будут вторгаться в судьбы, надежды, планы индивидов, временами оборачиваться тайфунами иррациональных потрясений. Соответственно применяемые средства моральной регуляции всегда будут восприниматься в какой-то степени как отчужденные, чужие. Вопреки иллюзиям Просвещения такие средства будут относиться к тому, что Н.Бердяев назвал “террором социальности”, а потому не исчезнет потребность в терапевтических, антиневротических, анестезирующих средствах, способных притупить страдания, заглушить боль подчинения внешним отчуждающим силам, но не атрофирующих при этом самую способность ощущать отчуждение, непреодолимость зла, паскалевского ужаса перед человеческим существованием.

Постепенное смещение центра тяжести в понимании общественного богатства на информационный, культурный аспекты делают бремя отчуждения менее угнетающим, так как такого рода богатство оказывается всеобщим достоянием, общественно-индивидуальной собственностью и его просто нельзя подвергнуть отчуждению ни от производителя, ни от пользователя. Но в принципе абсолютно неотчужденный мир – лишь иное название Рая.

В то же время *понимающая критика* выводит на проблему полномочий велений совести. Прямые и непреклонные свидетельства совести надежно оберегают личность от свершения дурных, постыдных поступков. В “ближнем горизонте” она действительно “сверхразумна” (хотя нелепо допускать, будто она вообще антиразумна). Иное дело за пределами данного горизонта, охватывающего преимущественно межличностные отношения, когда в ситуациях повседневности к функции поведенческих ориентиров подключаются нормы партикулярной (главным образом, профессиональной) этики, когда деятельность побуждается духом призвания, установкой на преданность делу и регулируется с помощью реалистической этики социальной ответственности. Совесть как высокое нравственное чувство здесь не должна отключаться, ее голос не должен умолкнуть, но ей не обойтись без многосторонней помощи как взвешивающего рассудка, так и осмысляющего и понимающего разума. Без такой систематической помощи совесть, взявшаяся исполнять роль “высшего судьи”, быть самозванной “совестью нации”, способна привести к всевозможным бедам и бесчеловечным последствиям, которые никак не оправдать благими мотивами.

В сегментированных сферах человеческой деятельности в рамках огромных организаций и корпораций, а также в масштабах исторических акций, когда связи между позитивными целями деятельности и средствами их реализации становятся неочевидными, а результаты оказываются многозначными и небесспорными, совесть обретет действенность только в неразрывной связке с аргументами разума.

1.2. Парадокс моральной оценки

Еще одна трудность фундаментального порядка, с которой столкнулись участники проекта – понимание природы *моральной оценки*. Прежде всего, это проблема *субъекта* моральной оценки, проблема морального эксперта. Кто имеет право выносить моральные оценки, выносить моральную аттестацию, вершить моральный суд?

В поисках ответа на этот вопрос некоторые специалисты по этике фиксируют моральный парадокс: действительно нравственный человек просто не может считать себя достойным кого-то судить, а люди, охотно берущие на себя роль учителя и судьи в вопросах морали, обнаруживают самодовольство, а это безошибочно свидетельствует о том, что люди взялись не за свое дело. Итак, парадокс моральной оценки заключается в том, что “те, кто мог бы вершить моральный суд, не будут этого делать; тем, кто хотел бы вершить моральный суд, нельзя этого доверять”.

Есть ли решение парадокса? С точки зрения авторов формулы, по-видимому, нет. На наш взгляд, решение, пусть и не абсолютное, есть.

Основной аргумент – отличие деловой, профессиональной, публичной этик, с одной стороны, и этики дружбы и любви – с другой. Этические проблемы журналистики относятся скорее к первому виду.

Возможно, одним из конкретных решений данного парадокса применительно к журналистике послужит метод *прецедентной медиаэтики*. Еще одно эффективное решение содержится, на наш взгляд, в намеченной в рамках предшествующего проекта по медиаэтике идее добровольного этического аудита.

Вполне естествен вопрос: совпадут ли ожидания медиасообщества и общества в целом от деятельности предлагаемой проектом модели этической комиссии с теми санкциями, на которые она только и может ориентироваться?

Эффективность моральной оценки и санкции может показаться уязвимой в сравнении с гарантированностью эффективного воздействия правовой санкции. Но, во-первых, моральная санкция профессионального сообщества не так уж и неэффективна. А во-вторых, есть и моральные уроки, которые человек, к деятельности которого обращены оценки и санкции, извлекает для самого себя. И здесь моральная оценка и санкция незаменимы.

1.3. В отличие от дружбы брак бывает добровольным только в момент заключения этой сделки

Слегка трансформированная фраза Мишеля Монтеня вводит в тему целесообразности процедуры подписания конвенции или, наоборот, уклонения от применения этой процедуры. Профессиональному сообществу предстоит отдать предпочтение первому или второму решению, взвесив, в том числе, и нижеследующие аргументы в пользу каждого из них.

С одной стороны, любой *подписанный* этический кодекс только кажется более надежным обязательством. Подписание такого кодекса ведет к утрате его главного атрибута – быть актом *доброй воли*. Под этим углом зрения лучше видно отличие долга от обязанности. Дружба всегда добровольна, она – воплощение моральности, ее символ.

Поэтому исключение процедуры подписания конвенции более работает на моральный дух этического документа, чем формально зафиксированное одобрение. Тем более, что акт подписания несет в себе нечто нейтральное к доброй воле – механизм подражания, заражения общим настроением, более того, риск конформизма и даже лицемерия.

С другой стороны, предпочитая ориентацию конвенции на такую версию природы моральности, как дружба, мы не учитываем, что дружба – сфера интимных, неофициальных, неформальных отношений, сфера частной жизни. А журналистика как профессия – не просто служение Добру, но и служба, т.е. сфера деловых, отчасти – формальных официальных отношений (отчасти, ибо это свободная профессия).

Это обстоятельство заставляет критически отнестись к первому набору аргументов: не является ли исключение процедуры подписания конвенции романтическим идеализмом?

Как разрешается противоречие двух подходов? Этическая конвенция представляет собой смешение двух способов моральной регуляции. В ней содержатся как элементы общеморального плана, в том числе мировоззренческие ориентиры, так и элементы нормативного регулирования профессиональной деятельности журналиста. На наш взгляд, если в конвенции доминируют более или менее формализованные нормативные разделы (например, “минимальный стандарт”), можно ставить перед сообществом вопрос о подписании конвенции. Если же в ней доминируют смысло-ценностные разделы (например,

ориентирующие журналиста в ситуации морального выбора), акт подписания конвенции утрачивает свою целесообразность. Очевидно, что в формируемой сообществом тюменских журналистов конвенции пока доминирует модель второго плана.

Независимо от того, какой выбор совершит профессиональное сообщество, важно иметь в виду, что нравственное саморегулирование “цеха” не завершается актом творения конвенции, а, в известном смысле, лишь начинается им. Конечно, творение конвенции является обобщением опыта “цеха”. Но никакой опыт не может быть финальным – он пролонгирован как жизнь самого сообщества. И тогда он не “мертвая буква”, а “дух”.

Каким должен быть следующий этап этической деятельности сообщества, чтобы не умертвить этот “дух”, то драгоценное настроение, которое лежит в начале этой деятельности? Это вопрос особого проекта. Возможно, следующий этап должен быть связан с идеей, о которой можно прочитать в “Докторе Живаго”: главное в Библии не заповеди, а притчи, ибо Спаситель говорит языком повседневности, а не абстрактной нормативности?

2. Эскиз конвенции

Переходя ко второй части аналитических размышлений, выдвинем предположение о том, что есть достаточные основания предложить региональному профессиональному сообществу оформившуюся структурную модель конвенции и эскиз ее содержания.

Структурная модель конвенции должна, на наш взгляд, включать следующие разделы: Проблемная ситуация. Задачи. Мотивационный комплекс. Самоопределение к корпоративной миссии. Журналист как субъект морального выбора. Минимальный стандарт профессионально правильного поведения. Экспертно-консультативная комиссия. Заключение.

Проблемная ситуация

В этом разделе целесообразно сказать, что тюменская этическая конвенция – попытка отразить *новую ситуацию*, определяющую место СМИ в обществе на стыке веков, понять реальную природу прессы, не вписывающуюся ни в дилемму “либо часть пропагандистской машины – либо рыночно-демократические СМИ”, ни в дилемму “либо обслуживание власти – либо удовлетворение информационных запросов потребителей”.

Вероятно, здесь уместно отметить, что сообщество воспринимает моральный кризис как ситуацию, побуждающую не к панике, а к трезвости и мужеству, и потому принимает серьезный вызов, который представляют собой тенденции цинизма, релятивизма и нигилизма.

Конвенция – итог многолетней работы тюменских журналистов, включая пятилетний мониторинг за ситуацией. На этом основании сообщество исходит из презумпции этической вменяемости наших журналистов и потому берет на себя определенные задачи.

Задачи

В этом разделе целесообразно отметить осознание сообществом того факта, что у ряда журналистов идея любого профессионального кодекса вызывает вполне понятное настороженное отношение, а то и отторжение, ибо они воспринимают “моральные кодексы” как некие вериги для творческой свободы. Однако этой настороженности можно и необходимо противопоставить подлинно моральное представление о саморегулировании “цеха”, в том числе опирающееся на мировой опыт.

Иначе говоря, можно сказать так: наша конвенция – способ преодоления ложных образов Кодекса и превратных образов морали.

Подчеркнув, что конвенция не отменяет и не подменяет библейские заповеди, важно отметить феномен хаотичности в множестве документов, стремящихся влиять на “цех”, а также то, что конвенция не противостоит, например, Кодексу Союза журналистов РФ, но, преследуя свои собственные задачи, нарабатывает материалы для его усовершенствования.

Осознавая дилемму любой попытки сформулировать нравственные ориентиры и правила журналистики: быть предельно краткими или предельно обстоятельными, соревноваться с мудростью Нагорной проповеди или дотошностью учебно-методического пособия, мы выбрали модель Конвенции. В отличие от традиционных кодексов, она не пе-

речисляет основные нормы и правила поведения журналиста, а сочетает характеристику мировоззренческих оснований медиаэтики и элементарных норм профессионального поведения. При этом отдает особую роль мотивам этического соглашения сообщества.

Тем самым предпринимается попытка уйти от романтического морализаторства и вульгарного инструктажа.

За нашей конвенцией – рубеж, взятый профессиональной моралью. Но это одновременно и рубеж, на который может согласиться мораль общественная, всегда и везде пристально наблюдающая за прессой и журналистом.

Наша конвенция – “демонстрация флага”, сигнал и коллегам, и обществу. Да, на бытовом уровне – невооруженным глазом гражданина, обывателя – профессиональная мораль наблюдается самым простым и достоверным образом: по результату. По качеству газеты и конкретной статьи, по телесюжету и телеведущему, по качеству информации телеканала. Но мораль наблюдается также и по *заявке на результат*: по нормативно-этическим документам, которые проявляют себя тем самым визитной карточкой конкретного сообщества, конкретного СМИ, элементом публичной политики.

В этом смысле действительно можно говорить о конвенции как об элементе или даже инструменте технологии *связи с общественностью*, – идет ли речь только о “демонстрации флага” или же о решении еще и других задач “контактом через конвенцию”: от снижения общественных претензий на управление сообществом до воспитания общественных нравов силой политики *доброго примера*.

Мотивы

Этот раздел стоит начать с характеристики мотивов, приведших сообщество к созданию конвенции. Во-первых, внешне обусловленная целесообразность, связанная с угрозами свободе слова. Во-вторых, самооценка внутренней угрозы для корпорации, критическое осознание низкой степени нашей собственной готовности реализовать свободу слова: к сегодняшнему дню журналистское сообщество уже совершило основные из возможных ошибок, дало достаточно материала для каталога того, чего нельзя делать. Злоупотребления самой прессой свободой слова (например, “информационные войны”) привели к потере доверия общества. В-третьих, внутренняя потребность сообщества в нравственном развитии через корпоративную саморегуляцию ради сохранения корпоративной общности в ситуации ее раскола.

И все же доминирующий мотив – свободный выбор такой задачи, как восстановление, сохранение, защита и укрепление взаимного доверия между СМИ и обществом, без чего трудно удерживать права и свободы, достигнутые постсоветской Россией.

Возможно, стоит отреагировать и на самые новые тенденции в жизни государства и общества, связанные с идеей так называемой управляемой демократии и положением СМИ в этой ситуации.

Корпоративная миссия

В начале этого раздела можно отметить, что источник нравственной ответственности журналиста и ее направленности традиционно определяется в Кредо и Миссии этой профессии.

Здесь следует отметить, что задача формулирования региональным сообществом журналистов своего кредо (как и его конкретизация в системе принципов) – этап работы, выходящий за рамки данного проекта. На сегодняшний день мировоззренческая составляющая конвенции представлена эскизом миссии сообщества (и, в определенной степени, в разделе о журналисте как субъекте морального выбора).

Далее предстоит охарактеризовать само понятие миссии, указав, что это метафорическая в своей основе характеристика представления профессионального сообщества о своем незаурядном, высоком, особом назначении или даже “предназначении”. Миссия – добровольно возлагаемая “цехом” на себя и выходящая за пределы повседневных обязательств “ремесла” – ролевая сверхнагрузка, связанная с характером журналистики как “общественной профессии”. Миссия – это высокое и ответственное *задание* (а не просто “дело”, не просто “функция”), предполагающее мобилизованность на сверхзадачу, требующую не просто добросовестной “службы”, но – служения.

Затем уместно заявить, что тюменское профессиональное сообщество полагает неэффективным принимать какую-либо одну из миссий СМИ, которые обсуждаются журналистами и реализуются ими на практике. Прежде всего потому, что каждая из них, актуализируемая трансформационным периодом нашего общества, внутренне противоречива, несет в себе акценты, отражающие состояние социальной ломки. Поэтому из множества миссий СМИ, которые определяют жизнь СМИ, мы предпочитаем выстроить определенную конфигурацию, соответствующую именно сегодняшней ситуации в обществе.

Журналист как субъект морального выбора

Стержень профессиональной этики журналиста – ситуация морального выбора. Если в кодексах не уделяется особое внимание этому тезису, значит, можно судить о недоверии их создателей к нравственной свободе журналиста; о причине доминирования запретительных норм; о скрытых попытках опасаящихся непредсказуемости журналистского самоопределения авторов по-опекунски “перехватить” эту неопределенность, подстраховать ее с помощью сильной или слабой версии патернализма.

Уже сам факт создания Конвенции как института саморегуляции медиасообщества – процесс морального выбора, принятия ответственности. Включение в Конвенцию специального раздела о моральном выборе – стремление показать, что это соглашение ценит свободу морального выбора журналиста, что журналисты готовы отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие ими определенных нравственных ориентиров для решения противоречий, возникающих, например, между правом аудитории получать информацию и долгом журналиста сообщать ее.

Конечно, можно попытаться уйти от ситуации морального выбора, ссылаясь на то, что жизнь трудна, возможностей для маневра так мало. Можно сказать, что “куда ни кинь – всюду клин”, что, например, из двух враждующих финансовых группировок одни – бывшие уголовники и другие – тоже, а потому остается служить лишь тем или другим: все монопольно захвачено обеими группировками. Можно плюнуть на все и заниматься как-то частным делом. Все так, но в любом случае журналист принимает моральное решение.

Есть выбор и выбор. Во-первых, было бы слишком просто свести ситуацию морального выбора журналиста к поиску готового ответа в конце задачника – подбору той или иной из множества норм профессионального кодекса, которая бы регулировала возникшую перед ним ситуацию (именно так иногда поступают авторы пособий по медиаэтике). Во-вторых, важно осознать, что есть еще и выбор стратегического плана: действовать ли в духе кодекса или избрать иное основание своих решений и поступков. В-третьих, во многих ситуациях журналист сталкивается с противоречием между принципами и нормами одного и того же кодекса. Речь о выборе, совершаемом в нестандартной, конфликтной ситуации, когда в сознании журналиста сталкиваются разные нормы одного кодекса и требуется выбор решения в пользу одной из них вопреки другой. Именно поведение в конфликтной ситуации требует особой культуры, которую не может заменить просто знание конкретных норм профессионального поведения.

Нет выбора без ориентира. Стратегического ориентира, выражающего то или иное понимание моральной доминанты эпохи, – гуманистические идеалы, права и свободы человека и т.д. Ориентира профессиональной деятельности СМИ – свободы слова. И совсем не менее значимых конкретных ориентиров-критериев выбора. Конвенция полагает возможным и необходимым выделить два из них.

Первый – признание нравственного достоинства самого стремления к профессиональному успеху. Мотив достижения, стремление к профессиональному успеху – императив современного журналиста. О профессиональном призвании судят по готовности служить делу, а такое служение невозможно без стремления к реальным успехам. Мотив служения мобилизует и формирует профессионала.

В то же время ориентация на успех может подточить профессионализм журналиста, подчинить критерии профессиональности коммерческой калькуляции. Вместо деления на честных и нечестных может начаться деление на “деловых” и “неделовых”. Цена такой трансформации – от снижения уровня профессионального мастерства до подрыва нрав-

ственных устоев профессии: образ “золотого пера” приобретает отнюдь не метафорический смысл.

Мы полагаем ограниченной оценку профессионального успеха лишь по материальному доходу – она уместна скорее в бизнесе, а в свободной профессии ценность честного имени доминирует над гонораром. Журналист, беспардонно лгущий с телеэкрана или с газетной страницы за большие деньги, может быть и успешен в житейском смысле, но на самом деле он “перепутал” профессию, поменял журналистику на торговлю, продавая особый товар – мозги (как кто-то продает почку). Суть профессионального успеха – успех журналиста в самой профессии.

Второй критерий выбора связан с решением труднейшей проблемы соотношения благой цели и средств ее реализации. В стремлении к эффективности мы нередко решаемся на выбор средств, противоречащих нравственной природе целей. Поэтому нравственно-эффективным является лишь то средство, которое необходимо и достаточно для достижения цели и, в то же время, не уничтожает ее нравственного достоинства. Как это ни парадоксально, эффективно лишь то, что нравственно.

В предельно сложных нравственно-конфликтных ситуациях приходится решаться и на выбор меньшего зла. Основание такого решения – в ударении на слово “меньшее”. Профилактика беспредельного аморализма – в ударении на слово “зло”. При этом основная опасность – заменить вину оправданием, оправдаться, а не повиниться.

Журналистским сообществом признается и благотворность определенного риска журналиста в ситуации морального выбора как естественного фактора свободной профессии, как обоснованное право журналиста на нравственные искания, моральное творчество, в том числе и создание новых правил честной игры.

Минимальный стандарт профессионально правильного поведения

Преамбула. Журналист, относящий себя к цивилизованному профессиональному сообществу, осознанно и по доброй воле придерживается при выполнении профессиональных обязанностей (независимо от своего места в структуре конкретного СМИ, ориентации своего издания или собственных политических и иных взглядов, симпатий и антипатий) перечисленных ниже норм, методов деятельности, правил поведения, признающихся профессионально правильными большинством международных и национальных организаций журналистов, составляющих в совокупности основу для ответственной и успешной повседневной профессиональной практики.

Составляя своего рода *минимальный профессиональный стандарт*, эти нормы, методы и правила позволяют – в силу логики минимальной достаточности при минимальной же внутрипрофессиональной конфликтности – заложить основу института практической саморегуляции “цеха”. Признание и соблюдение норм минимального стандарта профессиональными журналистами должно практически способствовать повышению доверия граждан к отечественной журналистике и содействовать защите и укреплению свободы слова и свободы массовой информации.

Минимальный стандарт не является препятствием для профессионально-этического нормотворчества конкретных профессиональных ассоциаций, организаций, редакций, позволяя каждой из них более точно согласовывать профессиональные права и свободы своих членов с другими правами, свободами и интересами, – снижая тем самым возникновение возможных и вероятных конфликтов, вызываемых деятельностью СМИ и журналистов, или помогая их корректному разрешению.

Журналист, работающий в режиме соблюдения минимального профессионального стандарта:

- * ведет *сбор информации* только *честными* средствами и методами;
- * проводит четкое, понятное, в том числе наименее подготовленным читателям, *разграничение между новостями* (новостной информацией), с одной стороны, и *мнениями и комментариями* – с другой¹⁶;

---

¹⁶ Резолюция 1003 (1993) по журналистской этике (Парламентская ассамблея Совета Европы, Сорок четвертая очередная сессия) дает при этом такую трактовку: **НОВОСТИ** – это информация о фактах и событиях. **МНЕНИЯ** – это мысли, идеи, представления или ценностные суждения.

* распространяет информационные сообщения, *достоверность* которых подтверждена необходимыми или доступными журналисту и СМИ *средствами проверки*, соответствующим образом *верифицирована*¹⁷;

* выделяет и *отделяет специальными профессиональными приемами* (маркирует) от достоверной информации *слухи*, а также ту информацию, *подтверждение которой не удалось получить* по независимым от журналиста или редакции причинам¹⁸. Сам факт такой попытки также маркируется;

* отделяет *архивную* информацию от *новостной*, а *подлинный фотоматериал* от материала, полученного с *применением приемов монтажа*;

* не путает повседневную работу с работой *специалиста рекламного отдела* или *отдела по связям с общественностью*, четко отделяет *новостную* информацию от *рекламной* и/или по преимуществу *имиджевой*;

* везде, где это представляется возможным, указывает *источники информации*¹⁹;

* соблюдает и защищает *конфиденциальность источника информации*, предоставленной на условиях сохранения редакционной тайны;

* незамедлительно, без специальных требований пострадавших, *исправляет ошибки*, допущенные по его вине или вине редакции;

* не допускает *оскорблений* по отношению к лицам, чьи слова или поступки публично критикуются;

* предоставляет, в том числе в инициативном порядке, *право на ответ* лицу, подвергающемуся в СМИ серьезной публичной критике;

* соблюдает *нормы авторского права* и уважает *права своих коллег* на отличную от своей точку зрения;

* считает свою профессиональную деятельность несовместимой с *пропагандой преступности, терроризма, насилия, жестокости*;

* избегает любого поощрения *нетерпимости или дискриминации*, основанных на расе, поле, языке, вероисповедании, политической и иной ориентации²⁰, национальном, региональном или социальном происхождении.

Экспертно-консультативная комиссия

Профессионально-этическая сторона деятельности СМИ может и должна быть предметом анализа, суждений и оценок. При этом важно правильно определиться к вариантам этической комиссии, институции, призванной работать с “цехом” на основе конвенции.

Альтернативы, требующие рационального предпочтения, связаны с основаниями, закладываемыми как в *назначение* комиссии, так и в ее *состав*. Во-первых, речь идет о том, будет ли такого рода комиссия инстанцией нравственного суда – или же она возьмет на себя роль инстанции *экспертно-консультативной*. Во-вторых, региональному сообществу журналистов предстоит отдать предпочтение либо комиссии сугубо внутрикорпоративной, составленной только из самих журналистов, либо комиссии, включающей, кроме членов сообщества, еще и представителей гражданского общества.

Очевидно, что во всех этих вариантах возникает проблема морального выбора. И в первом, и во втором случае соответствующая альтернативность задается уже в названиях вариантов комиссии.

На наш взгляд²¹, материалы реализованной части проекта позволяют считать более целесообразной модель *“экспертно-консультативной комиссии”*. В этом варианте субъ-

---

¹⁷ “Информация, предоставляемая журналистом, должна быть достоверной в том, что касается новостей, и честной в том, что касается мнений”. Резолюция 1003 (1993), из которой взята данная формулировка, содержит также специальное уточнение, продолжающее и закрепляющее логику предъявляемого подхода: “без... вмешательства со стороны как властей, так и частного сектора”.

¹⁸ Последнее – с четким указанием на то, какие шаги предпринимались журналистом и редакцией с целью проверить информацию, представляющую общественный интерес.

¹⁹ Чрезвычайно важный пункт, расширяющий минимальный стандарт: “при этом сама информация должна быть, по возможности, сбалансированной, позволяющей гражданину составлять возможно более адекватное представление об окружающем его мире”.

²⁰ В европейской “транскрипции” документа формула дана в более полном виде: “и иной, в том числе сексуальной ориентации”.

ектами профессионально-этической экспертизы и консультирования могут и должны стать не административно-правовые инстанции, а структуры гражданского общества. В этом случае моральное регулирование – и моральная ориентация! – осуществляются с помощью присущих морали ценностей, способов индивидуального и общественного регулирования, санкций.

Реально речь идет об идее этического консилиума, осуществляемого экспертами в медиаэтике и в познании нравственной жизни общества. Последнее объясняется тем, что профессиональное сообщество видит в комиссии не просто инструмент саморегулирования внутрицеховых конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений журналистами свободой слова.

При этом участникам консилиума предстоит поиск, вовсе не похожий на школьную симуляцию “поиска”, которую провоцирует методически продвинутый учитель, заранее знающий ответ. Систематический разбор казусов и публикация его материалов даст не просто решение конкретных ситуаций, но и заложит основы прецедентной медиаэтики.

В выборе предмета своих суждений и оценок комиссия ориентируется на те аспекты конвенции, которые касаются “чисто” моральных аспектов деятельности СМИ. При этом особое место занимают проблемы, которые конвенция связывает с защитой общественных интересов.

Моральные суждения и оценки комиссии будут иметь вес лишь в том случае, если профессиональное сообщество согласится принимать эти суждения и оценки, причем и в случае, если они не будут едиными для всех членов комиссии.

Чтобы найти адекватную форму работы комиссии, целесообразно постепенно “вырастить” ее в процессе первого этапа работы. Например, стенограммы первых трех заседаний будут предоставлены для ознакомления всем членам сообщества, чтобы они решили: готовы или не готовы они воспринимать процесс и результаты работы комиссии и доводить эти результаты до своей аудитории.

В период первых трех заседаний будут выработаны и решения двух важных проблем: проблема резолюции в ситуации отсутствия единого мнения членов комиссии, проблема учета мнения отсутствующих ее членов.

Формирование предмета обсуждения на Совете: (а) в случае заказа на этический аудит – та продукция СМИ, которую они предлагают сами; (б) определенный перечень проблем, сформулированный сообществом как предмет особой заботы, который оно хотело бы обсудить *заранее*; (в) в особых случаях – предлагаемые общественными организациями темы и проблемы, согласованные с комиссией.

Заключение

На наш взгляд, стоит зафиксировать, что структура конвенции не является абсолютной. Если тюменские журналисты захотят использовать конвенцию как ориентир для создания редакционных кодексов, целесообразно, на наш взгляд, включить еще двух, по меньшей мере, элементов.

Первый из них должен содержать развернутую формулировку Кредо организации. Кредо дает представление о духе корпорации, особенностях нравственных устоев ее внутренней жизни и задаваемого самим кодексом характера взаимоотношений данной корпорации с обществом и гражданином.

В профессиональном кодексе кредо – становой хребет, несущая конструкция; убежать – может попросту рассыпаться система. В общественной профессии, где поступать “по закону и совести”, в том числе в ситуациях острого морального риска, связанного с выбором “профессионально правильного поведения”, носителю прав и обязанностей приходится постоянно (неся за выбор всегда, в конечном счете, личную ответственность), принципиально важными оказываются вопросы “*ради чего*” и “*во имя чего*”, а не просто – “*с какой целью*”.

Кредо – та пружина достижительного в нравственном смысле, которая делает кодекс именно кодексом: документом, связанным с профессиональной моралью, а не набо-

---

²¹ Здесь излагается идея, разработанная совместно Центром прикладной этики (В.Бакштановский) и Фондом защиты гласности (А.Симонов).

ром правил приготовления “съедобного” из поваренной книги или же набором пунктов инструкции по эксплуатации бытового электроприбора.

Еще один раздел редакционного кодекса уместно посвятить внутрикорпоративным (внутриорганизационным) правилам игры, сформулировав в нем нормы взаимоотношений в системе журналист-редактор-собственник. Как показал соответствующий этой теме семинар, степень разработанности темы не позволяет сейчас представить его в виде конкретных принципов и правил игры. Тем не менее, в рамках проекта активно звучала идея о том, что прежде всего такую конвенцию между собой должны заключить издатели. В качестве “заделов” для разработки этой темы могут послужить комментарии к семинару, которые будут представлены в 4-ом выпуске “Тетрадей...”.

Примерное содержание этого выпуска:

- * Обзор семинара в ГТРК “Регион-Тюмень”.
- * Обзор семинара “Журналист-редактор-собственник”.
- * Обзор семинара в Правлении Союза журналистов Тюменской области, посвященного модели “этической комиссии”.
- * Стенограмма заключительного семинара, посвященного апробации целостной модели конвенции.
- * Аналитический отчет по итогам проекта.